

Евгений Алехин

НИ ОКЕАНОВ, НИ МОРЕЙ

Ил-music
карантин-карман
2017

Содержание

Вместо путешествия	· 5
Рай открыт для всех	· 12
Перед концом света	· 19
Бредовые рыцари	· 23
В голове багажиста	· 37
Ядерная весна	· 52
Добровольцев нет	· 61
Естествоиспытатель	· 73
Первый покойник	· 84
Отвечает Lindurik	· 94
Наваждение	· 100
Четыре месяца разницы	· 106
Будничный анекдот	· 115
Ни океанов, ни морей	· 131
Кислород	· 139
После работы	· 144
Новоселье	· 147
Дружба дружбой	· 152
Пляж	· 161
Последние дни	· 166
Подробности одиночества	· 173
Вместо послесловия	· 205

ВМЕСТО ПУТЕШЕСТВИЯ

О том, чтобы сейчас куда-то ехать, не могло быть и речи. Нам нужно было успокоиться и выспаться. Но у меня не получалось успокоиться. Я немного посидел над спящей Кристиной – Леонид и Лена спали в другой комнате – и решил пойти прогуляться. Рассвет уже заглядывал в окна, поэтому я поправил шторы, чтобы на лицо Кристины не падали утренние лучи. Леонид поцеловал ее и вышел. Вызвал лифт и, слушая звук его механизма, смотрел вниз через перила и лестничные пролеты. Какая страшная утомительная ночь. Двери распахнулись, я вошел в кабину, нажал кнопку «один». Лифт тронулся. Я заметил клочок Лениных волос на стене рядом с панелью. Волосы приклеились на запекшуюся кровь, как на клей. Леонид мой хороший друг, но я подумал, что никогда теперь не смогу относиться к нему так хорошо, как прежде. Я стал смотреть себе под ноги, машинально ища сигареты в кармане, хотя и знал, что они закончились. Ранняя осень и утренняя свежесть помогли мне унять волнение. Но адреналина в крови было еще слишком много, чтобы назвать мое состояние адекватным. До круглосуточного магазина нужно было пройти несколько дворов. Людей на улице не было, только слышно было, как где-то дворник метет тротуар. С чего все началось? В моей памяти все началось с того, как Лена сказала:

– Ты просто ему завидуешь!

– Перестань пороть чушь, – ответил Леонид.

– Завидуешь, завидуешь, завидуешь, – не унималась Лена.

– Перестань. Тебе чего-то не хватает? – спросил Леонид.

Он ненадолго оторвался от диалога, чтобы указать водителю дорогу.

Потом сказал:

– Я выбрал такую жизнь, какой живу. И никому никогда не завидовал.

Но Лена разошлась и хотела скандала. Она повторила:
– Завидуешь, – и совершенно напрасно добавила: – Потому что Эдуард – мужик.

Я пытался нащупать слова, с которыми можно было встрять в разговор.

Хотя я знал, что Леонид прекрасно понимает умом, что не имеет смысла ревновать Лену к бывшему мужу, но также и знал, что горячее сердце Леонида пронизывает болью каждый раз, когда он слышит это имя.

Но я не успел подобрать слова, потому что Леонид перегнулся (он сидел на переднем сидении) и отвесил Лене крепкую пощечину. По-моему, я вскрикнул от неожиданности: такая ссора совершенно не вязалась с моими представлениями о них.

– Тряпка! – сказала Лена.

Все замолчали. Я обнял Кристину. Мне было очень неловко и обидно, что ей пришлось стать свидетелем такой сцены. Через несколько секунд Лена повторила:

– Тряпка.

– Заткнись, сука, – тяжело произнес Леонид, не поворачиваясь к нам.

Лучше бы переночевали в гостинице. Но теперь было поздно. Никогда прежде не заставал их за ссорой, конечно, как я вообще мог предположить, что нечто подобное произойдет. «Тебе понравятся мои друзья», – сказал я Кристине.

Сойдя с поезда «Москва – Петербург», мы хорошо погуляли. Зашли в кафе и книжный магазин. Позже собирались встретиться с Леонидом и Леной, переночевать у них и утром на автобусе поехать в Хельсинки. Прежде я не был в Европе, но в последнее время дела налаживались, и можно было позволить себе небольшое путешествие.

Вечером посидели вчетвером в баре на Невском проспекте. Когда решили, что посидели достаточно, расплатились, и Леонид поймал частного.

Мы вылезли из машины, я сказал:

– Давайте возьмем вина и успокоимся.

Леонид пожал плечами.

– Пойдем, – сказал я ему. И Лене с Кристиной: – Идите домой. Мы скоро.

Выбрал три бутылки красного сухого. Леонид ходил за мной по магазину, как заблудившийся ребенок за милиционером.

На кассе он сказал:

– Извини, что так получилось.

Кассир пробила вино. Расплачиваясь и складывая бутылки в пакет, обдумывал, что ему ответить. Наконец я сказал:

– Ничего страшного. Это ты извини, что я стал свидетелем. Надеюсь, это не разрушит нашу дружбу, как в книге «Черный принц».

Леонид как будто даже немного просиял. Он неловко пожал мне плечо, не найдя жеста лучше.

Позже меня преследовало странное ощущение. Лена и Леонид ссорились этой ночью совершенно так же, один в один, как мои родители. Мне очень больно было наблюдать. Но дело не только в этом. Я испытал настоящий, какой-то страшный, стыд. Его причина была не в том, что мой друг – интеллигентный человек – ни с того ни с сего избил свою женщину. И даже не в том, что эта бытовая драка была точной копией многочисленных ссор моих родителей. В чем-то я себя обманываю – вот что я чувствовал, был в этом уверен, но не мог понять, в чем именно. Купил сигареты и закурил на улице. Я обратил внимание на свои руки. Они были поцарапаны, но я не помнил, откуда взялись эти царапины. Мне захотелось ударить себя со всей силы по лицу. Память что-то прятала от меня. Я смотрел на небо, на серые облака. Мне удавалось сдержаться, но я ненавидел себя за то, что во мне жило нечто темное, непонятное, что играло мной. Я докурил и медленно, как к эшафоту, пошел к дому Леонида.

К нашему возвращению в квартире была спокойная, даже дружелюбная, атмосфера. Кристина поцеловала меня и шепнула:

– Все ровно. Как у тебя?

– У нас тоже, – ответил я.

Она умела располагать людей и находить нужные слова. У Кристины получилось, и у меня получилось. Можно было проводить время. Леонид поцеловал Лену в шею и сказал:

– Я проголодался.

Помню, что мы снова ели и пили. О чем разговаривали, вспомнить не могу. Я обнимал Кристину, с другой стороны стола мирно сидели Леонид и Лена. Две молодые счастливые пары. Леонид со страстной брюнеткой Леной и я с Кристиной – красивой, белокурой, с острыми аристократическими чертами лица. Женщиной, которую люблю. Прокручивая эту ночь, я не мог найти точки, того момента, когда конфликт стал разгораться вновь. Как по щелчку, мир создается с уже стоящей посреди кухни и кричащей, в точности как моя мать, Леной:

– Да кто ты вообще такой?! Что ты умеешь в этой жизни и что знаешь?!

Леонид смотрел куда-то в центр стола. Ленины слова наполняли его, и я чувствовал, что скоро он взорвется. Лена перешла на мат. Кристина, вскрикнув, схватилась за мою руку. Как предугадала: в следующий миг Леонид обрушил свои сильные руки на стол, разбив тарелки и стакан. Лену это не остановило:

– Давай, бей посуду! – сказала она и закрылась в ванной.

Пока мы перебинтовывали его руки, Леонид не сказал ни слова. Весь стол был залит кровью, мы тщательно наматывали бинты на разбитые руки. Леонид не принимал в происходящем участия. Кристина тоже молчала. Только я говорил:

– Вот так.

Потом добавлял:

– Дай-ка сюда. Перемотай здесь.

Мне казалось, если я не буду вставлять эти риторические реплики, все пространство утонет и растворится в страшной тишине. Леонид так и сидел, как труп, с перемотанными руками. Мы с Кристиной стояли над ним, не в силах оставить его одного и не в силах оставаться с ним.

– Нам, пожалуй, стоит лечь, – предположил я. – Автобус рано утром.

Моя реплика прозвучала совершенно фальшиво. Как будто я случайно зашел на съемочную площадку серьезной драмы, заготовив сериальную реплику. Какой автобус, кому стоит лечь? – очевидная ложь. Но Леонид едва заметно кивнул. Я услышал, что Лена открыла дверь ванной. И вот я уже лежал в углу. Лена кричала, и Кристина кричала, а я не успевал за бардаком, творящимся вокруг. Это Леонид откинул меня и вцепился в горло Лене, лежащей на небольшом возвышении, на ступеньке, отделяющей коридор от кухни. Я поднялся и стал оттаскивать Леонида, пока Кристина пыталась расцепить его пальцы. Он был сильнее меня, оттащить не удавалось, носки скользили по плитке. Тогда я несколько раз ударил Леонида и сам начал душить его. Он переключился с Лены на меня. Мы катались по полу, и я слышал, как Кристина кричит:

– Пожалуйста! Что ты делаешь?!

Дальше я помнил сидящего на полу Леонида. Он бормотал:

– Прости меня, Лена. Прости меня, любимая. Прости меня, Лена. Это не я. Это все алкоголь.

Помнил заплаканную Лену и как она одевалась. Мы с Кристиной молча сидели за столом. Я пил вино прямо из бутылки.

Лена много раз повторила:

– Я поехала к маме.

Она вызвала такси, потом металась из коридора в свою комнату и как будто убеждала себя:

– Я еду к маме.

Леонид ползал по полу и бормотал извинения, пачкая плитку кровью, потому что бинты растрепались, и от них теперь не было никакой пользы. Он оклемался, только когда Лена захлопнула дверь. Вскочил и пошел за ней. У меня не было сил, я сидел и пил вино, боясь взглянуть на Кристину. Не знаю, сколько мы просидели так. Мне было непонятно, что делать. Кристина сказала:

– Нужно сходить за ними.

Надел куртку и вышел в подъезд. Лена плакала на лестничной площадке. Она сказала мне:

– Он не дал мне уехать. Вцепился в дверь и не дал мне уехать. Он не отпустил меня, а водитель уехал один.

Завел ее в квартиру и сказал Кристине:

– Дай ей успокоительное, если есть.

Кристина обняла Лену и спросила:

– У тебя есть успокоительное?

Не успел услышать, что ответила Лена. Оставил их, снова вышел из квартиры. Не стал ждать лифта, бегом спустился по лестнице. Леонид был на улице. Он, как раненое животное, стоял на проезжей части в перепачканной кровью и пищей футболке и выл.

– Пойдем домой, пойдем, – уговаривал я.

Леонид перестал издавать звуки и теперь смотрел на меня стеклянными глазами. Я потянул его к подъезду. Он не сопротивлялся, но еле передвигал ногами. На нем не было обуви.

– Пойдем, тебе нужно лечь, – говорил я.

Тут я понял, что сам иду необутый по мокрому асфальту. Сумасшествие какое-то, я медленно шел босиком по утренней улице и курил сигарету за сигаретой. У меня не осталось сил, чтобы управлять собой. Я выпустил из рук собственный

разум. Как упрямого ребенка, приходилось упрашивать тело пойти в подъезд. Как будто я сидел в будке и командовал непослушным работником через голосовую связь. Тело упрямылось, я даже расплакался, пока вернул самому себе управление. Зашел в подъезд и стоял на площадке, глядя на кнопку. Скоро случится что-то страшное. Но я надавил на кнопку через страх. В лифте до последнего старался отводить взгляд в сторону, в угол, куда угодно. Доехал до нужного этажа и, уже выходя, не выдержал. Посмотрел на это место, рядом с панелью, и увидел светлые волосы, прилипшие к стене.

Открыл входную дверь ключом и вошел в квартиру. Вдруг я собрал все концы, разгадал загадку. И тогда чуть не закричал. Из последних сил прошел по коридору, заглянул в дальнюю комнату: Леонида и Лены не было дома. Я не удивился. Их даже не было вчера с нами. Леонид оставил для нас ключи в почтовом ящике, потому что его самого даже не было в городе. Что же я наделал?

Я сказал вслух:

– Кристина.

Зашел в нашу комнату, тихонько подошел к кровати. Стоял несколько секунд, разглядывая Кристину сквозь слезы: она была очень красива.

Кристина лежала, до груди прикрытая одеялом. Ее глаза были закрыты. Я не видел никаких следов побоев, но знал, что, если повернуть голову, увижу их. Приподнял одеяло и лег рядом с ней. Я понятия не имел, жива ли она. Обнял ее и тихонько сказал:

– Я тебя очень люблю.

Нужно было сделать звонок. Нужно было вызвать скорую и милицию, но я не мог заставить себя. Просто лежал рядом с Кристиной, стараясь концентрироваться на звуках, доносившихся из открытой форточки, и ни о чем не думать.

РАЙ ОТКРЫТ ДЛЯ ВСЕХ

С закрытыми глазами я ехал на работу в маршрутке. Не могу ночами спать обычно часов до трех, зато потом весь день хожу как в астрале. Нужно было открыть глаза и посмотреть в окно: не пора ли мне выходить. Я частенько проезжал свою остановку. Тогда маршрутка доезжала до конечной, разворачивалась, а я выходил на обратном пути, опаздывая таким образом на двадцать пять минут. Я ехал и заставлял себя открыть глаза, но они никак не хотели распахиваться, и я вроде уснул еще на неопределенное время. Потом проснулся от неожиданного матерного возгласа, доносившегося издалека, и как будто даже услышал скрип тормозов и удар. Но крик, скрип, удар – видимо, все это было частью уже забытого сна, потому что я не ехал в маршрутке, а сидел на стуле. Огляделся: это было просторное помещение, очень просторное. Потолки – метров пять в высоту, большой зал, наверное, пятьдесят на пятьдесят метров. Здесь были столики, за которыми сидели люди, по одному или, редко, по двое. Я тоже сидел за столиком. Недалеко от меня была стойка, за которой стоял красивый, уж намного красивее меня, парень.

Я встал, подошел и попросил бутылку пива. Он поставил ее передо мной.

– Сколько с меня?

– Ничего не надо.

Он вежливо улыбался.

– Как так?

Он улыбался вежливо, но немного снисходительно:

– Все за счет заведения.

– Тогда дайте мне еще две сразу и сигарет.

Он совершенно спокойно, ни капли не смущенный моей дерзостью, поставил передо мной пиво и положил сигареты.

- Все?
- Да, спасибо. А почему? За какие такие заслуги?
- Идите, присядьте.

Я пошел обратно за столик, пил потихоньку пиво из бутылки, я люблю пить из бутылки, и смотрел по сторонам, пытаюсь что-то понять. Место какое-то странное было. Люди вокруг были задумчивые, иногда кто-то из них вставал и шел в сторону выхода, находящегося в конце зала. Один мужик зашел туда, и оттуда послышался поток брани. Мужик ругался непонятно на кого, утверждая, что зря пахал «как Папа Карло». Только вместо «пахал» он использовал другой глагол.

Тогда я встал, взял одну бутылку с собой и подошел к девушке, которая сидела одна, пила чай или кофе, ее я приметил полбутылки назад:

– Можно сесть с вами?

– Садитесь.

Она была симпатичной.

– Что?

– Нравитесь вы мне. Красивая.

– А.

– Но я хотел у вас спросить, что это за место?

– Так вот же, на столе лежит брошюрка, почитайте, там все написано. И можно на «ты».

– Хорошо. Я просто думал, это реклама.

Я начал читать. Там была написана всякая чушь, совершенно не литературным языком. Я прочитал полтора предложения о каких-то райских пастбищах и отложил эту ерунду.

– Тут, – говорю, – какая-то матерная ерунда.

Она ехидно заулыбалась.

– Как вас зовут?

– Я же сказала, можно на «ты».

– Тем не менее как вас зовут? Тебя.

– Соня.

– Славно. То есть очень приятно, – я представился. – Так где мы находимся?

– Почитал бы это. Там волшебный текст, когда его читаешь, там все объясняется так, как если бы объяснял сам читающий. Это там тоже написано.

Я усмехнулся.

– Да это зеркало души? Это вы намекаете, что я такой матерщинник?

– Не смейся. Это правда. И не выкай, надоел.

Я ответил:

– Ладно.

– Ты что, – говорит, – не помнишь, как здесь оказался?

– Н-нет, чего-то не могу вспомнить.

– И я не помню, – говорит. – Мы попали в чистилище, или как там это называется? В общем, когда умираешь, попадаешь сюда.

Тут нас отвлек парень. Тип этот, непонятно откуда взявшийся, стоял и кричал:

– Что такое, чуваки?! Что за ерунда?!...

– Вот, посмотри, – сказала мне она. – Это уже не первый.

– Что здесь происходит?! – этот тип был здоровенький, но из дверного проема вошли двое охранников, они направились к нему.

Тип голосил:

– Какого черта, – схватил мужичка, мирно прихлебывавшего свое пойло, и ударил его. – Что за хуета такая?!

Охранники резко схватили бунтаря под руки и поволокли к выходу.

– Да отпустите меня, пидоры, отпустите, пидары!

Случайная жертва дикого парня опять сел прихлебывать свое пойло.

– Истерика у него. Тоже, как ты, ничего понять не может, в раю оклемается, – пояснила Соня.

– Этот кретин попадет в рай, по-твоему?

Парня в этот момент вытащили из помещения, снаружи доносился его крик, невероятно дикий:

– Да что это, блять, такое?! Где мои ноги?!

И потом заткнулся.

– Ада нет, – пояснила она. – Вот этому ноги отняли. Такая штука: все хорошо, рай открыт для всех, но тебя делают калекой. Как только выходишь, а там в зависимости от того, кто ты, как ты жил и думал, тебя лишают конечностей. Или ушей.

– Ебано, – только и сказал я растерянно. И извинился.

– Ничего. Да, приятного мало. Я сижу здесь уже часа два. Настраиваюсь пойти.

– Так зачем тогда вообще туда идти?

Она так посмотрела на меня, как будто очень рада, что я задал этот вопрос. Как будто ответ на него она берегла и лелеяла:

– Ты видишь тут туалет?

– То есть? Нет.

– Ну.

Я на нее тупо смотрел. Она улыбалась. Тут до меня дошло, что я ошибся в выборе выпивки.

– Ебано два!

– Вот-вот. А подают тут только напитки, больше ничего. Видимо, чтобы заторов не было.

– Да уж, долго не просидишь. Значит, когда людям захочется в сортир, им придется лишиться конечностей. Остроумно.

Пока мы молчали, я закурил. Она посмотрела на сигареты с сомнением, но закурила сама.

– Получается, повезло, что я до старости не дожил, – говорю. – А то отправился бы в вечность с дряхлым телом.

– Да тут возраст не имеет значения, – возразила она.

– В смысле? Ведь тут вон дофига всяких разных?

Я огляделся, чтоб подтвердить свои слова. Здесь были люди разного возраста.

– Да суть в человеке, – говорит. – Вот мне сколько, на вид?

– Двадцать, а может, меньше двадцати.

– А дожила до семнадцати.

– Мой любимый возраст, – ответил мечтательно. Но она проигнорировала эту мою интонацию: вроде как педофильская шутка и одновременно пробивание почвы.

– Хотя, здесь разница не велика – могла так же выглядеть. Вот ты до сколько дожил?

– До тридцати. А на вид сколько?

– Ну, лет девятнадцать...

Я взялся за лицо:

– Надеюсь, хоть прыщей нет?

– Прыщей нет.

– На том спасибо. Выходит, права была мама – я не достиг взрослости. А ведь всегда старше смотрелся.

Потом мы взяли две бутылки вина, решили, будем пить вино, пока позволяют наши мочевые пузыри. Трезвыми туда идти не хотелось.

– А тебе, – спрашиваю, – сильно страшно?

– Ну, не знаю даже. Сложно себя оценивать. Может, останусь без ног или рук. А ты боишься?

– Не знаю, хорошим человеком я не был и особо с другими никогда не церемонился. Но мне кажется, по сути, по справедливости, надо сильно дрючить людей нечестных, подлых, корыстных. Такое. А я был честен с собой и с людьми. Кажется. Хотя, может быть, не до конца. Старался, по крайней мере. Хотя, кто знает их систему?

И тут я вспомнил один случай. Видимо, мое лицо исказилось, потому что она спросила:

– Что такое?

– Вспомнил одно нехорошее. Самое. Я на первом курсе учился, поссорился со своей девушкой и подарил зайчика,

которого она подарила мне, своей однокурснице на день рождения. Черт.

– Отвратительно.

– Больше десяти лет с этим жил.

Мы так сидели, и я чувствовал, что скоро захочу. Я скоро захочу в туалет, и с этим ничего не поделать. Все вечера с вином неизбежно заканчивались в жизни и, как оказалось, после жизни тоже.

– Ну как, еще выдержишь?

– Нет, уже хочу-хочу.

– Давай по одной покурим.

Но скурили еще по несколько, далеко не по одной, прежде чем пошли. Возле выхода стояли два парня, и один из них уже почти зашел, но все же не решился.

– Ты, – говорю ему, – пива бы выпил побольше, уже бы там давно был.

Он взглянул на меня. Я хотел его в шутку толкнуть, но он отскочил, и они с его другом отошли.

– Зачем ты так, – сказала она, – пугаешь человека? Не-просто ему.

– Ладно, готова?

– Готова. Вернее, уже не могу терпеть.

– Возьмемся за руки?

Мы взяли за руки. Впервые прикоснулся к ней.

– Я очень рад, что познакомился с тобой... Соня, – сказал я почти торжественно. Я чувствовал себя женихом на свадьбе.

– Хватит, пошли. Я сейчас уже того.

Я шагнул вперед, сделал несколько шагов, с удивлением повернулся к ней:

– У тебя тоже все на месте?

– Не знаю, вроде да, – она потрогала свою голову, прощупала ее руками. – Кроме одного уха.

И тут я начал падать. Я как будто проваливался сквозь землю. Она сделала испуганное лицо, быстро протянула

руки к моей голове и за голову начала поднимать меня.

– Что это со мной?

Она в ответ наклонила меня – у меня не было рук, ног, тела. Ничего, кроме головы. Я стал колобком. Я сказал:

– Блять! А ведь уже тогда чувствовал, что поступок нехороший. Этот драный зайчик. Я был злой, понимаешь, мне казалось, что это будет остроумно. Чертов заяц!

Она бережно держала меня на руках, лицом повернув к своему лицу:

– Ну, ничего страшного. Не все так страшно.

– Ты и такого будешь меня любить?

– Посмотрим.

– Жаль только, мы будем лишены некоторых удовольствий.

– Это точно. Во всяком случае ты.

– А может, это временно? Может, тело регенерируется, как у червей? А?

– Может, и так.

Соня несла меня на руках в рай. В жизни никто не носил меня на руках, и я подумал, что это все не так уж и плохо. Калеки в вечность, но можно бы было сидеть там, мочиться в штаны и бояться, зато с руками и ногами, с задницей, со всем, что нужно. Бояться и мочиться в штаны.

– Где здесь туалет? Ты подождешь меня? – спросила она.

– Подожду, – ответил я, – конечно, подожду.

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

Нам по четырнадцать лет. Пришли с Пашей на речку в наше специальное место. В хорошее место. Как раз чуть выше постройки, откуда выходили в воду трубы с зелено-бордовым калом. Так что вся гадость текла вниз по течению, а мы купались в почти чистой воде. Паша уселся на большой камень.

– Холодновато, чтобы купаться, – говорит.

– Нужно искупаться. Я еще ни разу не купался перед концом света.

– Ты что, правда веришь в эту хреновину?

– Не знаю. Хочу, чтобы это была правда. Если мы на самом деле попадем на конец света, это же будет интересно.

Я разделся и начал заходить в воду. Солнца не было, тучи, лето заканчивалось. Но было что-то волшебное в воздухе. Я повторял про себя: конец света, конец света, конец света. Внутри меня радостно щекотало. Я медленно-медленно заходил в воду. Паша же посидел на камне, потом разделся и сразу зашел по шею. Он толстый, а я худой был, как глист, поэтому, наверное, и мерз.

– Жень, так если конец света, так все – черным-черно. И ничего.

– Ну, насчет черноты сомневаюсь. Чернота ведь – это цвет.

– Значит, не чернота, не знаю. Как в космосе, пусто.

– В задницу космос. А я вообще не верю, что ничего не будет после конца света. Мне кажется, мы будем жить совсем иначе. И мне интересно. Просто я вот не могу себе представить, что бы ничего не было. Как это? Объясни мне.

– Не умничай, – Паша начал брызгаться, и мне пришлось погрузиться. – Ну, что? Как? Особенно купаться перед концом мира?

– Да.

И тут я увидел мужика в трусах и рубашке на берегу. Он валялся метрах в пятнадцати от нашей одежды, странно, что до этого мы его не заметили.

– Паш, глянь, там мужик, либо бухой, либо мертвый.

– Где?

– Да вон.

– А. Пошли, посмотрим.

– Сейчас, искупаемся, а то я уже настроился. А то заново заходить в реку.

Потом мы вылезли из воды, вытерлись, оделись. Отсюда мужика видно не было. Нас разделяли кусты. Мы обошли их: мужик лежал на спине, одетый в рубашку и трусы. Рубашка в крупную клетку и с огромным кровавым пятном на груди и животе. Рядом лежал пакет с изображением красных яблок.

– Не воняет, – говорю, чтобы что-то сказать.

Паша скорчился от этой мысли:

– Ему еще рановато вонять.

– Посмотри, как некрасиво смотрятся рыжие усы на синем лице.

– Если соберешься сдохнуть, – ответил Паша, – не отрицивай себе рыжие усы.

– Так я уже не успею, сегодня ведь конец света. Они так сразу не вырастут.

– Значит, сегодня прогоняем всех людей с рыжими усами. Встречаем без них. А то они будут некрасивые после смерти.

Мы пошли к вышке, развивая эту тему и смеясь. Там, наверху, стоял тип, может быть, дежурный по отливу какашек в воду. Я крикнул ему:

– Там трупак валяется, посмотрите!

– Я знаю! Сейчас приедет милиция! У него кошелек в пакете, вы не трогали?!

Паша удивленно, оскорбившись даже, крикнул:

– Да ну на хрен! Он же в дерьмовой крови!

– Ладно, идите!

Мы и так шли.

– Взять деньги у него? У этого тела?

– Да, у такого синего с рыжими усами уродца. Какая безвкусица, – усмехнулся я.

– Ага, – тут Паша немного развеселился. – Вот если бы он был без усов. Или хотя бы у него были бы черные усы. Тогда бы взял кошелек.

По дороге мы встретили троих пацанчиков, класса из пятого нашей школы. Один спросил:

– Вы видели мертвяка?

– Да, – сказал я.

– А где он? Скажите, где он?

– Вон там, рядом с вышкой. Но он жуткий.

– Страшный?

Тут Паша неожиданно зло сказал:

– Не надо пялиться! Это вам не музей.

Пацанчик не ответил.

Они побежали в сторону трупа, а мы шли домой. Паша вдруг стал задумчивым:

– Вот для кого-то и настал конец света. Что, интересно, случилось с мужиком?

– Умер.

– Спасибо, а я-то не догадался. Я имею в виду: как?

– Наверное, его кто-то того, а потом в воду. Его течением вынесло, – говорю.

– А почему у него пакет с кошельком?

– Этому парню заплатить. Как его? Который через Стикс перевозит.

– Чего?

– Ничего. Может, у него там фотография жены или любимой собаки в кошельке. Он до самой смерти не выпускал

пакет из рук. Вылез на берег и умер рядом с ним. Или же на берегу увидел пакет. О, пакет с кошельком, и умер довольным и не совсем нищим.

Паша усмехнулся, скорее, своим мыслям, чем благодаря моему остроумию. Мы шли домой, как часто ходили. И стало ясно, что конца света не будет. Я пытался вызвать в себе волнение снова, но оно не приходило.

БРЕДОВЫЕ РЫЦАРИ

Мы уже немного выпили перед тем, как поехать с Лешей Павлюком на Пионерку. Мне тогда оставалось чуть больше месяца до семнадцати, а ему только-только исполнилось восемнадцать. Мне оставался один экзамен в школе, а ему сдать диплом в технаре. Мы поехали в поселок Пионер, в гости к его сестре Жене и ее мужу Васе. Я с ними познакомился на Лешином дне рождения. С Женей мы, как тезки, особо подружились.

Так, купили несколько бутылок паленой водки, несколько полторашек пива, сидели и пили. Там еще была бабка, Васина мама у них тоже жила. Леха сказал ей:

– Это со мной Женек, он хороший парень, к тому же поэт. Пишет стихи и поэмы.

Так мы сидели и пили в этой деревенской избушке. Потом мы с Лехой пошли в баню, мылись, говорили, парились, выбегали, ныряли в бочку с холодной водой, потом опять парились.

– Хочу бабу, – потом сказал Леха.

– Знаешь кого-нибудь здесь?

– Уже поздно. Надо было с ними заранее.

– Ну и ладно, сам себя удовлетворишь, да все нормально будет.

Он на меня посмотрел настороженно. Я:

– Только не надо мне гнать эту телегу, что ты нормальный пацан и не делаешь этого...

Он расслабился и сказал:

– Странно. Ты первый мой знакомый, который так об этом говорит.

– Бог ты мой, а я-то думал, мы живем в двадцать первом веке.

Мы сдружились с Лехой еще сильнее. Все эти пьяные

разговоры, в которых нет видимого смысла, на деле помогают проникнуть к человеку.

Мы оделись. Я курил у оградки, когда подъехал какой-то тип на БМВ. Леха стоял и говорил с ним на дороге. Смеялись. Было необычно видеть здесь такую машину, может, этот парень у своего отца взял покататься? Потом задняя дверца открылась, оттуда вышел еще один парень, судя по тому, как с ним говорили, лоховатый. И тут я не заметил, как начался шум.

– Дайте мне бабу! – кричал Леха.

– Леша, отпусти! Это моя дырка!

– Нет, не твоя!

Парень, который вылез первым, смеялся.

Я вышел за калитку, чтобы все это рассмотреть. На заднем сидении сидела пьяная проститутка, Леша тянул ее на себя, а Лоховатый Парень пытался загородить. На крики выбежала Женя.

– Женя, скажи ему, – кричал Лоховатый Парень, – скажи, что это моя дырка!

Я тоже стоял и смеялся. Никогда такого не видел.

Женя теперь пыталась оттащить Леху, он кричал:

– Нет, мне нужна баба!

Вышел еще Вася, и мы все оттащили Леху. Я заметил, что его сильно повело. Меня? Мы пошли выпить еще.

Когда вышли покурить, я и Леша, в следующий раз, он сказал:

– Я же совсем забыл!

– Что?

– Вон, сосед напротив, Сютин, он должен мне тыщу рублей.

– За что?

– Да он, урод, сидел на зоне, петухом был. Петушарой был, понятно?

– Ну, раз петушарой, тогда все ясно.

Мне не очень все это нравилось, хотя во всем этом было что-то манящее. Мы перешли дорогу, там стоял такой же деревенский домик. Лаяла собака. Зашли на тесную веранду, там с двух сторон было по большой раме, в каждой много маленьких квадратных окошечек. Леха постучал в дверь.

– Что надо? – спросил недовольный женский голос через какое-то время.

– Где сынок? Сютин где?!

– Нету его. Уходите! Ночь на дворе!

– Как это нету?!

– Нет его дома!

– Откройте, я знаю, что он дома!

Леха вдруг превратился в беса. Мне даже стало страшно.

– Где он? Вы в погребе его прячете?

– Ты что, придурок ненормальный?! – кричала тетка из-за двери. – Вали домой!

Леха долбил в дверь.

– Где этот педрила?!

– Вали отсюда!

– Откройте! Откройте! Где он?!

Леша выбил несколько окошек, и тогда я вдруг перестал волноваться. Меня подхватила волна удивительного. Откуда-то сбоку еще лаяла и все норовила дотянуться до меня собака, но ей не хватало цепи. Я подошел и крикнул на нее:

– Заткнись!

Она укусила меня за ногу, я рассмеялся и пнул ее. Не со злостью пнул, а просто пнул, даже с жалостью, она ведь не знала, что мы с Лешей бредовые герои, бредовые рыцари без страха и упрека, внутри у нас сидит бредовый героизм, что нам предначертано судьбой совершать бредовые подвиги. Собака заскулила, залезла обратно в будку да там осталась. Леша тем временем выбил все окошки с одной стороны веранды. Спрашиваю:

– Подожди, подожди, можно и мне маленько?

И со второй стороны берусь я. Бью в первое маленькое окошко, но промахиваюсь, попадаю только в деревянную рейку. Кулаку больно. Второй раз – и опять в рейку.

– Да что это такое! – бью с локтя. В результате вываливается вся рама.

– Ты че чудишь?! – кричит Леха. За дверью все еще слышна эта тетка, непонятно, что кричит, ясно одно: она недовольна. Мы с Лехой выходим за калитку, идем обнявшись, нам очень смешно, нам хорошо, и летние звезды горят для нас безумным пламенем. Мы все смеемся и никак не можем остановиться. Проходим несколько улиц, и черти жмутся по кустам от нашего хохота. Нам никто не попадает на пути.

Мы возвращаемся обратно в дом, Женя нам что-то объясняет, но мы не понимаем ни слова, все остальные уже говорят не на том языке, мы допиваем водку, а потом меня кто-то назойливо тычет в спину.

Я сплю, мне неинтересно, у меня вертолетики в голове, я катаюсь на каруселях и никак не могу спрыгнуть. Но мне повелительно говорят:

– Проснись. Вставай, блять!

Я нахожу в себе силы и отвечаю:

– Не стоит. Я хочу немного подумать.

– Вставай, сука!

Голос мне не знаком. Я поворачиваюсь и вижу огромного толстого мента. Рядом с ним небольшой ухмыляющийся хрен не в форме. Мне не хочется ни смотреть на них, ни тем более разговаривать с ними. Я отворачиваюсь, но мне дают по спине. Я сажусь на кровати.

– Давай собирайся.

Я вижу сонного похмельного Леху, который сидит в кресле и ничего не понимает. Лицо у него опухшее. Он сидит и вяло пытается натянуть штанину на ногу одной рукой, второй – держится за голову.

– Собирайся!

Вяло надеваю штаны. Потом кофту. Чувствую, что надо тянуть время. Ищу что-то в течение секунд сорока.

– Быстрее! – говорит здоровый. Второй все стоит да ухмыляет свою рожу. Из другой комнаты слышу невнятные голоса Жени и Васи.

– Не видишь, что я собираюсь? – нервно говорю.

Здоровый хватает меня за шею:

– Не выводи.

Мне тяжело дышать, я с трудом:

– Да дай мне носки найти.

Потом нас сажают в машину, в собачник. На улице рассвет, свежее красивое утро. Только я далек от этого – не чувствую себя свежим и красивым. Рядом с ментовским бобиком стоит седая тетка:

– Да, это они! Эти все они! Закрывать их надо, как зверье!

Неужели это о нас?

Я понимаю, что нас сейчас повезут в милицию. Мое лицо само по себе принимает скорбное выражение.

– Ты что, – говорит Леха, – ну у тебя и морда.

– Так, просто.

Потом он:

– Значит так, Женек. Я беру все на себя. Если что, меня переключило, я полез, а ты пытался меня оттянуть, но я тебе прописал и начал бузить. В таком духе.

– Ага.

Мы все едем, и едем, и едем, настроение лучше не становится, говорить неохота, к нам подсаживают какого-то алкаша, нас привозят куда-то. Вот так мы и оказались в милиции какой-то там деревни, то ли Ягуновка, то ли Ялыкаево, неважно, что-то на эту букву. Нас закрыли за решеткой, минут через пять снова пришли эти двое, которых мы хорошо запомнили, но еще не успели полюбить и вывели алкаша.

Толстый алкашу:

– Ну что такое? Ты же обещал не трогать ее больше?!

– Да я это, я все... ну, мужики, понимаете...

Тот, который не форме:

– Нет, не понимаем, она сказала, что ты опять ударил ее в челюсть.

Толстый:

– Что нам делать? Ты что, не можешь запомнить, что жену бить нельзя?! Что с ним делать?

– Мы тоже ударим его в челюсть, – они вели себя как в кино. Крутые ребята.

Мы через решетку наблюдали сцену, как алкаша немного побили и отпустили. Я надеялся, что с нами поступят также. Сначала вывели Леху, увели, потом привели, потом вывели меня. В соседней комнате посадили на стул, спросили имя и фамилию. Я сказал, что меня зовут Рома Молчанов. В прошлый раз меня задержали – и с этим именем прошло все гладко, я счел его за счастливое имя.

– Где живешь?

– Ленинградский 13-10.

Тип без формы вышел, толстый остался. Без формы вернулся:

– Там же Ефимович живет.

Ага, значит, у них тут есть компьютер? Шикуют ребята. Я хотел, было, соврать, что это мой отчим, а на него оформлена квартира, но Толстый уже поднял меня и ударил под дых. Мне вспомнился мой первый опыт общения с милицией: мне было четырнадцать, я ходил на хоккей, на игру я внимания не обращал, зато там было чище и безопаснее, чем в дешевых кабаках, и веселее пить пиво. Я сочинял матерные кричалки, и мы их с народом орали:

Амур еблом об лед
Энергия вперед!

Это, пожалуй, самая мягкая.

Один раз я даже почувствовал себя сраным принцем: сидел себе, положив ноги на сиденье впереди своего, щелкал семечки на пол, когда ко мне подошел мент и сказал:

– Все, пошли отсюда!

– С какой стати?

– Пошли, я сказал!

– Почему я должен идти?

Тогда он схватил меня и повел.

– Я хоккеем смотрю, разве не видно? – бормотал я, упираясь. Тогда он меня вывел, там рядом стояли еще менты.

Мой новоиспеченный друг спросил:

– Ты что, принял меня за пожарного? Ты думал, я пожарный? – и ударил в лицо. Мне тогда не сыграло на руку, что я выглядел старше своих лет и, пытаясь изобразить скептическое отношение к миру на лице, был похож скорее на наркомана.

– Я милиционер, ты понял?

– А что тогда форму пожарного надел?

Пока закрывался от ударов по лицу, получил такой удар в пах, какого больше не пожелаю получить. Этот тип был настоящий психопат. Я осел на задницу и уже не слышал, чего он там говорил, мне было все равно. Его оттащили от меня сослуживцы, я встал и на ватных ногах пошел прочь, думая, ну чем ему не нравятся пожарные? Он еще хотел меня зацепить пинком под говно, но его держали, и мент не дотянулся. Учитель по праву рассказал мне потом, как подать в суд, но нужно было ходить по медэкспертизам, а я выпил на следующий день пива и спирта и положил на это все. Теперь, когда этот толстый мент ударил меня, я очень пожалел, что положил тогда. Не надо было класть.

От удара теперь я вспомнил свою фамилию и свое имя.

– Учишься или работаешь? – спросили у меня.

– В школе. Заканчиваю сейчас.

– Теперь уже не закончишь, – усмехнулся Толстый. Мне эти слова его не понравились. – Ладно, хватит пока.

Только меня почему-то повели не обратно в клетку, а закрыли в маленькой комнатке. Там было темно, только окошечко, откуда шло совсем немного света. Там был стол, но не было видно, чистый ли он, поэтому я, боясь всяческих паразитов, не рискнул к нему прикоснуться. Полчаса, час или, может, полтора, я просто ходил из стороны в сторону, хотя разгуляться было особо негде, со своим огромным и страшным сушняком, садился на корточки, потом уставал сидеть, вставал, когда уставал стоять, – ходил. Когда я уже не мог терпеть сушняк, я крикнул в окошечко, и мне открыли дверь и вывели меня в сортир. Хотя я думал, не выведут. Там, к счастью, оказалась раковина, я напился невкусной воды, хорошенько умылся, вымыл руки и почистил зубы мокрым пальцем. Завели обратно, и я опять начал метаться и думать, что же теперь, как же так, господи, для чего теперь, ну за что ты мне такое? Ты решил напомнить мне о своем существовании, господи, мать твою? Ну, зачем мне это? Как я теперь выпутаюсь? Как поступление в университет и все остальное? Я все ходил и думал, и думал, и думал, но ничего, понятно, придумать не мог. Ходил и ходил. И тут до меня дошло, – как бы вам сказать? – ну, что я уже минут двадцать хожу со злостной утренней эрекцией. Постепенно все мои мысли о том, как все безнадежно, вытеснил лик медсестры из порнушки, которую я смотрел уже достаточно давно, но не бесследно. Медсестра, уже голая, сидела сверху на парне, а на зад у нее была помада от поцелуя. Так вот, она так искренне играла (?) удовольствие. Теперь я ходил, как никогда возбужденный, в наименее располагающих к этому условиях. Все эти милиции и деревни на букву «я» перестали существовать. Ладно, думаю, руки в туалете я помыл, кожную заразу занести себе не должен...

...Но через какое-то время вернулись все размышления по поводу участи, а в довесок к ним еще появилось чувство соб-

ственной нелепости. Какое-то время боролся с нелепостью, какой же я дрочила. Дверь открывается, и мусора видят, как я наяриваю во тьме со спущенными штанами, – это был бы номер! Но скоро уже забыл об этом, и все мысли направились на сложную мою ситуацию. Как к единственно доступному собеседнику, пришлось обращаться опять к богу. Ну, сделай так, чтобы все обошлось, я буду вести себя иначе. Нет, не идет. Помоги мне, не забывай обо мне, как я забывал о тебе! Опять не то. Помоги! Кто из нас, в конце концов, бог? Я стоял, пытаюсь подобрать правильную формулировку, пока не устал и не вытянул руку, чтоб опереться на стену. Зажегся свет. Здесь, оказывается, был выключатель. Чисто, даже обои есть, что это за комната такая? Я уселся на стол, который оказался обычной партой. При свете все сначала казалось оптимистичным, но потом я посмотрел на свои кулаки, поцарапанные, со сбитыми костяшками, и вспомнил опять, почему я здесь.

То пытаюсь заснуть, то вставая, то садясь, то расхаживая, но ни на минуту не прекращая бурный внутренний монолог, я провел несколько часов в этой милой комнате. Пока меня не отвели к участковому. Он оказался весьма интеллигентным на вид мужиком лет тридцати.

– Ну присаживайся.

Я подумал, как много людей начинают разговор со слова «ну». И я тоже, ладно, посмотрим.

– Рассказывай.

– Что рассказывать-то?

– Что вчера случилось? Да ты не волнуйся так.

– Да это меня просто так трясет. Выпил вчера, почти не поспал, а сегодня почти не пил воды.

– Куришь?

– Да.

Он протянул мне пачку «Балканской звезды». Я закурил, стало лучше, только рука у меня тряслась как дура.

– И что вы там делали?

– То есть?

– Зачем вы приехали туда с Алексеем? На Пионерку?

– Так. В гости к его сестре.

– Знаю, к кому. Сейчас они тоже здесь. Они здесь часто бывают. Тебе бы вообще не стоило туда ехать, ты же неглупый парень. Они там пьют, потом их привозят к нам. Сейчас и Вася, и Женя тоже у нас.

– А они-то что сделали?

– Не важно. Лучше расскажи, что вы вчера начудили?

– Ну, выпили немножко.

– Это я понял, – он подумал, подумал, подумал: – Вам повезло, что я вам попался. Попался бы кто другой, вы бы по групповухе, – здесь я невольно хмыкнул, – на пару лет загремели.

– За что?

– Как? Вы там такой погром устроили. Собака полудохлая, из будки не выходит. Раму выбили непонятно чем.

– А.

– Вот тебе и «а». Еще повезло тебе, что несовершеннолетний... Ладно, напишем так: ты у нас будешь как свидетель, Леша же твой просто перепил и чего-то напутал. Ты пытался его остановить, но не получилось. Ему должно повезти, на первый раз простят. Тебе повезло, что я с ним знаком.

Мы немного подумали, как это оформить. Потом написали бумаги, какие надо. И участковый сказал мне, что через пару дней мы должны поехать, извиниться, включить свои способности, чтобы понравиться этой тетке, вставить стекла. И велел мне выметаться.

– А Леха? – спросил я, чувствуя себя идиотом.

– А Леха твой суда будет ждать. Но ему там нормально, они там всем семейством, скучно не будет.

– Вот как.

Мне хватило мелочи на один автобус, а до дома надо было с пересадкой. На втором я проехал несколько остановок, пока контролерша меня не выгнала. Дальше я шел пешком почти час, пришел домой уже около восьми вечера. Слава богу, дома никого не было. Я посмотрел на себя в зеркало: лицо у меня было странное, взрослое и не очень привлекательное. Под глазами были мешки, да и сама рожа была слегка сиреневая. Тут я вспомнил, что нужно сделать: пошел на кухню и выпил две кружки воды. Поел. А засыпая, чувствовал себя младенцем.

Леха пришел не на следующий день, как я ожидал, а через день. Пришел с новостями.

– Дали три месяца условно, – сказал он. – Только тебя еще ждет самое интересное.

Я вышел на улицу, и он все рассказал за куревом. Как Васина мама, увидав, что нас вяжут, решила тоже накатать заяву на Васю с Женей заодно. Написала, что они над ней издеваются. Что Вася с топором бегал за ней. Всякую чушь.

– А такое было?

– Ну, что-то такое было, но она еще приукрасила. Дали нам всем троим по три месяца условно. Но я тебе не об этом хотел рассказать. У нас проблемы.

И он рассказал. Они вышли после суда, прогулялись, выпили, зашли еще в один ларек. Купили еще водки, выходят, а там стоит некто Витя – пьяный в кал. Второй сын этой седой тетки, веранду которой мы разбомбили. Помимо петуха Сютина, у нее есть сынок Витя, бывший боксер, не в порядке с головой. И она сыну уже пожаловалась. Ко всему Витя держал ларек, в котором Леша, Женя, Вася купили водки. Стоит он там с двумя амбалами-приятелями. Как увидел, так и сходу вдарил Лехе. Леха аж отлетел, вскочил и побежал, сиганул в кусты и дальше деру. Тот достал пистолет и начал палить, слава богу, был пьян, не попал. Потом друзья уговорили его убрать пистолет, и Витя

за неимением другого человека дал пару раз Васе. Леша же бежал и бежал.

– Еще с утра мы с дядей Валерой съездили с ним на стрелу, вроде все в порядке, только Витя, может быть, еще подъедет к нам. Он знает, где я живу...

– Это плохо.

– И тогда нам не повезет...

– И еще Витя хочет познакомиться со мной?

– Это точно. Что нам не сиделось? Нырjali бы себе до утра в эту бочку вонючую.

Так, мне подумалось, что по логике, я теперь – самый интересный для Вити человек. Взясся, непонятно откуда, наделал ерунды, и даже по голове не получил. Не.

Мы весь вечер сидели на лавочке возле Лехиного подъезда. Леха не знал, на какой он может приехать машине.

– Снимет тачку и катается весь день. Водиле кинет денег.

Мы сидели и ждали. Один раз подъехала «Волга». Вдруг у Леша лицо побледнело, он весь побледнел:

– Это он.

– Где?

– Вон.

Я увидел здоровенького мужика и вжался в себя. Этот мужик выходил из машины, я видел это в угрожающем рапиде, как в фильмах. Я приготовился встать, пойти ему на встречу, получить, но это было не так-то просто. Не такой уж смелый я парень.

– Нет, это не он. Я ошибся, – сказал вдруг Леха. Он был очень рад.

Потом, ночью, я лежал у себя в кровати, с открытым окном, отбивался от комаров и прислушивался, не подъезжает ли кто к дому. Вдруг он уже знает, где я живу? Например, может просто разгромить мне веранду, как я ему. Но мне нужно бы было выбежать поскорее на улицу, чтобы перепало мне, чтобы не вылез отец и не получил тоже по лицу.

Если этот Витя действительно не очень дружен с головой, ждать можно было всего. Я и сейчас очень отчетливо помню свои ощущения, когда мимо дома ехала любая машина, хотя прошло много времени. Иногда я вспоминаю очень четко какой-то момент из этой вечности под одеялом в ожидании. Или из той вечности в милиции, потом уже все было легче, все подобные ситуации, но тогда все было по-настоящему. Частичка меня так и осталась там, в ожидании, взаперти, в страхе. Как-то Басалаев, мой куратор и препод по режиссуре, сказал, не помню что именно иллюстрируя этим примером, короче, сказал он, что, если бы любой из нас бежал за троллейбусом, как волк в «Ну, погоди», с головой, застрявшей в дверях, нам бы запомнился зрительный ряд в мельчайших деталях. Запомнили бы каждую морщинку на лицах пассажиров. Может, в этих словах был смысл.

Мы еще два дня провели таким образом, ожидая худшего, потом немного успокоились. У Лехи на балконе были стекла, мы собрались духом, взяли их с разрешения его бати, прихватили стеклорез и поехали на Пионерку.

Мы шли как партизаны, боясь напороться на Витю. Удачно дошли до Васи. Он один был дома.

– Вы, – говорит, – за каким хреном приехали? Оставляйте стекла и валите. Сегодня будет Витя, вы получите таких пиздюлей, что без больницы не обойдетесь. Я сам все почию.

Мы немного поотпирались для виду. Доказали, что мы не трусы, и пошли обратно.

– Только давай пойдем по другой дороге, – сказал Леха, когда мы остались одни. – А то встретим этого говнюка.

– Ладно, – мне меньше всего на свете хотелось с ним увидеться.

Пошли какими-то полями, короче, черт знает, где. Шли так, чтобы уже точно не встретить его. Мы шли километра три по полям и по оврагам, курили, смеялись, болтали, два новорожденных. Правда, мне приходили в голову

подловатые мысли, мол, зря обращался к богу, все получилось хорошо, только непонятно, в долгу ли я перед ним? Я старался отгонять эти мысли мухобойкой. Это же чудесно: мне бесплатно дали очень полезный опыт, я смогу оберегать себя от плохих ситуаций. Каждый должен получить такой опыт, но я его получил довольно безболезненно.

Мы уже вышли к дороге, потом подошли к остановке. Ждали автобуса, все еще не веря в свою удачу.

Я курил, а Леха зашел помочиться за остановку. Мимо медленно ехала машина, единственная за все время.

Леха вышел, увидел ее и сразу спрятался. Потом вышел опять:

– Там сидел Витя.

– Да ну?

– Говорю тебе.

По его виду я поверил.

– Теперь точно говорю. Нам повезло, что он меня не заметил. Тебя-то он не знает. Давай лучше ждать за остановкой. Вдруг он обратно поедет.

И мы стали ждать автобус за остановкой. Леха сидел на корточках напряженно, а потом облегченно рассмеялся, а я подхватил его смех.

Первый месяц я ходил в кольчуге целомудрия, как мне казалось.

Было так, будто я уже поумнел и будто больше не попаду в подобную ситуацию. Чушь.

В ГОЛОВЕ БАГАЖИСТА

В мои планы никогда не входило работать в сфере обслуживания. К тому же за чаевые. Ты лизнул жопу – тебе дали купюру. Это не для меня, думал я. Конечно, не для меня. Я правдоруб и поборник истин – не нанимался лизать жопу кому бы то ни было.

– Посмотри, – сказала мне Сигита.

Я посмотрел.

«Носильщики багажа». Есть смены с трех до полдвенадцатого. Одиннадцать тысяч рублей плюс чаевые. Сигита-то само собой все это дело романтизировала. Я в золотых лучах таскаю чемоданы, улыбаюсь туристам и получаю валюту. Не поддавайся, Женя. Ты прирожденный туняец. Нельзя. Но я же должен заработать денег. Две сломанных пломбы. Потом передний резец сточился, потому что мы со Стасом, моим соседом, сощелкали столько семечек, сколько вам и не снилось. Мне самому никогда не снятся семечки. Этот предмет не достоин моих снов. Лично мои сны закрыты для семечек, им туда не проникнуть, уж будьте уверены! Я презираю семечки, если вам интересно. Я собираюсь внять просьбе Димы Булатова и не сдерживать себя в выражениях. Драл я эти семечки в хвост и в гриву! Они испортили мне передние зубы, и теперь я должен работать. Хотя дело не только в зубах. В моей простате. В моей чертовой простате, я должен отработать полгода, взять кредит и вылечить ее раз и навсегда. Или взять кредит и снять кино. Что дороже: искусство или моя физическая оболочка? Я должен снять кино до того, как мне исполнится 24, вот в чем дело. Мне все осточертело, я хочу быть молодым и признанным гением, плевать я хотел на все остальное. А еще дело в том, что пора бы уже подумать о детях. Хотя – это позже. Но с другой стороны, если я еще буду это откладывать, у меня

не останется ни одного сперматозоида, способного оплодотворить яйцеклетку. И еще у моей девушки – Сигиты – у нее неполадки со здоровьем. Она стала нервной и не может находиться одна, у нее учащенное сердцебиение. Так что не скуки ради я покупаю «Работу и зарплату», заручитесь это себе на носу. И никаких шуточек по этому поводу, если надо будет, я подпишусь на это издание и не спрошу вашего мнения. И глазом не моргну, пока не найду лучшую работу в мире.

«Возраст 18–27 лет, приятная внешность, базовое знание английского».

– По-твоему, у меня приятная внешность?

– Ты очень красив.

– Как сукин сын? Как Михайло Фрузенштерн?!

Я не помню, что она ответила. Я не нанимался бесплатным диалогистом, оставьте меня в покое. Мне глубоко насрать. Что за бредовая фраза? Я должен думать о стиле. Кто выдумывает все эти выражения? Да ладно, вам прекрасно известно, что я не ошибся, а специально так сказал. Доверьтесь мне, я мастер по этой части, знаю, когда надо сесть в лужу, а когда воспарить.

– Базовый – это какой?? – спрашиваю у Сигиты, мой голос нарисовал для нее в воздухе два вопросительных знака. Не надо считать это пустым хвастовством, я вам так скажу. Я у нее спросил, и в моем голосе прозвучало два вопросительных знака, я так умею. Может, это понты, но я писатель. Вот что я скажу: я писатель, а поэтому мне и в жизни надо быть бдительным каждую секунду, в игре крупные ставки. И всегда заботиться о стиле. Но Сигита срать хотела на мой стиль. Она не заметила моего писательского мастерства в моей манере разговаривать в этот момент. Сказал бы «в манере вести диалог», но я не нанимался вам бесплатным диалогистом, как я уже сообщил. Если я захочу стать диалогистом, пойду работать на сериал и буду две тысячи баксов

в месяц делать. А душа моя отправится прямехонько в ад. Сигита бы хотела, чтобы у нее был парень, который мог бы сводить ее в ресторан. Вернее, чтобы я мог сводить ее, мог быть ей опорой. Неужели ей не достаточно того, что я считаю ее самой красивой женщиной на свете?

– Базовый – это твой, – вот что она сказала. Польстила мне, чтобы я водрузил себе на шею заботы о нашем очаге.

Она сказала, что напишет мне все слова, которые надо знать, чтобы быть багажистом высшего уровня. Чтобы быть багажистом-ниндзя. Чтобы рвать других багажистов на флаги. Я попросил, чтобы она написала по-английски и по-русски. Чаевые – типс, багаж – бэгидж, или лучше – лэгидж.

– Ладно, – говорю я.

Оркестр. Музыка. Е. А., Писатель и Просто Хороший Человек, отправляется работать!

И я приехал в гостиницу.

Может, если бы я не понравился девушке, с которой проходило мое первое собеседование, меня бы не взяли. Но она так на меня смотрела, как будто хотела съесть. Я понимаю ее: здоровый приятный парень двадцати двух лет, мой голос любят женщины, разговор по телефону со мной заставляет их ссаться кипятком. Я здоров и красив, красив и здоров, если только можно назвать здоровым человека, который после пивной пьянки может сходить двадцать два раза за ночь в туалет. За каждый прожитый год я расплачиваюсь ложным позывом в туалет. Такая у меня валюта. Такой валютой я и буду давать вам чаевые. Стоп. Я и унитаза. Смертельный бой. Моя простата, моя мочеполовая система против того, чтобы я пил от шести до десяти литров пива за день. И что, я должен ей поддаться? Не могу ей поддаться, потому что я думаю о стиле. Потому что у меня рост немного выше среднего, шняга немного длиннее среднего и интеллект немного развитее, чем у среднестатистической обезьяны. Если я не буду писателем, если я не напишу

Серьезный Роман, Великий Русский Роман, придется покончить с собой. Застрелиться и повеситься. Или спятить, отчего, впрочем, при любом развале, может, и не удастся спастись. Но если мне удастся, тогда все будет иначе. Тогда, ребята, пеняйте на себя. Тогда-то я спляшу на ваших костях.

– Вы можете рассказать о себе на английском?

– На английском?

– На английском, конечно, – (ГОСПОДИ, ИДИОТ, НУ НЕ НА РУССКОМ ЖЕ И НЕ НА КИТАЙСКОМ?!), – давайте. Расскажите.

И тут я как в школе, на экзамене в третьем классе. Хотя, в те поры я еще немного знал его, я был с ним не в таком разладе.

Уже пять лет прошло, как я закончил школу и не занимался английским. Пять лет коню в жопу. Май нейм из Евгений Алехин, айм 22.

(БЛЯТЬ, МНЕ УЖЕ 22, И ЧЕМ Я ЗАНИМАЮСЬ?)

Ай вос борн ин Кемерово, зэ сити ин вест сайберия, май дэр френдс. Ин Москов айм ту еарз. Ноу. Ту виз э хаф.

Да не знаю я английского. Русским языком я овладел, английским нет. Зато я знаю машинопись (опять-таки только на русской раскладке клавиатуры), вот что я мог ей предложить. На хера багажисту знать машинопись?! Как тебе это поможет дотащить чемодан?

– Хорошо, – сказала девушка. Не для того она сказала «хорошо», чтобы оценить мое знание английского на «4», а для того, чтобы прекратить этот жалкий цирк.

– Достаточно, наверное?

– В общем, знаете на таком уровне. Ми-ни-мальном.

Тут я посмотрел в сторону. Не на нее. Вот она: Ольга, так она представилась. 25. Тощая как селедка. Я смотрю в угол. Я бы, возможно, мог ее драть в хвост, как говорится, и в гриву. Знаю, что я уже щеголял этой фразой, просто захотел еще раз использовать. Сыграть на разнице. Сейчас заговорю

о высоком. О том, что у меня есть любимая девушка. У меня есть любимая девушка, которой я планирую не изменять. Так что я смотрел в сторону, мимо похотливой, но в чем-то симпатичной селедки. В чем-то. Нахер мне не упал этот праздник, если к моим услугам в любую ночь, когда я этого пожелаю, самая красивая женщина.

Ольга. Вернемся к ней. Вот что она говорит:

– Тебе придется, – перешла на «ты», лиса, – еще переговорить с директором службы приема. И если все будет хорошо, то до встречи.

И я пошел ждать директора службы приема. Полчаса. Ну его? Свалить? Нет, смотри по сторонам. Приглядишься, подумай, тут славно, в этой гостинице. Смотри по сторонам и назад смотри, и убей всякого, кого встретишь, если встретишь будду, убей будду, если встретишь патриарха, убей патриарха... Как там дальше? Спокойно, приглядишься... Одни иностранцы. Кэн ай тейк йо лэгидж, плиз? Улыбочка. И пять баксов чаевых. Хэв э найс дэй! И еще червончик. Буду рубить капусту, как Тим Рот.

– Здравствуйте. Я Оксана. Простите, что заставила вас ждать.

– Да ничего страшного. Женя.

Да она же моя ровесница! Директор службы приема.

Мы поболтали пятнадцать минут, я еще раз ей прочитал сочинение на худшем английском, который ей доводилось слышать. «Кто я?», блять. Эту мадам я не интересовал как мужчина, поэтому в ее глазах появилось сомнение. Нужен им такой багажист? Но потом я рассказал ей, что учусь в институте кинематографа, и ее оценка стала чуть выше. Она меня расспрашивала об «этой интересной профессии». Учусь, и мне нужна работа во второй половине дня.

Я снова на работе. Меня приняли.

– По поводу чаевых, – сказала Оксана, – я спрашивала у ребят. Говорят, что выходит от трех до восьми тысяч.

– Хорошо, – ответил я. И отправился домой. А назавтра уже надо работать.

Недавно из зеркала на меня глянул двадцатидвухлетний мужик, по лицу которого было видно, чем он занимается ночами. Дринкингом, само собой. Да этот мужик (я) выглядел на двадцать девять, просто я знал, что ему двадцать, и даже это слишком много. День рождения случился ровно месяц назад, и пришло время задуматься о прожитом. У меня нет высшего образования и опыта работы. Нет ничего, кроме комнаты в общежитии на время обучения, компьютера (правда оперативной памяти теперь – хоть жопой жуй!), девушки, простатита и моей паранойи. Стас (сосед мой) обожает рассказывать эту историю, как я порезался о консервную банку и плакал, что умру от СПИДа. Просто я был с похмелья – был ранимый. Я расплакался как девочка у Сигиты на плече, но этого больше не повторится. Синька может погубить меня, а может не погубить.

Мне 21 год, но скоро уже будет 22, что для меня странно. Видимо, как было 16, так исполнится и 40. По характеру я вспыльчив, но отходчив. Близкие считают, что я ипохондрик, потому что я чешусь от синтетики, почти не говорю по мобильнику во избежание рака, мою с мылом куриные яйца перед тем, как пожарить яичницу, читаю медицинскую энциклопедию перед сном и раз в полгода сдаю анализы на сифилис, гепатит и ВИЧ. Плохим или злым человеком никто меня не называл. Еще с детьми неплохо лажу, вроде бы. Потому что семья была большая. Люблю книги, написанные от первого лица, и длинные кадры.

Всего два месяца назад я с этого начал свою автохарактеристику, когда собирался втихую свалить со сценарного

факультета на режиссерский. Когда я писал, мне был 21. И тут мне уже 22. Я написал эту безделицу, а на самом деле изобрел машину времени. Вот в чем штука. Ладно, я зря старался, на режиссуру меня не взяли, этого я не предсказал, зато предсказал свой день рождения. Игорь Масленников (Автор Лучшего Сериала о Шерлоке Холмсе!) сказал мне, что у меня прекрасное чувство юмора и стиля и что я отличный писатель, а как я вышел из аудитории, впиздюрил мне двойку за самый важный экзамен. А мне уже 22, вашу мать, и ни богатств, ни славы, ни хрена.

Просто ты можешь сломаться, если у тебя нет денег и ты пьешь. Главное – не сорваться, иначе вы увидите ад на земле. Черт, мне исполнилось 22. Бертолуччи уже снимал кино в этом возрасте. Он был младше, чем я сейчас, когда начал снимать, а я еще не снял ни минуты. Время уходит, осторожнее. После трехдневной пьянки на мой день рождения остались только гипертония и чувство вины, что у Стаса украли ноутбук, а у меня ничего не украли. День рождения был мой, и лучше бы украли что-нибудь у меня. Но огромный калмык унес ноутбук Стаса в неизвестном направлении. А еще я хотел подарить себе роман на день рождения, но я его не написал. Я даже не добил сценарий, мог ведь, но не сделал этого. Ладно, ненавижу, когда кто-то ноет насчет своей писанины. Заткните мне пасть. Но, собственно, теперь у меня будет работа. Так я думал.

Я думал так, а мой хитрый мозг меня подставил. Сука! Он все продумал. Мой мозг хочет покоиться в голове тунейдца, он не хочет, чтобы я работал. Он не дал мне спать. Мы ночевали не в общежитии, а у Сигитиной мамы, поэтому у меня не было возможности с кем-нибудь выпить, и я просто маялся всю ночь перед компьютером. Прочел «Форреста Гампа». Дрочил – все знают, чем занимаются писатели. Я, например, когда пишу, не даю себе подрочить, пока не допишу две-три страницы. Так я могу писать что-то и дважды прерываться

для онанизма. Так что можете рассчитывать, на каком промежутке текста я этим занимался.

Суть вот. Перед первым рабочим днем я не спал ни одной минуты.

Утром я спустился в ад на двадцать пять минут и вышел на станции Павелецкая. Каждый день час на метро. Каждый. Ненавижу метро. Я его ненавижу за то, что меня там все время спрашивают:

– Вы выходите?

А я, во-первых, не обязан разговаривать с незнакомцами, а во-вторых, не хочу рассказывать им, где я выхожу. А тут мне, человеку с вымотанными от бессонной ночи нервами, опять под руку попался такой умник, который спросил:

– Вы выходите? – и даже руку на плечо положил. А зачем руку класть мне на плечо? Вы, может, тоже играли в детстве в такую игру, когда кладешь человеку руку на плечо и спрашиваешь:

«Ты знаешь, чем отличается крокодил от пидораса?»

«Чем?» – спрашивает бедный наивный албанский юноша, ваш собеседник.

«Тем, что крокодилу нельзя положить руку на плечо!» – отвечаете вы коварно. Поэтому я сказал этому челу в поезде метро, скинув его руку с моего плеча:

– Выхожу, выхожу!

И вышел на Павелецкой. Я жил тут неподалеку раньше с девушкой, уже прошло два с половиной года, как мы расстались. Блять, да сколько я уже торчу в этой вонючей дыре, имя которой Москва? Что теперь случилось с моей бывшей девушкой? Она вышла замуж за Сына Редактора. Сын Редактора, парень, наверное, даже на год младше меня. Я видел его однажды, год и девять месяцев назад. Придется сделать лирическое отступление.

Это было в Доме Художников, на «выставке интеллектуальной литературы». Я, Стас Иванов (Писатель Стас Иванов,

также известный как Зоран Питич, Второй (После Меня) Писатель Современности, а не мой сосед, которого я называю просто Стасом), Сигита и Инна Амирова. Мы приехали забрать книгу, а Сигита с нами за компанию. Господи, как я ждал этой книги, хотел увидеть себя напечатанным! Я раскрыл ее и увидел, что Редактор вставил туда мои рассказы правленными. Я стал грызть эту книгу зубами.

– Виталий, ты пидорас! – закричал я Редактору.

Он стоял среди всех этих стопок книг. Обоссанные сборники, в которых издавались лауреаты и финалисты премии «Дебют». Азади, за спиной у него, стоял его сын.

– Ну зачем?! Зачем так делать?! Нахуя?! – кричал я. А Сын Редактора стал брыкаться, хотел, понятно, заступиться за отца. Хотя отец бы его мне накидал, в нем веса в полтора раза больше. И так мы орали там друг на друга. Стас Иванов сказал, что мог бы помочь мне накидать Редактору. Он его не любил. Но до этого не дошло.

Просто редактор, Виталий, сучонок, опубликовал мои рассказы в том виде, в котором их исправили для журнала «Октябрь». Я не знаю, кто их там правил, мне не хотелось идти ругаться, это было давно, и я боялся, что при встрече снесу этому человеку башку, и меня посадят в тюрьму. Поэтому могу ему (ей) передать только одно: «Идите. На. Хуй!»

Если это женщина, то извиняюсь за грубость выражения. Просто я вас заочно ненавижу, как и всех остоебеневших мне кретинов, которые считают себя умнее других.

Ладно. Так вот. Редактор сначала мне сказал:

– Алехин. Ты ничего не понимаешь. Тебя правил лучший редактор в городе.

Липа, скажу я вам. Я даже не уверен, что он знал того человека, кто меня правил. Виталик вытащил это из своей головы наугад. Я облил его в ответ матерным поносом. И тогда он закричал:

– Ты еще придешь ко мне и поблагодаришь меня, как Анатолий, блядь, Рясов! Он через два года только понял и сказал мне «спасибо» за то, что я его редактировал!

И другая линия его защиты, которая к первой отношения не имеет, но должна была вымолить прощение через лесть:

– Алехин, тебя ждет великое литературное будущее! Какая тебе в пизду разница?! – так и сказал, спросите у Сигиты или у Стаса Иванова.

На том и разошлись. То есть меня еле отволокли оттуда, изрыгающего ругательства во все стороны. Вышли на улицу, и я швырнул книгу «День святого электромонтера» – сборник короткой прозы финалистов конкурса «Дебют-2004» – о стену Дома Художников. Книга ударилась о дом, отскочила. В рассказе «День святого электромонтера» поменяли два абзаца местами, просто этим броском я хотел вернуть абзацам свои законные места, только и всего. – За каким хером вы их поменяли, кем бы вы ни были?! – Но Сигита схватила книгу и больше мне ее не давала. Мой план не удался. Абзацы остались на неправильных сидениях. Через дорогу был бар, и Стас Иванов предложил туда пройти. В тот день я единожды видел Сына Редактора.

Будущего мужа моей бывшей девушки.

Так что меня предали: бывшая девушка Штирлица вышла за фашиста.

Поэтому теперь, когда я шел в гостиницу, вспоминая все эти дела, написал бывшей девушке смс-сообщение, в котором спрашивал, правда ли она вышла замуж за этого человека, за Сына Плохого Редактора, испортившего мне Счастье Увидеть Себя Любимого Напечатанным в Книге. Или же Зоберн меня обманул. Пошутил, и у нее другой муж, а не сын моего Редактора от Лукавого. (Зоберн, кстати, – это еще один писатель, наплюйте на него, я их много знаю, писателей, на самом деле каждый человек – писатель, покуда у него не заканчивается внутренний монолог, но только

мне пророчили «Великое Литературное Будущее»). Ответа на мою смс я до сих пор не дождался. Как, впрочем, и не дождался Литературного Будущего.

Ладно, я пришел на рабочее место. (Если не заметили, теперь я вернулся к основной линии, в которой описываю опыт работы багажистом, – не ссать, держать одновременно несколько линий мне по силам.) Я прошел на территорию гостиницы. Туда, где только для персонала. Оксана встретила меня, отвела в раздевалку, я надел форму.

– Раньше в любой день нужно было носить пиджак, но теперь мы позволили багажистам в жару работать в футболках.

А стояла настоящая жара. Пекло, как будто ад вырывается все ближе к поверхности с каждым днем. Ад такой, коварный, он все время ходит за мной по пятам, но Оксане до этого дела никакого. Она подвела меня к парню в костюме, который был младше меня на пару лет. Ну, само собой, парень, а не костюм был младше меня. Сечете?

– Это Саша. Менеджер. Он сам был багажистом, он тебе сейчас все объяснит.

И он мне все рассказал. Я стою в дверях, у самого входа в гостиницу, и улыбаюсь, там есть специальная кафедра. Я должен был улыбаться и приветствовать людей на всех языках, которые мне не мешало бы знать: русском и английском. Он дал мне листок А4, на котором было написано, как я должен себя вести. Текст не настолько интересный, чтобы я его стал сейчас пересказывать. Еще он сказал:

– Почитай пока. Там еще есть журнал учетных записей под кафедрой. Его тоже полистай и поймешь, зачем он нужен. Когда будет клиент, я тебе покажу, что к чему.

На полке еще были ручки, бумага, книга Ника Перумова, которая явно уступала журналу учетных записей багажистов по своей художественной ценности. На журнал было наклеено несколько наклеек, которые прилагаются к

жвачкам, и надпись: «Superбагажисты». Я, не отрываясь, прочел журнал от корки до корки. Вернее, отрываясь только для того, чтобы говорить каждому заходившему: «Доброе утро!»

Или, если это был иностранец (их сразу видно, они улыбаются как полоумные), говорил: «Гуд монин!»

В журнале же в основном были записи ребят, бывших багажистов, двое из которых поднялись, а двое уволились. Теперь же я был пока единственным новым багажистом, и в ближайшие два дня обещали взять еще троих. Записи в журнале были такого типа:

«Из номера 405 оставили два чемодана в камере хранения. Один большой, с ним осторожнее. Сергей».

Но не все. Были и очень интересные для меня записи, например:

«Этот француз сегодня дал мне на чай 22 бакса. Я радостно схватил их и пошел от него скорее, но он нагнал меня, положил мне руку на плечо и сказал: Сори. Итс май. И с улыбкой забрал двадцатку, оставив мне, черт, 2 доллара. Саня».

Или:

«А мне один русский человек сегодня дал на чай 4 рубля 50 копеек. Когда-нибудь я скажу одному такому все, что думаю. В последний день работы... Рома».

И еще кто-то из них все время дописывал комментарий: «Забурел?!» Который, видимо, выражал силу впечатления от прочтенного послания.

И было одно душевное письмо, которое написал этот самый Рома перед тем как уволиться. Письмо я не буду пересказывать, поскольку это чужое произведение, которое можно поставить в ряд с некоторыми рассказами, случайно признанными классической литературой.

Ладно. Первыми были две пуэртиориканки, возможно, лесбиянки, но приятные, несмотря на это. Хотя я гомофоб,

я против пидорасов, я их просто не люблю и хочу, чтобы разврат исчез с лица земли.

Я оттащил пуэрториканкам чемодан и стал спускаться по лестнице. Я стеснялся стоять в ожидании чаевых с улыбкой на лице, как Тим Рот. И через два этажа я почувствовал руку на плече. Это была более приятная рука, чем у мудака в метро.

– Итс фо ю.

И одна из пуэрториканок протянула мне деньги. Сто сорок рублей. Самые большие чаевые в моей жизни, вот что я вам скажу. Первые и самые крупные.

– Сэнк ю вэри мач! – ответил я и пошел на свое место.

Говоришь «багажист» – подразумеваешь «обезьянка в мундире». Говоришь «обезьянка в мундире» – подразумеваешь «багажист».

Потом я оттащил еще пару чемоданов, за которые не получил ни рубля. Старые подлые иностранцы. Потом-то Сигита мне объяснила. Они с ее мамой были богаты, когда Сигита была подростком, и разъезжали по границам. И всегда, говорила она, багажисты стояли в дверях и ждали чаевых.

Я пообедал. Не так вкусно, как я ожидал, но неплохо. Суп, толченая картошка с курицей, компот. Вонючий советский компот, и это пятизвездочная гостиница? Потом я стоял за этой подлой кафедрой, когда подошла Оксана и сказала:

– Женя, улыбайся. Улыбайся, Женя. Ты что, охуел? Ко мне заходил директор и сказал, что он на входе поздоровался с тобой, а ты с ним – нет! Я не знаю, что делать. Здоровайся. И почему ты не побрился?!

Сейчас я пошлю вас всех в жопу и уйду.

– Выпало из головы. Надо было напомнить.

– Может, я должна тебе напоминать мыться и чистить зубы?!

– Нет. Это я делаю автоматически. Есть привычка.

– Ты не смог догадаться, что надо побриться.

И я здоровался со всеми. В жопу. Если у вас осталась хотя бы частичка уважения ко мне, вы не правы. Иногда секретари просили меня с бумажкой подняться на пятый этаж, там женщина, которая называла меня ласточкой, ставила печать. Я спускался в подвал, там женщина, которая ничего мне не говорила, ставила печать, и я возвращался на свое место. Я лучше целый день бы ходил на пятый этаж и в подвал, там не надо улыбаться как кретину.

Успокойся, Женя. Ты же не хочешь опять ходить на массовки? Или ты хочешь пойти работать рабочим на сериал «Солдаты»? Уж лучше массовки. Массовки?

– А что вы снимаете тут?

– Сериал «Татьянин день».

– Татьянин день. А мы его три месяца смотрим. Так что, они поженятся?

– Я не знаю. У меня нет телевизора.

– Как – не знаете? Снимаетесь и не знаете?

– Ладно. Просто нам нельзя рассказывать. Но вам я скажу по секрету. Вы никому не расскажете? Тогда слушайте сюда. Он на самом деле изменяет ей, хотя они и женятся. Но потом она узнает, что у него есть любовник!

– ?!

Я играл в стольких вонючих сериалах, что поделом нассать мне в башмаки. Еще в передачах. Я был маньяком, который убил своих родителей и свою девушку ножом, а собачку кухонным молотком. Я убивал несуществующую собачку 35 дублей и получил за эту роль всего тысячу. Я был гопником, который поджег негра, и получил всего 1200! Я нищий человек. Теперь я багажист. Я червяк – разрежьте меня пополам, и будет 2 червяка.

Русская дала мне 10 рублей, и рабочий день закончился. Я выпил литровую банку Балтики 7 по дороге домой. Вкусно. Это реклама, вышлите мне денег, и я готов расхваливать любую отраву. Десять-пятнадцать тысяч рублей за лучшего

писателя современности не такая большая цена, ведь правда? Нет, я не продамся, мне твои деньги не нужны! Они мне нужны.

Сигита расстелила мне, и я пытался спать. Я хотел спать, но не мог. Напиться? Не пей. Я промучился до восьми утра... Сигита спала. У меня уже начинались глюки. Меня абсолютно не волнует внешняя фабула, меня волнует только то, что в голове у багажиста. У одного – меня. Вот в чем дело. Я бы хотел, чтобы все это было вам известно, когда вы разбогатеете и будете думать, сколько дать на чай. Я разбудил Сигиту. Я спячу – две ночи без сна, какая работа? Меня еще не успели оформить. Ерунда.

Я разбудил ее и спросил:

– Ты обидишься, если я не пойду на работу?

Конечно, ведь ты должен тысячу Доктору Актеру, тысячу Теплыгину, три тысячи Стасу Иванову. Конечно, мне будет обидно.

– Я не обижусь. Это твое дело.

– Правда?

– Правда, не обижусь. Спи, пожалуйста.

Прости меня. Я не выдержу этого. Потом к нам постучала Сигитина мама:

– Женья! Ты почему не встаешь?! Тебе же на рраааббоооттууу, – я расслышал это слово, как будто бабину замедлили раза в четыре относительно нормальной скорости.

– Мама! Он сегодня не выйдет! – сказала Сигита.

– Ты очень добрая, – сказал я.

Слишком длинным был тот единственный день, в который я работал. Я уснул в один момент, как только перестал быть рабочим человеком.

ЯДЕРНАЯ ВЕСНА

Элина для меня была человеком несомненно талантливым. Я восхищался ею. Ее независимостью и смекалкой. Например, она впаривала пиздюкам – школьникам и первокурсникам – таблетки от радиации по сто двадцать рублей за стандарт, выдавая их уж не знаю за что. А ей они доставались по десятке. Вот вам и математика: сто десять рублей, как с куста. Еще она успевала ходить на учебу, пописывать статьи и бывать на тусовках – последнего я не одобрял, хотя и не говорил ей. Притом, что она сама тоже была первокурсницей. Как и я, впрочем, только я не успевал ничего. И еще она была моей девушкой, самой первой. Первой, не считая пары случаев, когда все произошло, как говорится, «на пол-Федора». Но это – не имеет отношения к делу. Я любил Элину, мне хотелось плакать, смеяться, прыгать, падать, расшибиться, сдохнуть и при этом выжить.

– Хотите? – спросила она, когда стало ясно, что пиво скоро закончится, а нам еще надо достичь высот и низин.

И достала таблетки.

Мы с Егором переглянулись. Я никогда не думал, стану ли я употреблять колеса, если представится случай. Полсекунды подумал и решил, что стану.

– Это и есть тарен, просто ничего лучше у меня с собой нет. Да и этого – всего стандарт и еще две. Маловато будет.

– Хорош, – говорю, – маловато! Сколько же их надо съесть? Двенадцать на четверых – маловато?

– Почему двенадцать? – спросила она, – восемь. В стандарте шесть. Шесть и два равно восемь.

Она показала две таблетки на ладони. Положила их на стол, достала пластиковую упаковочку, открутила, высыпала еще шесть штук.

– Было бы по три – в самый раз. Но можно сделать так.

По одной выпить. А по одной занюхать.

Егор спросил:

– Занюхать таблетки?

– Ага. Так они быстрее и сильнее подействуют. Надо их растолочь и занюхать, как порошок.

– Это не вредно для здоровья? – спросил я.

Оля издала смешок. Да, тут же была еще подружка Элины – Оля. Вообще-то, Олю я не очень любил, так как подозревал, что Элина изменяет мне с ней.

– Дай какой-нибудь листик, – сказала Элина Егору. Потому что это была его квартира, а, ясно, не потому что он ей мог нравиться. Это было исключено. Пока Егор искал тетрадку и выдергивал листок, я, Элина и Оля (лучше бы ее с нами не было) выпили по таблетке, запив из бутылок. Егор посмотрел на нас с сомнением, потом тоже выпил таблетку. Элина растолкла мне кучку на листке в клеточку:

– Будешь?

– И масла побольше, – ответил я.

Я был ее парнем, поэтому я тут же снюхал это говнище. Из носа в голову пронесся холодный и сухой торнадо. Но я не подал виду.

– Не, я лучше выпью вторую, – сказал Егор.

– Напрасно, – сказал я ему и показал кулак с оттопыренным большим пальцем.

В туалете я прислушался к себе. Ничего. Тарен пока не действовал. Это хорошо – если они поплывут, я повеселюсь от души. Мой организм сильнее, во всяком случае, алкоголя и плана я могу потребить раза в три больше Егора. Я помыл руки и выпил воды из-под крана. Конечно, я знаю, что из-под крана нельзя пить, но что поделывать, так сильно захотелось – и очень срочно, – так что я выпил.

Выходя в коридор, столкнулся с мамой Егора, тупо ей улыбнулся. Не здороваться же второй раз. И проходить мимо нее как мимо пустого пространства мне показалось

глупым. Хотя глупо улыбаться было еще глупее. Я зашел в комнату глупого Егора на глупых ватных ногах.

Егор сидел за компьютером. Элина и Оля хихикали о чем-то, сидя на его кровати. «С твоим другом Егором не о чем говорить», – подумал я о своем друге.

– Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки, – сказала Элина.

– «Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки», – повторила Оля.

И они опять засмеялись. Определить, прикидываются они или нет, я уже не мог.

– «Что за херню вы, тупые сучки, несете?» – сказал я.

– Ого, – сказал Егор.

– Это цитата, – сказал я.

Егор повернулся ко мне и сказал:

– Они – тоже сказали цитату.

Он прочел мне текст с какого-то сайта: «Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки. О действии вещества узнали на уроках ОБЖ. Испробовав таблетки на себе, подростки попали в больницу с диагнозом «отравление». По инструкции, в аптечке должны находиться не настоящие таблетки, а пустые капсулы. Но в слободской школе таблетки почему-то оказались настоящими. Сейчас сотрудниками службы Госнаркоконтроля проводятся проверки в школах области. Аптечки, содержащие капсулы с тареном, изымаются».

Элина и Оля опять засмеялись.

– И что? – спросил я.

Элина пошла в туалет. Вместе с Олей. Они хихикали и держались друг за друга. Мне это не очень-то нравилось.

– Ну, как тебе? – спросил я у Егора. Имея в виду его состояние.

– Не знаю, – ответил он.

– А как тебе Элина? – спросил я.

– Не знаю, – ответил Егор.

Он повернулся к монитору – переключил на компьютере одну песню на другую. Я спросил:

– Тебе не понравилась Элина?

Он вскочил и пошел к туалету. Через несколько секунд вернулся и сказал:

– Блять. Они закрылись в туалете и ржут там. У меня мать дома.

И опять вышел. И опять зашел. Мне, в общем-то, было все равно. Пусть ходит туда-сюда сколько ему угодно. Я трогал свои ватные ноги, по ним бегали большие теплые мурашки. Я сказал Егору:

– «Школьники проникли в кабинет с целью похитить аптечки».

Он снова вышел, а я закурил. Егору тоже было семнадцать, но у него дома можно было курить. Если по очереди. Не говоря уже о том, что была почти ночь, а мы находились тут и занимались черт знает чем.

Егор привел-таки Элину и Олю. Элина сказала:

– Просто мы не могли оторваться от крана.

– Ты слишком красива, – ответил я, – чтобы пить воду из-под крана.

Я посмотрел на Олю. По ее щеке катилась огненная слезинка. Как капелька горящего полиэтилена, от этого на коже оставался серый ожог. Я решил никому ничего не говорить, пусть сама разбирается. Мне эта Оля, хоть она и была хорошей подругой моей любимой, повторяю, не нравилась. Она была всего лишь присоской. На мой взгляд, у нее не было ни одного достоинства.

Егор включил телевизор. Только он не мог определиться с каналом: щелкал с одного на другой, как полоумный. Я смотрел, не успевая ничего понять ни из одной передачи, затормозил немного и, по ходу, вздремнул в кресле. Очнувшись, когда почувствовал у себя на лице руки. Это была Элина.

Я сначала не мог понять, чего она хочет и кто вообще она такая. Она сказала:

– Проснись.

И поцеловала меня.

– Ты чего спишь?

Я даже очнулся. Потому что она меня не целовала при посторонних, как правило. А когда целовала, у меня сразу вставал.

Я огляделся – понял, где я. Егор и Оля спали на кровати. Отвернувшись друг от друга – и я их за это не виню: ни в первом, ни во второй не было ничего заманчивого.

– Сколько времени?

Элина посмотрела на мобильном и сказала:

– Уже полвторого.

– Пойдем ко мне? – спросил я.

– Пойдем.

Я встал и потряс Егора.

– Егор. Егор. Мы пойдем.

Он поднялся и проводил нас до двери. Я сказал:

– Ольга останется у тебя. Хорошо?

Егор ничего не ответил. У него был очень сосредоточенный вид. И очень сонный в то же время.

Мы спустились по лестнице. В подъезде я позволил себе взять Элину за руку. Она была не против, и это было приятно. Я поднес ее руку к губам. Если бы не эта сухость в носу и во рту, все было бы хорошо. Я вспомнил, что мы нюхали эту гадость.

– Не буду больше их нюхать. Мне, знаешь, показалось, что твоя подруга плачет огненными слезами.

– Огненными слезами? – только и переспросила Элина.

Мы вышли из подъезда. Пройти немного до меня – пройти мимо ЖЭКа, далее гаражи – гаражный кооператив, его начальник продает самогон и не дает в долг, – и начнется частный сектор. Там и живу.

Я и моя девушка покидали зону поражения.

Ночью под фонарями шли, и все было как-то не так, но не сказать, чтобы плохо или хорошо. Просто – не так. Как через толстое стекло выглядел мир. Я представил, как человек съедает целый стандарт тарена, его сердце замедляется, чувства работают иначе, ум отказывает, и человек на ватных ногах пытается свалить из зоны с убийственным уровнем радиации. У человека галлюцинации. Он видит, как яркими кислотными пятнами радиация попадает на его одежду и тело.

Подошли к моему дому. Я тихонько приоткрыл калитку, выпустил Элину, закрыл. Если смотреть с высоты, мы напоминали двух убегающих от преследователей – за нами гонятся на вертолете и кричат в рупор: «Остановитесь, остановитесь, вам некуда бежать». Окно в мою комнату было ближним к крыльцу. Я подошел к окну, а Элина встала на крыльце. Я и она, мы действовали так слаженно, и я чувствовал, что наши тела – часть одного пазла, который нужно как можно быстрее собрать. Соединить нужные детали. Горячие сгустки энергии циркулировали по жилам. Я сказал:

– Мне придется лезть. Стой.

Элина ничего не сказала, она уже была свидетелем этой ситуации дважды. Я еле забрался на карниз, потом ухватился за форточку. Осторожно, нужно было делать это осторожно, потому что окошко форточки уже раз отваливалось. Я просунул руки в форточку, ухватился за раму изнутри своего жилья. Все, дальше – легче, до этого можно было и упасть. Я напряг руки, просунул туловище внутрь. Потом вытянул руки и уперся в подоконник. Это напоминало путешествие между мирами. Я оказался в своей комнате. Я слез с подоконника, стянул обувь, пару раз зажмурил и открыл глаза. Привык к темноте и тихонько вышел в коридор. Свет не включал, естественно. В коридоре было темно, но можно было все разглядеть, если напрячься.

Дверь в мою комнату была прямо напротив двери в комнату родителей. Комнату отца и мачехи. Отца сейчас не было, он, слава богу, уехал в командировку. Но мачеха спала дома. И, к сожалению, дверь в их комнату была открыта. Я прислушался. Мачеха сопела в темноте – спала. Я постоял пять секунд. Сопит, спит. Я подошел к двери из коридора в сени, и, потянув ее вверх и на себя – чтобы не так сильно скрипела, приоткрыл. Еще раз прислушался: среди прочих шумов – от включенного холодильника и тиканья часов на кухне до давления воды в батареях – выделил сопение мачехи. Все в порядке. Тогда я вышел в сени и отворил дверь на улицу.

Все это мне приходилось проделывать, потому что у нас был один ключ, который открывал дверь с двух сторон. Если все уходило из дома, ключ прятался в бане. Я не знаю, почему мы не сделали всем по дубликату. Такие важные вещи, как сделать лишний ключ, всегда забываются. Иногда я гуляю ночью, а отец и мачеха думают, что я сплю. Так повелось, что же поделывать. У Егора все проще. У меня сложнее. Раз я привел к себе Элину, хотел, чтобы она ночевала у меня, но отец не позволил.

Мы с Элиной тихонько прошли обратно. Мы оказались у меня в комнате. Она разулась в темноте и тихонько сказала:

– Я хочу пить. И писить.

– Сейчас, – ответил я так же тихо.

Мне тоже срочно нужно было попить. Я вышел в коридор, прошел на кухню. Теперь я особо не шифровался. Может, я просто вышел на кухню попить ночью, что тут такого? Я включил на кухне свет и попил воды из трехлитровой банки. О дно звякнула серебряная монета. Говорят, что серебро очищает воду, вот и положили ее туда. Только сейчас я догадался прикрыть дверь в родительскую комнату. Наверное, она отворилась сама, такое случалось. Вряд ли мачеха специально спала с открытой дверью. Я погасил свет,

вышел в коридор и закрыл родительскую комнату. И принес воды Элине. Всю банку. Мне тоже еще не раз нужно будет приложиться, во рту и в носу у меня раскинулась пустыня Сахара. Элина отпила воды, и я вывел ее в туалет. Нужно было все делать предельно осторожно. Пока она мочилась, я стоял в коридоре и прислушивался. Звук холодильника, звуки в трубах, тихое журчание струйки. Все в порядке. Она выходит, мы возвращаемся в комнату.

Наконец мы оказались вместе. Я быстро раздел ее, мы поцеловались, я снял с себя все, и вот мы уже совершенно голые. Только этот сушняк. Две жажды. У нас по две жажды на брата, мы сразу находимся в двух мирах. Один совершенно не похож на другой – как ад и рай. Сначала я поцеловал ее грудь, я поцеловал ее живот и поцеловал ниже живота, я крепко обнял ее руками. Лег на нее. Элина попыталась мне помочь, но я уже сам попал в нее. Это самый важный момент, ничего лучше никогда не было и не будет. Я как смотрю на каплю и вижу океан, это вечность, которую нельзя удержать. А потом нужно было уходить, потому что было уже около семи часов. Утро уже освещало комнату, и надо было идти до того, как проснется мачеха.

Все по той же системе, только наоборот. Мы быстро оделись. Я вывел Элину сначала в коридор, потом в сени. Выпустил ее на улицу, закрыл дверь на ключ. Все так же тихо и серьезно. Спецназ. Я вернулся в комнату. Вылез через форточку. На улице выпал снег. Это было невозможно, потому что был май месяц. Но мне так хотелось, и снег выпал.

– Ядерная зима, – сказал я.

И поцеловал Элину.

– Весна, – поправила она.

Мы тихонько вышли из ограды, я прикрыл калитку. И пошли на остановку. Снег скрипел под нашими ногами, а подошвы оставляли на нем небольшие воронки от ядерных взрывов. Нужно доехать до центра, там погулять немного.

В восемь тридцать Элинины родители уйдут на работу. Мы пойдем к ней и немного поспим. Потом проснемся.

Уже на остановке Элина вдруг вспомнила:

– Мы забыли Ольгу.

Мне не нравилась Ольга. Я ревновал к ней. Один раз Элина предложила, чтобы мы занялись сексом втроем. Я не хотел, но согласился. И у меня не получилось. Я застенялся втроем. Вдвоем – нет. Когда мы были вдвоем, я был Элиным киборгом модели Fucker 2003.

Сейчас я сказал:

– Может, Оля сама доберется?

Я думал, Элина не согласится, но она ответила:

– Хорошо.

И ядерная снежинка упала на ее ресницу.

ДОБРОВОЛЬЦЕВ НЕТ

This is fucked up, fu-a-acked up

Том Йорк

У Сперанского были какие-то дела в Петергофе, значит, выходило, что я буду ночевать один на новом месте. Честно говоря, я боялся. Боялся, что вот так я войду в новое жилье, проведу одну ночь, потягивая пиво или вино. И моя жизнь совсем не будет отличаться от жизни Генри Чинаски. Я все-таки не персонаж, а настоящий человек, но иногда уже перестаю это чувствовать. Я позвал Кирилла, но он сказал, что не поедет ко мне. Понимаю, ему бы пришлось добираться два часа. Что он будет через весь город пилить, чтобы поддержать меня за ручку, он же мне не мамочка.

Так что мы выпили немного пива, Сперанский уехал, и я пошел на новую квартиру. Всего десять тысяч, я боялся, что нас развели. Где-то тут должен быть подвох. Я вставлю ключ в замочную скважину, и ключ не подойдет. Или ночью меня разбудят менты и поведут в отделение. Я боялся, что напьюсь один и выброшусь в окно. Я сидел и думал. Обдумывал еще, что я могу написать отцу.

Я часто думаю, что ему написать, но не часто пишу. Зато постоянно про себя проговариваю варианты писем.

Сам он на днях написал, что моей сестре сделали укол, и теперь год она не будет пить. Ее выгнали с работы после последнего запоя, а она была директором парикмахерской.

Я не знал, что ответить отцу.

Привет.

Я сломался. Мне уже все равно, кем я буду. Я вдруг перестал бояться, что ничего не выйдет, и вообще

чем-то интересоваться. Я читал, что это первый симптом депрессии. Депрессия – это когда человек не интересуется вещами, не заслуживающими интереса. Уже ничто не заслуживает моего интереса. Каждые выходные я схожу с ума от безделья, мне хочется только пить. Лучше бы не было выходных, я бы работал и работал, так легче. Я уже не хочу печататься, я ничего не хочу. Я так долго хотел иметь книгу, а ее нет и нет. Я кажусь себе чем-то вроде девственника, который решил не трахаться. Я живу только из-за того, что тебе и Сигите будет больно, если я покончу с собой. У тебя хотя бы останется Ваня, а у нее никого не останется, с кем она сможет поговорить так. Хотя кто-то появится, наверное, со временем, нечего себя переоценивать. Раньше я всегда считал тебя счастливым человеком. Но когда зимой ты мне сказал, что это не так, что тебе так же больно и невыносимо, почва ушла у меня из-под ног. Я не знаю, как жить без этой иллюзии. Зачем ты мне это сказал? Ты сидел в этих трусах напротив телевизора, сказал мне, что ты тоже несчастен, а смысла в жизни нет, и я увидел тысячи горьких жизней, которые будут повторяться без толку поколение за поколением. Мне стало так одиноко, меня просто бросили одного в лесу. Я потом расплакался, когда ушел в комнату, ты мне дал по голове, короче говоря. Единственный счастливый человек оказался несчастен, я не знал, куда мне деться. И жить неохота, и сдохнуть страшно. Вчера я видел человека без глаз в метро. Я хотел дать ему тысячу, но мне стало жалко тысячи, и я дал ему сторублевку. На день рождения тоже пойду зашиваться, у тебя будет два зашитых ребенка-алкаша. Я уже звонил,

за две тысячи мне введут физраствор, и я останусь один на краю вселенной. Странно как-то все получилось.

Мы со Сперанским сняли квартиру, и теперь у нас адрес Добровольцев 181, квартира 237. Так что есть и хорошие новости. Всего за десять тысяч. Будет где отдыхать по выходным.

Привет всем.

Не падайте духом.

Я бы на хуй застрелился, если бы получил от сына такое письмо. Ничего не стал писать отцу, да и подключиться к интернету мне не удалось. Посидел, поплакал, посмотрел порнуху, подрочил, взбодрился и пошел в магазин.

Милостивый читатель, я продолжу свой добрый рассказ после онанизма. Советую и тебе отвлечься от моей истории ради того, чтобы порадовать себя этим простеньким удовольствием. Огненные буквы летят мне навстречу, я жму «вниз», «прыжок», успеваю или не успеваю вернуться.

Мне хотелось поесть, но не хотелось готовить. Помимо двух бутылок Holsten купил какую-то шляпу быстрого приготовления. «Биг ланч». И пошел от магазина домой. Был первый час ночи. В этом районе полно гопоты, я надеялся, что будет конфликт, это бы меня взбодрило. Хоть какое-то развлечение. На углу дома я как бы случайно, но и нахально, задел парня плечом, но из этого ничего не вышло. Бить меня не хотели. Вид у меня был действительно безумный, говорю же – я был на пределе. Наверное, это было видно по моим глазам. Ад полыхал в них ярким пламенем, он сгруппировался, как перед прыжком, и пружина готова была сработать в любой момент. Это значит, что я могу больше не бояться пустяков. Зачем я буду бояться получить по башке, если каждый день мне приходится сталкиваться с непрошибаемой пустотой, пожирать ее, сгорать от тоски?

Я решил подняться на шестой этаж по лестнице. В подъезде, или, как здесь говорят, парадной, пахло мочой, что напоминало: «Ты в Питере!», все как положено. Я поднялся и вставил ключ. Сердце мое замерло, мне послышались голоса из квартиры. Я открыл дверь. Нет, это я забыл выключить порнографию на ноутбуке, а шарманка так и шла. Какой-то белобрысый парень ебал Ленни Барби уже по второму или третьему кругу. Говоря начистоту, актриса она неважная. Мне нужен женский оргазм, а Ленни Барби как будто вообще не кончает. Но сейчас у меня была записана лишь одна порноновелла – и та с ее участием.

Я обломал им секс, разогнал их праздник, включил вместо этого группу The Scarabeusdream, и отчаяние хлынуло в квартиру из колонок ноутбука. А я вскипятил воду в кастрюле и заварил себе «Биг ланч». Сама вермишель была ничего, но вот прилагающийся мясной соус на вид сильно напоминал дерьмо. На вкус тоже оказался дерьмом, я думаю, что у дерьма именно такой вкус, как у этого соуса. Но мне хотелось есть, а еще раз выходить не хотелось, я устал. Работаю всего второй месяц, а уже чувствую, что дохожу до ручки. Хотя дело не в работе, наоборот, в выходных: нарушается ритм, а потом приходится ехать на залив, входить в ритм заново, но он нарушается.

Превозмогая отвращение, съел порцию.

Немного привык. Мне уже было не страшно. Квартира мне нравилась. Комната, квадратов 18, шкаф-стенка, стол, раскладушка, кресло, туалет с тремя разными стульчаками (не знаю, откуда они там взялись): деревянный и два пластмассовых; ржавая ванна, кладовка – там есть даже гиря и велосипед со спущенными колесами, очень маленькая кухня. Лучше и не придумаешь. Здесь я напишу второй роман или хотя бы первый, если найду в себе еще желание этим заниматься. Нужно найти желание, иначе в моей жизни не останется ничего.

И я тут же состарюсь, как мои друзья.

Позвонила Сигита, поговорила со мной, она переживала, что я тут сойду с ума в одиночестве. Она тоже чувствовала, что я карабкаюсь из последних сил и что мне уже все осточертело. Ее поддержка мне нужна, она была совершенно права. Она назвала меня «кисонькой-мурлысонькой» и посоветовала поехать в гости, если есть возможность.

Я и так думал поехать в гости, чтобы не сидеть в одну каску, как лох. Но я вымотался. Девушка Маша предложила приехать к ней и ее приятелю. Вроде это было не очень далеко. Они там бухали. Я собирался поехать, но передумал. Я любил Сигиту, а пить с Машей, как я подумал, может быть чревато сексом. Если я изменю Сигите, я должен буду ей рассказать об этом. Если я буду иметь кого-то втихаря, от меня ничего не останется. Сейчас я поговорил с Сигитой и точно понял, что не поеду к Маше.

Я набрал Машу.

– Извини, я, наверное, уже не приеду. Устал и я уже пьян.

– А что так? Мог бы и приехать.

На фоне кто-то сказал Маше, чтобы я взял бухла.

– Не, я лучше в одного посижу, как лошара, – сказал я. – Пока.

– Ну, пока. Как знаешь, – ответила Маша и отключилась.

Я просто сидел, потягивал пиво и смотрел перед собой. Ни телевизора, ни интернета. Были книги, но я про них просто забыл. Я сидел и сидел. За окном люди еще продолжали жить. «Занимались жизнью», как сказал Сперанский. А я медленно пил Holsten калужского разлива. Это и есть стать взрослым. Одну выпил, а вторую бутылку мне не захотелось. Я и так уже чувствовал себя нетрезвым. Девять бутылок все-таки за день я уговорил. А перед рабочим днем это многовато.

Я лег на раскладушку и закрыл глаза. Мне показалось, что я проспал минут пять, когда зазвонил будильник на телефоне.

Началось утро.

Похмелье было несильным, но я не выспался. Вокалист Скарабеусов до сих пор надрывался. Позвонил Сперанскому.

Абонент не отвечает или временно не доступен.

Я использовал метод Шерлока. Значит, он на другой сим-карте, значит, он еще сидит в интернете с телефона за своим ноутбуком, а значит, этот мудака до сих пор не вышел из общаги.

Я позвонил ему на «Билайн».

– Блять, ты еще не вышел? Уже девять!

– Да все, я уже выхожу. Пятьдесят минут ехать.

– Ты будешь только через час десять. Не пизди. Быстро выходи.

– Хорошо.

Я почистил зубы, убрал свой маленький Asus в сумку и вышел. Уже на улице я понял, что забыл зарядить телефон. Поэтому я написал начальнику: «U menya mozhet sest' telefon, budu как obuchno». Я сел в трамвай, который идет до метро «Автово», и подкатило. Меня затошнило так, что чуть не стравил прямо в трамвае. Моему организму хотелось избавиться от «Биг ланча» как можно скорее. Нужно было что-то выпить, сок или чай, тогда станет легче. Я зашел в «Чайную ложку» возле метро и заказал себе зеленый чай и салат.

– Вам один чай или двойной? – спросила девушка.

– В смысле?

Я стоял, как вкопанный, не понимая, чего она от меня хочет. Кассирша смотрела на меня с сожалением и тревогой.

– Вам чая на одну чашку или на две?

Я вдруг заеблил. Ничего не понимал. Ни слова.

– Чая на одну чашку? – спросила она еще раз. Одну чашку, две чашки, чашки крутились в голове, кажется, я сошел с ума. Мир вокруг замер, время никуда не двигалось. Мне стало страшно, что я забыл русский язык.

Вдруг я понял.

– Я же один, – сказал я.

Расплатился и сел за столик.

Салат поможет желудку заработать. Нужно было зарядить мобильник, но розетки я не увидел. Написал Сперанскому: «Ya v chaynoy lozhke». Я съел салат, стало легче, было уже ровно десять, а Сперанского не было. Через сорок минут электричка, мне еще надо ехать на залив, из-за Сперанского я мог остаться без работы. Она мне нужна, без работы я теперь уже не смогу. Я отнес поднос с грязной посудой куда следует и вышел. «Ya u vhoda v metro».

И зарядка кончилась, все, теперь телефон не включить. Больше всего я не люблю опаздывать.

Сперанский опоздал на восемнадцать минут.

На электричку я опаздывал уже по-любому. Женя будет целый час ждать меня в Зеленогорске, а потом поедет на залив один и расписхуется, это как пить дать. А созвониться я не смогу с ним. Я не догадался, что мог бы позвонить Жене, вставив сим-карту в телефон Сперанского. Слишком я был зол, чтобы думать.

Сперанский шел, как всегда, ничего не видя. Со зрением у него неважно.

Я пошел ему навстречу, показывая средний палец вместо приветствия.

– Пидорас, – сказал я. И швырнул ему в туловище ключи.

– Ты совсем охуел? Мы же в десять договорились?

– В десять, блять, а не в двадцать минут! – сказал я и пошел прочь от него, пошел в метро. Жетон у меня был. Уже спустившись в зал, я стал высматривать Сперанского, но не нашел его. Опять я сорвался, хорошо хоть не ударил его. Он бы выбил из меня эту дурь, удар у него хорошо поставлен, пара лет тайского бокса изменила его. Я искал взглядом красный кардиган Торман и его стильные джинсы Cheap Monday, но не мог найти. Мне хотелось извиниться.

Но я сел и поехал на станцию метро «Черная речка». Там я могу сесть на маршрутку и через час уже буду в Зеленогорске.

Женя подождет минут десять. Ничего с ним не случится. Но когда бытие наваливается на меня, все становится сложнее. Я не знал, где останавливается маршрутка на Черной речке. А спросить у кого-то я не мог. Психологически не мог. Если я подходил к незнакомому человеку с похмелья или просто не в духе, у меня не хватало духу спросить:

– Простите, где останавливается маршрутка до Зеленогорска?

Я ездил только из Зеленогорска в Петербург на ней, то есть отсюда сюда. Отсюда туда я всегда ездил на электричке. И, видимо, из Петербурга в Зеленогорск маршрутка ехала немного по другому маршруту. Поэтому я прождал минут пятнадцать и не дождался. Время терять нельзя. Я снова пошел в метро. И доехал до станции Удельная.

Вошел в железнодорожную станцию и изучил расписание электричек. Я опоздал, начался перерыв, и следующая будет только в два часа дня. Мне хотелось плакать, хотелось кому-нибудь жаловаться, но телефон не работал. Я знал одно заведение тут, «Блиндональдс». Пародия на «Макдональдс», но там есть дешевое пиво, и я там часто бывал. Я надеялся найти там розетку. Но я обошел весь зал и не нашел розетки. Я снова не знал что делать. Уже нужно было работать. Мне вдруг этого сильно захотелось, работать легче, чем жить. Женя будет давать мне нагрузку, я буду точно знать, что должен сделать. Я буду пилить бензопилой, крутить шуруповерт, резать болгаркой. Это лучше, чем стоять у выхода из «Блиндональдса», как будто в штаны навалив, не зная, где зарядить телефон.

Я набрался смелости и зашел в магазин. Диски, музыка, игры. Продавец был молодым симпатичным парнем.

– Можно я воспользуюсь розеткой? – спросил я.

– Пользуйся.

Я сел на диванчик. И воткнул зарядку в тройник. Розетка не работала. Следующая. Тоже не работала. Я посмотрел и увидел еще одну розетку.

Она работала. Я спасен. Я набрал Женю.

– Я отравился немного. Извини. Приеду завтра или вечером, ты меня не уволишь?

– Ты где? – спросил Женя.

– Я на Удельной еще. Тут нет электричек... Немного затупил, мне стало плохо, и я опоздал. Я приеду вечером или завтра утром.

– Хо... Хо.. Хорошо... Отдохни то... То.... Тогда еще денек. Завтра приезжай.

– Спасибо. Пока.

Все нормально. Кроме того, что я потерял тысячу четырехста рублей за рабочий день.

Я позвонил Сперанскому.

– Извини, что я на тебя наорал. Я тут опоздал, больше не будет электрички. Ты сможешь отдать мне ключи через полчаса?

– Смогу.

– Давай тогда ровно через полчаса? Ты на Василеостровской работаешь?

– Да. Ты тогда позвони, как будешь подъезжать.

– Хорошо.

Только я выключил Сперанского, позвонила Сигита.

– Что у тебя с телефоном?

– Сел, и вообще он глючит.

– Ты уже на работе?

– Я отпросился.

Мы еще обменялись несколькими фразами и распрощались. И я выдернул зарядку, сказал продавцу:

– Спасибо.

И вышел.

Что там думает Женя по этому поводу? Я уже второй раз его так подвожу. И снова не по своей вине. Я потыкался в телефоне – он опять отказался включаться.

Вышел на Василеостровской и не знал, что мне делать. Можно было позвонить с автомата, но я знал только Сигитин номер наизусть. Трех рублей, закинутых в автомат, хватило, чтобы сказать:

– Скажи Упитышу, что я его жду. Сел телефон.

Ответа ее я не расслышал.

Сперанский пришел минут через десять. Он не только дал ключи, но и спросил, не хочу ли я есть.

– Хочу, но у меня кончились деньги.

Он сказал, что купит мне обед. Мы пошли в бистро. Я съел борщ. Он съел борщ и салат. Я зачем-то сказал, что хочу бросить эту работу. Вдруг я подумал, что больше не хочу ездить на электричках и долгой маршрутке. Сперанский предложил попробовать журналистом устроиться в какой-нибудь журнал. Я сказал, что попробую что-то подыскать, и если меня возьмут, брошу работать с Женей.

– Мне нужно хотя бы двадцать. После тридцати, правда, все равно мало получать двадцатку.

– Двадцать-то будут платить, – сказал он. – Только нужно не в такую газету, как моя. А в журнал. Напишем тебе резюме на выходных и разошлем.

Мы вышли из бистро, зашли в магазин. Сперанский купил мне кефир. Желудку стало легче. Я дошел до его работы, а потом пошел в метро. Добираться где-то час, я хотел попасть в наше жилище, хотел оказаться там. Нужно отдохнуть, чтобы завтра работать. В метро было душно, я чувствовал, что усталость вот-вот добьет меня. Но все-таки дотерпел до Автово. Хотя мне хотелось спрыгнуть или кричать еще на Балтийском вокзале. Хорошо, что я не в Москве. Но плохо, что Сигита не со мной. Она нужна мне, она спасет мой рассудок. В Москве метро хуже, чем в Петербурге. Мне

кажется, в Петербурге метро уютней, наверное, уютней или мне кажется раз два три четыре пять точка точка точка тире тире тире точка точка точка.

Вышел из метро и не сразу нашел остановку. Но потом вспомнил и побежал, догнал трамвай и запрыгнул. Расплатился, и денег у меня не осталось. Но это оказался не тот трамвай, я это понял, когда он свернул не туда.

И я вышел. Дремучий лес, и никаких ориентиров. Нас просто бросают в эту жизнь, как параноика Эрнеста, и дождь смывает клей, на который приклеены волосы к нашей груди, и клей с волосами текут по пузу, не предвещая ничего хорошего. Мне придется идти час пешком. Отдохнуть, а потом помочь перевезти вещи из Петергофа Сперанскому. Я должен поспать. Так я шел, не приспособленный ни к чему. Когда я увидел компанию гопников по курсу, я перешел на другую сторону. Сегодня я боялся всего. Философские вопросы выпотрошили мне кишки.

Добрался. Почти потерял день. Уже почти четыре.

Сначала хотел зайти не в тот подъезд, но потом до меня дошло, я вспомнил номер квартиры. В лифте пахло мочой, как небо синее, а трава зеленая.

Ключ подошел.

Я был дома, мне удалось спастись. Мне нужно было срочно помыться, срочно зависнуть в ванной, и все наладится.

Разулся и открыл сумку, чтобы достать гель и зубную щетку. Но флакон открылся, гель вытек и залил книги и мои чистые трусы и носки. На ноутбук, к великому (ха-ха) счастью, не попало, он был в другом отделе.

Я бросил книги на стол, носки и трусы на пол.

Нужно их прополоскать.

Сумка пахла как кусок мыла.

Вытащил протекший флакон. Стоял и пялился на него. Стоял и пялился, я не знал, что мне с ним делать. Я вдруг забыл все. Все, чему учился в течение жизни, не имело смысла.

Выронил необходимый фрагмент пазла. Мой мозг не мог отправить подходящую команду, дать телу верное распоряжение.

Сигнал потерян, сигнал потерян. Я не знал, как людям удастся справиться. Не знал, как надо реагировать на этот пролитый флакон. Я больше никогда не буду счастлив. Этому парню больше не давать! Я не смогу жить. Все мечты обречены. Как облегчить страдания? Я не умею быть счастливым, мне нужно срочно работать. Я не могу думать. Рука моя стала липкой от геля. А я стоял посреди чистого поля и смотрел на флакон Palmolive for men, а ледяной ветер забирался под одежду и дальше, под ребра. Я висел в открытом космосе, меня скрутили, я пустышка, машина пережевала меня, ничего не оставив, от меня уже ничего не осталось. Машина уничтожила человека. Через две недели мне исполнится двадцать три года, и неважно, допишу ли я роман, добыю ли я последние десять страниц или нет, поставлю я себе укол, чтобы не пить год, или полгода, или три года, ничего не имеет значения, ведь я даже не знаю, что мне делать с этим флаконом. Двадцать три года, я мог бы быть отцом или директором магазина, молодым бизнесменом или начинающим политиком, пикапером или верным мужем, и мог бы уже умереть от СПИДа или даже стать известным актером, но это все было бы неправдой; люди всю жизнь только и делают, что прикидываются кем-то, и я не знаю, что с этим делать, как ни верти, а ничего с этим нельзя поделаться. Что, я должен его себе в задницу засунуть, этот флакон?

Это крик, я кричу о помощи. Помогите мне.

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

1

Меня разбудили шум, возня и споры за открытым окном. Вернее, я уже не спал и еще не бодрствовал, когда услышал звуки потасовки. До этого лежал, чувствовал приближение дня, чувствовал, что нужно находить силы что-то делать, за чем-то продолжать дальше барахтаться и ныть. Вчера Сигита не поехала ко мне, и, как только я начну день, придется столкнуться с этим: теперь мы не вместе, и больше я не прощу ее. Сколько можно морочить мне голову, пусть найдет себе какого-нибудь жирного тупого кретина и морочит ему голову, такое мнение у меня было на этот счет.

– Ну-ка! Ну-ка, дай сюда телефон! – орал кто-то за окном. Орал и притом таким тоном, как будто воспитывал. Владелец этого голоса и тона был учителем труда на пенсии, не иначе. Очень я не люблю этот тон, услышал его и обнаружил, что проснулся. Голос этого пидораса создал меня, извлек из небытия. Как оказалось, я уснул прямо на полу при открытом окне, не снимая одежды. А ночью стало холодно, и я укутался в покрывало, которое тоже валялось на полу. Теперь я резко откинул покрывало и встал.

Стоял между занавесок и смотрел на задний двор. На дороге под моим окном толкались двое: пожилой советский гражданин с зонтом в руках и молодой гастарбайтер. Обычный узбек, может быть. Он был в спортивной куртке с нашивкой «BMW»... А может, и не узбек, я не очень в этом разбираюсь.

– Не трогай мэня, – сказал он совку.

Склока происходила на дороге под самыми моими окнами. Они спорили и топтались по страницам распечатки моего романа, которую я несколько дней назад выкинул в окно.

– Я тебе повторяю. Пошли со мной, – сказал совок, пока тянул узбека в сторону. – Сейчас пойдем с тобой в отделение. Шустрый такой нашелся!

Узбек резко скинул с себя руку совка и зло сказал:

– Иди ты в жеппу, а?!

И попытался пойти в сторону, обратную той, куда его тянул совок. Но совок снова схватил его и крикнул:

– Я тебе повторяю, пошли в отделение!

А я стоял спросонья и смотрел из окна. Вернее, я лежал, привязанный к рельсам, и ко мне мчалось с шумом и страшным скрежетом осознание того, что с Сигитой у нас все кончено. Она меня предала. Когда я вчера позвонил, оказалось, что она не в поезде и не едет ко мне.

И теперь я был один в квартире, Сперанский уехал в Москву на пикник журнала «Афиша», мое утро должно было начаться с любимой женщины, а началось с двоих полудурков и их ничтожной членососной ссоры за окном. Все это высохшего говна не стоило, как они этого не понимали.

И мне они оба были несимпатичны, но все-таки совок был больше. Поэтому вдруг я крикнул сверху:

– Сто рублей на черного! Совок говнюк!

Они на секунду замерли, прислушиваясь. Думали, показалось им это или не показалось. Это глас Божий, ребзя. Совок огляделся, а узбек ожил, достал телефон и стал набирать номер. Вдруг и совок опомнился – убедившись, что, да, действительно, мой унижительный для него комментарий есть галлюцинация – и как даст узбеку зонтиком по хребту. Тот явно не ожидал такого, взвизгнул, «ууууааааййй», изогнулся и смотрит на совка, может, как на НЛО или на увеличенного червяка. Или не знаю как на что, могу только домысливать отсюда, с шестого этажа.

– А ну-ка не звони! – высоким от волнения голосом пояснил совок, за что он всыпал узбеку. И еще раз замахнулся зонтом, но узбек успел увернуться.

– Кому говорю, не смей куда звонить!

– Пашель в жыйоопу!

И узбек резко пнул совка в живот. Совок сложился пополам, а узбек рванул в сторону, обратную «отделению».

Я услышал женский крик:

– Милиция-а-а! – значит, был еще один зритель, мой антагонист-болельщик, отдавший свой голос не узбеку, а совку.

– Видите, что творится! – громко и отчаянно простонал совок, так и не разгибаясь.

Он стоял раком, держался за живот и смотрел прямо себе под ноги. А под ногами у него, повторяю, валялись страницы распечатки моего романа. Интересно было, вдруг в мерзком старикане обнаружился бы литературный вкус, он бы начал вглядываться в текст, прочел бы сначала одну из страниц моего великого романа, а потом бы собрал их и забрал бы домой. Какого хуя, я это заслужил, хорошо было бы, если бы этот старик оказался не стариком, а Крусановым или Бояшовым, а еще лучше – покойным Ильей Кормильцевым, моя книга бы возродила издательство «Ультракультура», рассвет русской словесности тысячи человек сейчас встречали под моими окнами.

И я шутки ради крикнул в окно:

– Это я написал!

Совок не ответил. Наверное, он не был издателем. Поэтому мне надоело смотреть в окно, и я пошел умываться. Суббота в данной точке пространствoвремени.

На прошлые выходные, в воскресенье, я позвал друзей выпить, потому что я дописал роман. Нужно было это отпраздновать, ну и заодно отпраздновать день моего рождения. Собственно, роман был моим подарком самому себе на двадцать три года. Я даже купил принтер, сделал несколько распечаток и раздал всем. Гостей было немного: Маша, Валера, Сжигатель Трупов и Женя Варенкова. Еще был

Сперанский, но он не гость, а ныне мой сосед. Но он все равно, конечно, получил распечатку. Потом мы поругались с Варенковой, потому что она захотела уехать раньше, чем обещала. И я заорал, что раз она хочет уехать раньше, чем обещала, я не хочу, чтобы она читала мой роман. Я сказал, пусть даст мне распечатку, и я сожгу ее. А она кричала, что не даст, и что вообще она поехала, и отстань, отстань, ты с ума сошел! Я пытался поднять ее и потрясти вверх ногами, чтобы хоть как-то вразумить, но она не давалась. Тогда я вырвал у нее сумочку. Отбиваясь от Варенковой, достал оттуда распечатку романа и выкинул в окно. В том, как разлетелись страницы, была настоящая красота, возможно, даже продолжение текста, эпилог, если хотите.

Вот почему распечатка была разбросана под окном – по листам, которые не унесло, топтались люди, марали их подошвами, дождь чуть подпортил бумагу, но наверняка на многих страницах еще можно было разобрать текст. Роман – не единственное, что я выкинул за три недели жизни в этой квартире. До этого я в основном жил по гостям, а тут сразу обжился, был постоянно не в себе, и в окно летело все. У обочины, уже смятая и пыльная, валялась гоповка Camelot (диагноз – «нестильная даже для ношения дома»), не оправдавшая моих надежд книга «Школа для дураков», и где-то в траве можно было найти поломанный плеер Da Zed (я уже купил новый iPod, ведь зарабатывал я последнее время значительно больше, чем когда-либо прежде).

Я выпил воды прямо из-под крана и залез в ванну. Долго сидел задницей об дно и поливал себя, и снова и снова переживал этот звонок Сигите. Как вчера я ей позвонил, и она сказала:

– Извини. Я правда приеду к тебе, но не сегодня, а завтра утром, я сяду завтра утром и приеду к тебе. Вечером я уже буду у тебя. Честно, у Даши случилось тут важное дело, она попросила меня побыть с ней...

Наверное, сама не захотела ехать. У них была какая-то вечеринка, и она обменяла меня на тупой праздник. А Даша была нужна для прикрытия. Я лишь попросил Сигиту приехать, сказал, что, если она не приедет, это будет все равно, что убить меня, но она все равно не приехала. Я ждал Сигиту слишком долго, она собиралась переехать сюда насовсем уже месяц назад, но она не сильно спешила, все ее что-то задерживало. Наверное, она любила меня, но ей было наплевать на меня, как же она смогла так просто и жестоко со мной поступить. Я сказал, либо сегодня (то есть уже вчера), либо никогда. Но потом я пил и звонил ей, и мы ругались. Все это продолжалось бесконечно и больно. Это была страшная глупая ночь, но это было вчера, а теперь я сидел в ванной, и было странно, как это я сорвался в пропасть, полетел и разбился насмерть, но боль осталась.

Почему?

Я выпил чашку каркаде и пересчитал деньги. Деньги еще были, тысяч шесть, я мог себе позволить кураж. Сразу я решил не напиваться, а сначала пойти прогуляться до парикмахерской. Но перед выходом включил ноутбук, проверил пустую почту, залез на «ВКонтакте», заменил информацию в графе «семейное положение»: «холост» вместо «помолвлен с Сигитой М.», и дописал музыку на плеер. Чтобы «мчаться как безумный», я дописал к тому, что было, культовый пост-хардкор Drive Like Jehu и At The Drive-In и еще несколько групп со словом «драйв» в названии. Вырубил ноутбук, обулся, врубил плеер и вышел.

Наверное, я оболванюсь наголо и, может, забью партак себе на спину, и станет немного легче. Проколю ухо и не узнаю больше себя в зеркале. Ведь это большая удача. Мне кажется, что каждый человек мечтает о любви, даже если кого-то любит. И теперь у меня появилась возможность не бороться с этим обстоятельством, а воспользоваться им как спасительной форточкой, поддаться своей блядской

сущности, как в кино. Мне нужно утопить Сигиту, поехать купить себе шмоток, бежать коридорами разврата, вот самый верный способ выкарабкаться.

И я вышел на улицу с полным говнобаком экзистенциального говна, не подающий вида, но готовый в любой момент обосраться.

Было очень жарко. Я ведь люблю ее. Посмотрите на этого нытика. Я зашел в ближнюю к моему дому парикмахерскую, но там была очередь в десяток рыл.

– А как скоро мне удастся подстричься? – спросил я.

– Тридцать или сорок минут, – сказала администратор, – будете ждать?

– Не буду.

Тогда я решил пройтись по проспекту Ветеранов. Зашел в секунд-хэнд, но там как всегда висело в основном такое барахло, что мне неловко стало даже подходить к шмоткам и разглядывать их. Я знал: если хочешь найти что-нибудь в секунде, надо сначала потрогать все эти бабушкины штанишки и кофточки, потрогать дедушкины треники, и вдруг тебе попадет жемчужина. Но я стеснялся рыться в этом. Я снова вышел на улицу. Было совершенно нечего делать. Было очень жарко и душно, наверное, самый жаркий день за это лето. Мне стало нечем дышать, я шел к магазину очень маленькими шажками. Воздух слишком горячий и влажный, этот день невозможно провести без выпивки. Только когда я жадно выпил полбутылки холодного пива, сосуды мои пришли в норму, стало легче.

2

Увидел, что на светофоре стоит маршрутка номер 195. Я вдруг подбежал к ней, махнул рукой и забрался в открывающуюся дверцу. Я расплатился и тогда уже позвонил Маше.

В три секунды у меня родился план с ней напиться. Все, что мне нужно было, так это – большая женщина с луженой глоткой и луженой вагиной.

– Можно я приеду к тебе и твоему географу в гости? – спросил я.

– Какой еще географ? – спросила она.

– К тебе и твоему парню. Он же географ.

– Он продавец. А ты что-нибудь купишь?

– Да, я куплю вина, ликера, мартини и еще какого-нибудь дерьма. Я уже подъезжаю.

Она напомнила мне номер квартиры. Я выключил телефон, чтобы Сигита не могла мне позвонить. Плевать, если географа не будет дома – начну домогаться Маши. Я знаком с ней дольше, плевать.

И скоро я приехал на «Нарвскую», где она жила. Она мне открыла, я зашел и обнял ее в коридоре. Она хохотнула и провела меня на кухню.

– А где географ?

– Работает. Да почему же он географ?

Я объяснил ей, доставая бутылки из пакета и расставляя их по столу:

– Мне Сперанский сказал, что твой парень раньше был географом и был очень толстым. Что ты сама присылала фотографии. Там стоял твой парень и весь класс, классным руководителем которого он был. И что там он жирный очень.

Маша поставила стаканы на стол и сказала:

– Понятия не имею, о чем говорит Сперанский. Он сошел с ума, по-моему.

– Твой парень не был географом? – разочарованно спросил я.

– Только аптекарем.

И мы начали пить. Я не очень помню, о чем мы дальше разговаривали. Обсудили новые альбомы Portishead и Tricky. Сошлись, в общем-то, во мнениях. Еще вроде бы я

сказал, что хочу написать рассказ про нее – совершенно вымышленный. О том, как мы выпиваем вместе, потом я шампурю ее – интеллектуалку – целый день, а в конце схожу с ума. Я старался пить ровно столько же, сколько пила Маша. Мне было интересно, кто из нас упадет первым. Мы выпили две бутылки ликера, бутылку мартини, допили коньяк, который нашелся у них на кухне, и я рассказал ей, что расстался с Сигитой. Так себе сидели и болтали. Она снимала отличную квартиру с высокими потолками и большой кухней. Вернее сказать, не «она» снимала, а «они». Потому что она жила в одной комнате со своим парнем, с этим географом-аптекарем, а в другой комнате были две соседки. Они не совали носа в коридор и на кухню, я увидел только одну из них, когда она ходила в туалет. Молодая, наша с Машей ровесница. Или, может, правильно сказать, уже немолодая – наша с Машей ровесница?

– Привет, – сказал я соседке.

Она мне как-то смущенно кивнула и зашла в туалет.

– Хорошая девочка, – сказал я Маше.

Маша рассказала мне, что у этой соседки два парня, каждый из которых считает себя единственным.

– Срамота какая, – сказал я.

Маше было все равно. О чем она и сказала. Соседка вышла из туалета. Я подумал, что мы, наверное, говорили так, что соседке было все слышно из толчка. Но это было не важно, мы не были трезвыми и стыдливými. Алкоголь подействовал и закончился, и мы пошли на улицу. На лестнице я поцеловал Машу. Теперь я стал объективно плохим человеком. Я поцеловал девушку парня, с которым пил коньяк. Теперь точно гореть в аду, я ведь даже похлопывал его по плечу и называл сынком.

– Нихрена себе сынок! – только и говорил в ответ географ, аптекарь и продавец бытовой техники. В общем, он был ничего, только нудноват, как мне показалось, нормаль-

ный парень, которого я предавал без зазрения совести. Теперь точно в ад.

Маша ответила на мой поцелуй, мы немного пососались, спустились по лестнице с третьего на первый и вышли из подъезда. Мы набрали вина в магазине, и пошли зачем-то сначала до Обводного канала. Там нам не понравилось, и мы пошли до Фонтанки. Было так жарко, невыносимо жарко, душно, мы купили еще по бутылке пива в дорогу и шли, и шли, отхлебывая пиво, шли. Мне казалось, что мы идем целый час. Иногда останавливались, вытирали пот со лба, сосались через эту невозможную духоту и шли дальше.

Наконец мы попали на набережную Фонтанки. Мы укрылись в уголке за перилами с видом на воду и стеной за спиной. Уютное место, если ты хочешь нажраться и поставить пистон, который навеки сделает тебя плохим человеком. С помощью веточки я умудрился протолкнуть пробку в бутылку, мы сделали по глотку и снова начали сосаться. Маша позволила стянуть с себя штаны. Я поставил ее раком, она взялась за перила и смотрела на воду. Я немного полизал и стал тыкаться в нее полувялым от синьки членом. Кино не задавалось. Весь мир вокруг уже расплавился, я увидел катер и воду, увидел людей на другом берегу, общественный транспорт и грязное цветение северной столицы. Мой член ненадолго приобретал необходимую твердость, а потом я снова опускался и лизал ее вагину. Она подсасывала немного, а потом я опять стоял сзади нее, сзади этой бессовестной стовосьмидесятипятисантиметровой девушки с широкими бедрами и луженой глоткой и луженой вагиной. Пьяный и пытаюсь удержаться в ней. Теперь всегда будет так. Я смогу заниматься сексом со всеми девушками, никто не будет мне отказывать. Никто не будет говорить, что у нее натирает, никто не будет запрещать мне запихивать палец в жопу, ни одна не позволит себе брать у меня в рот лишь на полшишки. Напихивать с размаху, теперь все будет только так.

Все-таки это было слишком неудобно. Мы разъединились и снова принялись за бухло. Я закурил и сказал:

– Поехали к тебе.

Маша немного подумала и согласилась. Мы поймали машину.

Потом очень долго барахтались на диване, я обливался потом, но должен был кончить. Вроде бы чувствовал приближение, ускорялся, но в нужный момент, доставая член, чтобы обтрухать ей живот, как будто терял где-то заряд. Тогда Маша разрешила кончить в нее, потому что это был для нее вроде как неопасный день. И тогда у меня получилось. С сегодняшнего дня я решил больше не бояться венерических заболеваний, какая разница, если скоро все закончится.

Я поцеловал Машу и спросил:

– Тебе понравилось?

– Да, понравилось.

Больше я не знал, что спросить. Окно было распахнуто, и автобусы, трамваи, машины свободно разъезжали у меня в башке.

– А скоро придет аптекарь? – спросил я, как будто теперь проснувшись.

– Нет, думаю, еще есть время.

Я надел штаны и футболку, еще раз поцеловал Машу и вышел в ванную. Я мыл член и смотрел на себя в зеркало. И немного всплакнул, стоя так, со спущенными штанами, как плакали, возможно, подмываясь, миллионы шлюх в тысячах борделей. Надел штаны, не вытираясь, чтоб было похоже, что я слегка обоссался. Когда вышел, на меня с любопытством смотрела вторая – та, которую еще не видел, – соседка из кухни. Я не стал ее приветствовать, просто прошел в комнату. Если бы потолка не было, небо бы обрушилось на меня, это как пить дать. Маша уже немного прибрала себя и комнату.

– Я пойду, – сказал я нерешительно.

Она открыла дверь, поцеловала меня не в засос, и я вышел

в подъезд. Она закрыла дверь. Я вспомнил, что так и не спросил у нее мнения по поводу моего романа. Это, конечно, не имеет значения, но Маша читала книги на русском, английском и французском, и поэтому я как-то подсознательно был уверен, что она очень умная, и хотелось бы знать ее мнение. Иди к черту со своей писаниной.

В маршрутке я включил телефон. «Можно я приеду к тебе?» – пришло только такое сообщение. Я не знал, что написать в ответ, и пока я думал, телефон зазвонил. Но это была не Сигита, а Валера.

– Да, дорогой? – спросил я.

– Приезжай сегодня ко мне на Энгельса! – сказал он, как говорится, тоном, не терпящим возражений. Меня застал врасплох вихрь его жизненной энергии. Внезапно – посреди пустыни.

Волосатая рука, спасающая утопающего.

– Когда?

– Да прямо сейчас и приезжай.

Хорошо, подумал я. Сегодня я переночую у Валеры, завтра у Сжигателя. А в понедельник уже приедет Сперанский. Или же я поеду на залив работать.

– Ладно, буду где-то через час, – сказал я Валере.

Я не смог придумать ничего лучше, чем ответить Сигите: «Ne priezzhaj. Pojavilas' drugaya devochka». Отключил телефон и вышел из маршрутки. Пересчитал деньги: оставалось еще около трех тысяч на кураж.

Я воткнул наушники в голову и включил плеер в режиме shuffle. Выпало нечто подходящее моему настроению, кажется, это были 65daysofstatic. Окружающий мир с грохотом навалился на меня со всех сторон, раздавил хрупкое стекло капсулы, и дождевая вода вперемешку с осколками и пылью хлынула вовнутрь. Музыка и одиночество ненавязчиво размазывали по улице, пока течение сносило в сторону метро.

ПЕРВЫЙ ПОКОЙНИК

Я лежал в позе зародыша на подушках от дивана. Понимал на ощупь, что это подушки от дивана и в то же время не понимал. Старался занимать как можно меньше места, сгруппироваться на средней подушке – первая с последней неизбежно расплывались в противоположные стороны, я это чувствовал – и отчего-то боялся соскользнуть с айсберга и соприкоснуться с полом. Глаза я не открывал и не предпринимал попыток укрыть свои ноги, которые обмывало волнами и обдувало ветерком из открытой форточки. Плюс было чувство, что меня немного укачало – это от беспорядочного болезненного сна, – и я правда почти был уверен, что плыву на осколке льдины.

– Жука!

Я понял, обращаются ко мне, и сгруппировался, как перед ударом, но глаза пока не открыл. Сначала нужно было понять, где я и кто это говорит.

– Ты же не спишь. Вставай!

Я понял, что это голос Насти Матвеевой. Но я подождал, пока она опять произнесет мое прозвище. Хотел быть уверенным на сто процентов, что это именно ее голос.

– Жу-ука, – подманила она в реальность.

Сначала я увидел ножки ее кровати, потом саму кровать и постель, разгибаясь, скинул покрывало, увидел ковер на стене, оборачиваясь – письменный стол, занавески на окнах. Вдруг что-то нежное: это комната Насти Матвеевой, единственной симпатичной девочки в моем классе. И наконец я увидел саму Настю. Она стояла возле открытой двери в коридор. Была уже одета и накрашена. Я попытался поприветствовать ее, но удалось только прохрипеть:

– Ие-э.

Тогда я протяжно зарычал, чтобы прочистить горло, кашлянул несколько раз, и удалось сказать:

– Можно мне попить?

– Будешь чай?

Я встал посреди комнаты – я был в джинсах и толстовке, но без носков – и посмотрел ей в глаза. Как будто увидел ее в первый раз. Она смотрела на меня спокойно и по-доброму, хотя мы никогда не были друзьями.

– Можно кипяченой воды? – попросил я.

– Пойдем на кухню, – ответила Настя.

Я наклонился, чтобы прибрать подушки.

– Оставь, – сказала Настя.

Но я все равно сложил их стопкой. И надел носки, которые валялись на полу рядом с моей ночлежкой, – зачем-то я стянул их во сне.

В ванной я снял с рук бинты. У меня было ощущение, что я позабыл что-то важное. Кисти были обработаны йодом, царапины не кровоточили, но выглядели внушительно. Глядя на свои руки, не сразу вспомнил, как мы с Мишей вчера выбили все окна в нескольких подъездах. Просто заходили в подъезды и выбивали окошки на площадках между этажами. То есть сперва поднимались на самый верх, а спускаясь вниз разбивали все окошки и шли в следующий подъезд. Тимофей, по-моему, в это время просто плакал на лавочке во дворе. Раз Миша даже сцепился с каким-то возмущенным мужиком в подъезде, но тот быстро перепугался и дал задний ход. Потом, вспомнил я, Настя промочила йодом и перебинтовывала мне поврежденные осколками руки, но я почему-то не мог вспомнить, как оказался у нее.

Я почистил зубы пальцем, и немного подкатило к горлу, но я сдержался, чтобы не стругануть в раковину.

– А твоих родителей нет? – спросил я, нерешительно заглядывая в кухню.

– Мама ушла. А брат еще спит.

Хоть у нее и был старший брат, мне не было до него дела. Опасности он для меня не представлял. Я сел за стол, выпил стакан воды и взял чай.

– Скажи, пожалуйста, как я сюда попал?

Настя растерянно смотрела на меня.

– Позвонил в дверь. Я вышла в карман и перебинтовала тебе руки. Считай ночью. Но ты сказал, что не хочешь никуда идти. И остался.

– И твоя мама разрешила?

Настя пожала плечами.

– Потом ты попросил позвонить тебе домой и сказать, что не придешь. И уснул. Я сказала твоему папе, что Леша Балашов убил себя.

Только теперь я резко проснулся.

Позавчера мы узнали, что Лёджик повесился. Сначала мы пытались выяснить какие-то подробности. Мы – его друзья – я, Миша, Тимофей – не видели его несколько дней. Оказалось, что на днях он вставил Максима Зотова. Леджик был kleптоманом, самым настоящим, и это происшествие нас не удивило.

После какой-то пьянки он прихватил ключи от недостроенного коттеджа Макса, а потом, когда там никого не было, вернулся с саквояжем и вытащил кое-что из инструмента: тысяч так на пятнадцать. Леджика быстро вычислили, и Макс с отцом приехали к нему домой на машине. Леджик пару раз получил в живот и обещал все вернуть (что-то деньгами, а что-то он еще не успел слить) в течение двух-трех дней. Вот и вся история.

Только если бы позавчера утром Дядя Леня – отец Леджика – не пошел бы в гараж перед работой и не обнаружил своего сына повесившимся в гараже. Официальная версия такая: Леджик ночью выпил бутылку водки в гараже в одно рыло, а с утра повесился. Леджику было семнадцать лет, на год старше меня, на полгода старше Миши и на год младше Тимофея.

Я, Миша и Тимофей сначала ходили в гараж, ходили к Максy, расспрашивали знакомых, кто видел Леджика в последние дни. Мы хотели понять, как он провел последнее свое время, но так толком ни черта и не прояснили.

Мы прикидывали версии:

– Леджика замучила совесть. (Маловероятно)

– У Леджика были еще какие-то проблемы, о которых никто не знал. (Вполне вероятно, но странно, что он не рассказал нам или хотя бы Тимофею)

– Леджика кто-то убил. (Миша и Тимофей были в этом почти уверены)

Но я не верил, что его кто-то убил. Я складывал, как кубики в голове, осколки из впечатлений о Леджике и времени, проведенного с ним вместе, за те пару лет, что мы дружили, его голос, его манеру говорить, его фразы и его легкость. И я думал, что мы не будем правы, что бы мы ни предполагали. Дело не в проблемах и не в совести. Дело в выборе: жить или не жить. Реализовывать себя или не реализовывать. Остаться или спрыгнуть.

Миша и Тимофей внимательно выслушали мою версию, но не сочли убедительной.

Ближе к вечеру позавчера мы были как замороженные. И потом полтора дня просто пили. Только и хотелось бить стекла, пока Тимофей плакал, потеряв своего лучшего друга.

Я сидел за столом напротив Насти, обжигался горячим чаем и представлял, как Леджик задыхался и как потом он висел, раскачиваясь, и как дядя Леня открыл дверь и увидел собственного сына повесившимся в гараже.

Какая разница.

Если в жизни такое случилось, какая разница, случилось это со мной и моим отцом или с Леджиком и его отцом, или с Мишей и его отцом? Или с Тимофеем, хотя у Тимофея не было отца.

И я распустил сопли тут за столом. Мне хотелось, чтобы

Настя меня пожалела, и она подошла ко мне и погладила мои волосы:

– Пойдем в школу.

Тут я как снова проснулся: ведь я уже давно должен быть у Миши. То есть первое мое пробуждение было ложным, а теперь я подскочил по-настоящему.

– Ч-черт, – ударил я себя по лбу.

Было уже девять, а я должен был зайти к Мише еще в полдевятого. Через несколько секунд я уже сбежал вниз по лестнице.

Странный подарок: Настя, которую я считал обычной смазливой дурой. Она стала сегодня внезапным призом мне на один миг, я получил нечто незаслуженное, это женское внимание, скорее всего, мы никогда с ней настолько не сблизимся еще раз. Но как хорошо и вовремя это было сейчас.

Я вышел на улицу. Было морозное солнечное утро конца октября. Приятный холодный воздух и освежающая корочка льда на лужах. Я только вышел из одного подъезда и зашел в другой. Настя, Миша, Тимофей, Леджик – все они жили в длинной «змейке» – доме номер 10 на моей улице. А я жил в пяти минутах, но уже в одноэтажном доме.

Я несколько раз позвонил в дверь Мишиной квартиры, но мне никто не открыл. Хотя и так было ясно, что я уже опоздал. Мы с утра должны были ехать рыть могилу для Леджика, и, наверное, Миша и Тимофей уже были там, они работали. А я опоздал и пропустил одно звено цепочки – то есть я как бы стал предателем.

Чтобы как-то наказать себя, я побежал. Мимо гаражного кооператива, мимо частного сектора, где я живу. Мимо парка, в честь которого наша улица называется Парковой. Потом я не выдержал и перешел на шаг, задыхаясь от кашля курильщика. Прошел только вдоль озера, но потом снова заставил себя рвануть, никаких поблажек, пока лопата не попадет ко

мне в руки. Ты виноват, мы все виноваты, что Леджик покончил с собой, – накручивал я обороты, пока мимо пронесился коттеджный поселок, и легкие мои горели.

Я остановился и сложился пополам, пытаюсь отдышаться, а мир по инерции кружился каруселью. Но зато я совсем протрезвел. С одной стороны от меня было картофельное поле, а с другой – кладбище, и они все время менялись местами, кружась вокруг от резкого торможения. Я обрадовался, что отбил несколько очков этим испытанием, немного реабилитировался после предательства. Но ходил и вглядывался, пытаюсь разглядеть моих друзей, и никого не видел. Я обошел все кладбище, но не нашел место Леджика. В результате посидел немного на одной могилке, посмотрел на фотографию покойника, отдохнул и пошел домой.

Пока я наливал себе суп, мачеха звонила отцу. На кухне я поставил тарелку на стол и услышал, как она говорит в гостиной:

– Пришел.

Я отправил в рот пару весел, и мачеха уже протягивала мне радиотрубку. Я взял телефон свободной рукой.

– Да? – спросил я и стал слушать многозначительную тишину.

Наконец отец спросил:

– Как ты?

– Нормально.

Отец еще секунду молчал.

– Думаешь, тебе уже можно пить?

Я об этом не думал.

– А я и не пью, – сказал я.

– Есть уверенность? – спросил он.

У меня такой уверенности не было, поэтому я просто молчал. Отец сказал:

– Часто для людей похороны – лишний повод, чтобы нажраться.

Я повертел ложкой в тарелке и, поскольку отец молчал, сказал:

– Это не обо мне.

– Сегодня будешь дома? – спросил он.

– Не позже часа приду, – ответил я.

Он сказал:

– Ну ладно.

– Ну ладно, – сказал я.

И отключил трубку.

После супа я ненадолго прилег и уже очень скоро проснулся, потому что постучали в окно моей комнаты.

– Спит, что ли?

– Дрожит, наверное.

Я поднялся. Голоса принадлежали Мише и Тимофею. Миша стоял с той стороны окна и вглядывался в мою комнату. На улице было светло, а в комнате полумрак, поэтому я их видел, а они меня нет. Через открытую форточку все было слышно, и я сказал:

– Сейчас выйду.

Миша по голосу определил, разглядел меня и сказал, в упор прислонившись к стеклу:

– Выходи, бездельник.

Я так понял, что они уже выпили. Оделся и вышел.

– Извини, я проспал совсем немного, – сказал я, пока мы шли к их дому. Мне хотелось сказать им, что я был у Матвеевой, и что она оказалась хорошим человеком, но почувствовал, что нужно сохранить это между нами. Между мной и Настей. И я просто добавил:

– Пришел к тебе чуть позже. Вы уже уехали.

– Да нас Юра забрал в семь утра, – сказал Миша.

Вот же обидно, что я не был с ними. Но тут не только моя вина. Их забрали в семь.

– Нечестно получилось, – сказал я. – Искал вас на кладбище, но не нашел.

– Да какая уже разница, – сказал Тимофей.

Я толкнул плечом Мишу, кивнув на Тимофея. Миша пожал плечами. Нужно было сказать какие-то слова, но это должен был сделать я. А я не знал этих слов. И я просто разок неловко приобнял Тимофея, и скоро мы пришли.

В квартире Леджика было много народу. Естественно, родственники, знакомые, зеваки, кое-кто из технаря Леджика, кое-кто из моего и Мишиного класса.

Мы протиснулись в комнату, где стоял гроб, и я впервые увидел Леджика после его смерти. До этого в гробу так видел только свою мать, но это было не то. Прошло уже восемь лет, к тому же Леджик был моим сверстником. И сознательно это был первый настоящий покойник. Поэтому я стоял и пытался что-то почувствовать. Люди входили и выходили. Матери и дочери. Соседи. Валентина Ивановна Иванова – учительница по черчению и рисованию в нашей школе – качала головой. Тимофей немного постоял возле гроба и вышел. И скоро я обрадовался, что Тимофей вышел.

Потому что зашел Дима Коробкин, встал возле гроба, взял Леджика за руку и сказал:

– Эх, Леха, прощай!

Он это сказал не тихонько, а так, чтобы все слышали. Мне захотелось исчезнуть с лица земли. Я немного знал Диму, все мы его немного знали, но он не был никому из нас другом. Он был на несколько лет старше, кто он и чем занимается, я не знал. То ли простой гопник, то ли непростой. Мы пару раз пили вместе, он остроумно шутил и показался мне неглупым.

И тут он выдает такое:

– Да, Леха, что же ты сделал. Посмотри, тут твои друзья и родители. Мы пришли проститься с тобой...

Чтобы не провалиться сквозь землю, я заткнул уши. Миша стоял рядом и курил, глядя перед собой.

Откуда этот Дима взялся, он сошел с ума – и кровь била мне в виски.

Сначала гроб несли четыре мужика, потом несли мы с Мишей и два мужика. Потом вместо мужиков взялись Тимофей и Дима Коробкин, а мы с Мишей отказались от сменщиков. И тут Дима еще раз выдал:

– Раз, два, три, – сказал он.

Я просто не мог ничего сказать. Я ждал, когда скажет Миша.

– Раз, два, три... Осторожнее, ребят, несем, несем. Вот так, аккуратно.

– Дима, замолчи, – сказал Миша.

– Заткнись, – сказал Тимофей.

– Заткнись, – сказал и я.

Несли гроб по улице, потом погрузили в кузов и поехали на кладбище. Мне стало не по себе, немного закружилась голова, я стоял у оградки, пока гроб на веревках спускали в могилу. Миша подошел и сказал мне:

– Знаешь, кого я сегодня буду убивать?

– Диму Коробкина? – с надеждой спросил я.

– Нет, – Миша ткнул пальцем, указав на какого-то мужика в грязном шарфе. – Этот пидор не дал мне проститься с другом. Я просто хотел постоять там, а он меня оттолкнул. Я убью его.

Но я уже не мог слушать. В глазах у меня вдруг потемнело, я уселся прямо на землю и прислонился к оградке.

– Жука? Жу-ук?

Сильно устал. Я слышал, как Миша протискивается сквозь людей и зовет Тимофея:

– Тима, иди сюда!

Я ведь всего несколько дней назад вышел из больницы. Две недели валялся с ушибами и сотрясением.

Леджик дал мне вести его «Урал» с люлькой, а сам сел сзади. Мы катали вдоль берега, люлька перевешивала и

тянула в сторону, а я совсем не умел водить и погнал мотоцикл прямо в обрыв. Леджик тянул меня сзади и орал, чтобы я крутил руль и тормозил. Но я чего-то запаниковал и не мог расцепить рук, вместо этого наоборот дал газу. Леджик тянул меня сзади, но у него ничего не выходило. Он спрыгнул, а я полетел в обрыв с высоты третьего этажа. Game Over – мелькнуло у меня перед глазами, я отпустил руль и отправился в свободный полет. Я упал, а «Урал» приземлился рядом, но меня не задел. Только люльке пришел конец. Я перевернулся на спину, раскинул руки и потерял сознание.

Когда очнулся, увидел голову Леджика – он смотрел на меня сверху вниз. Заглядывал сюда, в обрыв, и по нему было видно, что он не знает, плакать или смеяться.

Может быть, жалел, что он спрыгнул, а я остался.

ОТВЕЧАЕТ LINDURIK

Невыносимо тревожно стало после звонка Нади.

– Привет! – прокричала она.

– Тебя взяли? – тут же спросил он.

– Я сбежала оттуда. Там стояла большая кровать, прямо в офисе...

Шум улицы, Надин взволнованный голос и сигнал, сообщающий, что ее телефон садится.

– ...И эта женщина, такая вроде бы милая, только говорила со мной как со слабоумной... Или как с маленькой. Она сказала, вообще-то, у нас в обязанности входит интим...

– Суки, – ошарашенно сказал Володин и встал из-за компьютера. И даже, пока слушал продолжение рассказа Нади, ударил шкаф кулаком.

– И она со мной разговаривает так, говорит, да ладно, у нас многие девушки работают и не жалуется, и мне все как-то неудобно сразу уйти, а она так говорит, смотрит на меня как-то странно, а еще эта кровать на полкабинета... «У нас самые богатые клиенты в городе»...

Он бы, наверное, не смог сразу объяснить, почему ему стало так обидно. Володин испытал сразу чувства ревности, обиды, уязвленной гордости и смутно осознал собственную беспомощность. Просто отпустить Надю на собеседование – опасное и грязное приключение. Воображение выдало ему несколько диафильмов про Надю, и еще это абстрактное чувство бессилия – это было невыносимо. Становится ясно, что ты никуда не приедешь, сынок, твое ощущение, что ты выкарабкаешься, – обман. Дело пахнет мрачными историями. Мрачными историями и дерьмом. Володин не употреблял спиртного несколько месяцев, с тех пор как переехал в Петербург, он устроился на работу (лучшую из тех, что у него были) и уже легко делал два подхода по сто отжиманий

каждое утро, а говна в мире не стало меньше ни на грамм. Около месяца с ним жила Надя, согласилась приехать, шестьдесят часов на поезде, ради непонятно чего. Им было как будто хорошо. Он брал за работу деньги и ощущал себя взрослым. Денег впервые в его жизни было достаточно, и Надя бы могла не работать, если знать меру и понемногу воровать. Только вот висел кредит за ноутбук, но Володин с этим смог бы справиться. Жизнь налаживалась, точно. Он как будто был стерилен – в голове у него было белым-бело от трезвости и благоразумия, как в дурдоме.

А теперь оказалось, что он не избавился от них; стоило щелкнуть пальцами, бригады безногих попрошаек на своих колясках, злых мусоров и кривых проституток погнали его и его девушку по бесконечному метрополитену, объединявшему города, в которых он бывал. Существование.

Сказал, вдруг чуть не всхлипнув:

– И что? Ты послала их?

– Я сбежала оттуда. Погоди, у меня садится батарея. Я тебе все расскажу, – и Володин услышал еще раз звук сигнала, подтверждающий, что ее мобильный вот-вот сядет.

– Ты сразу домой?

– Да, этот охранник... Я расскажу. Уже к метро...

И связи не стало.

Володин не смог досматривать художественный фильм «Хеллбой», ни тем более читать, а вместо этого лег на пол и заплакал. Что-то вроде ощущения «захотел к мамочке» – внезапное озарение или наоборот помутнение. Декорации прогнили, и он свалился в реку Жизнь, блять. Увидел все, как оно есть, и не очень обрадовался увиденному. Не часто ему хотелось вернуться домой, даже если не было денег, не было работы, все равно казалось, что ему, в общем-то, повезло, если сравнивать с приятелями и просто теми, с кем Володин рос.

Была иллюзия движения в правильную сторону.

Жить с Надей, далеко от своей и ее родни, гулять вместе, ездить в центр раз в два или три дня, подрезать продукты в «Пятерочке» и «Патэрсоне», тырить книги в «Книгомире» и «Букве». Дважды ездили за одеждой в «Мегу» – вернее, по разу в магазин «Мега Парнас» и в магазин «Мега Дыбенко». Topshop, Pull&Bear и Springfield – магазины пониженного риска, где всегда можно украсть свитер, или рубашку, или футболку. Еще Надя тянула Володина в «Икею» и там набирала столько всего: чашки, свечи, гели для душа, кухонные полотенца. А потом просто выходила через кассу. И только когда они садились в бесплатный автобус до метро, его отпустил приступ паранойи. На съемной квартире было уютно. Семейное счастье под угрозой. Счастье под угрозой.

Володин заплакал лежа на полу, потому что понял: говном пахнет везде. Ты можешь забить жизнь чем угодно, можешь забыть надолго и впасть в кому, но все равно однажды вдруг тебя разбудит звук работающего холодильника или запах говна. Потому что ты еще и человек, и ты одинок, и скоро всему придет пизда.

Сегодня она рассказала одну историю. Уехала, как ни в чем не бывало, а потом этот ее странный звонок.

Может, звонок и не был бы таким жутким, если бы не история, которую Надя ему рассказала, перед тем как поехать на собеседование. О Надиной подруге, он и не знал, как ее звали, эту подругу, никнейм у нее «вКонтакте» был Lindurik. История эта стоила чуть дороже слов, на нее потраченных, он бы все забыл, расскажи Надя ее в другой день.

Суть в том, что Наде один раз повезло, что она не пошла в клуб вместе с Lindurik и некой Катя-Маделью. Lindurik и Катя-Мадель веселились без Нади, сожрали каких-то наркотиков и плясали, а потом один знакомый Lindurik предложил поехать на флэт (наверное, так разговаривают клубберы или еще хуже, Володину было плевать, но представлял он себе это именно так), и дамы охотно согласились. Там

хачики их угостили «Ягуаром» («Да как вы могли пить, как вы пили это ссанье с витаминками, и ходили в эти клубы для полоумных, и плясали под драм-н-басс?!») и, может, чем-то еще типа бухла и травы. Знакомый Lindurik ушел домой, и сами Lindurik и Катя-Мадель уже тоже хотели идти. Но Главный Хач считал, что никто никуда не уйдет, пока он не кинет хотя бы одну палку. Можете орать, можете прыгать в окно, он тут человек важный, ему все равно ничего не будет. Но пока его желание не будет удовлетворено, никто не уйдет, перепих, и тогда идите хоть на все четыре стороны. Сначала он был согласен, чтоб ему хотя бы просто сделали минет, но когда девушки начали отчаянно препираться, он решил, что минетом они не отделаются.

Поскольку Катя-Мадель еще была девственницей, как-то получалось так, что отвечает Lindurik.

Тут уже Володин представлял себе совсем смутно, как одна подруга решила взять удар на себя.

Две говорящие головы, снято «восьмерками» в духе сериала «Моя прекрасная няня» и прочей продукции студии «Амедиа».

Катя-Мадель: Прости, Lindurik, ты сама ведь понимаешь, я не могу потерять девственность с грязным хачом, в логово к которому мы попали по роковой ошибке!

Lindurik: Но ведь мне будет обидно, что я уйду отсюда гашеная на всю жизнь, а ты отделаешься легким предупреждением!

Катя-Мадель: Но ведь ты моя старшая подруга. А я – девственница! Если сейчас меня распечатает эта жестокая обезьяна, я никогда больше не смогу испытать радость от оргазма или в лучшем случае стану лесбиянкой, буду принимать наркотики на грязных хатах и нырять в пилотку мужиковатым бабищам! Так что, пожалуйста, давай ты дашь этому хачу, пострадай за нас обеих, а через пару месяцев уже встанешь на ноги, и мы замолчим всю эту

историю. Я люблю тебя, ты моя лучшая подруга! По рукам, Lindurik?

Lindurik: Ладно, Катя-Мадель. Ты тоже моя лучшая подруга. Обними меня, пожалуйста, как же это будет нелегко. Но я вытащу нас отсюда.

И ей пришлось трахаться.

– И как же она жила дальше? Ходила себе спокойно в клубы? – спросил Володин, после того как секунд тридцать подумал над этой историей.

– Нет. Какое-то время не ходила. А потом снова начала ходить, что же делать, – ответила Надя.

В страшной тишине возвращаются шестеренки жизни. Сейчас он с ужасом подставлял Надю на это место – пытаюсь разгадать, что большее ранит душу: представлять, как ее ебут или как напихивают за щеку?

Живот крутило.

Снова начала ходить в клубы, что же делать. Жизнь продолжается.

Девушки слишком просто ко всему относятся, в том числе и к сексу, наверное, это чувствовал Володин, и, наверное, эта мысль была лишним поленом в костре. Нужно было взять себя в руки и встать с ковра. Наде добираться минут пятьдесят до дома, значит, она будет, скорее всего, уже минут через десять или пятнадцать.

Володин прошел на кухню и поставил воду для чая. Вода закипела. Ополоснул чайник, заварил ройбуш, подождал очень долгие пять минут и налил себе чашку. Нади не было, Володин ждал стука в дверь каждую секунду. Выпил одну и вторую чашку и попробовал позвонить Наде на мобильник, хотя и понимал, что телефон Надин если уж сел окончательно, то навряд ли она его зарядила от пальца. Естественно, абонент не отвечал или был временно не доступен. Володин надел куртку, обулся и вышел в подъезд. Он начал было спускаться по лестнице, но тут же поднялся обратно и

вызвал лифт, чтобы вдруг не разминуться с ней: Надя вверх всегда ездилa на лифте.

Вот Володин спустился на лифте и вышел из подъезда.

Уже стемнело.

На улице было немного просторнее, пространство расширилось и не давило так сильно со всех сторон. Володин глубоко вдыхал и смотрел в сторону проспекта, откуда должна была прийти Надя, и еще смотрел вверх на кружащиеся снежинки и на черное небо на фоне. Подходил к концу еще один день новой жизни.

НАВАЖДЕНИЕ

Ольга надула губки и сказала, исподлобья глядя на дорогу:

– Детишков родить. С ними веселее.

Она смотрелась за рулем, как слабоумная с бубликом.

Одета и покрашена – настоящая соска.

– А как же всеобщий пиздец?

– Не знаю никакого пиздеца, – ответила она.

Я смотрел через стекло на улицу. Было очень холодно. Я пару дней назад прилетел в Кемерово, и у меня чуть лицо не треснуло, так было холодно. И сейчас смотрел из автомобиля на улицу, на этот обжигающий снег, заледенелые урны и тротуар и вжимался в кресло. Наверное, так холодно бывает только в открытом космосе.

– Мне кажется, что он не за горами, – сказал я рассеянно.

С Ольгой я мечтал переспать, когда мы вместе учились. У меня, помню, просто зубы сводило от желания. А она говорила: «На гуманитариев у меня не встает». Как же она меня тогда бесила своей тупостью, но как же я хотел ее.

– А твой супруг? – спросил я.

Никогда я не был гуманитарием. Точно так же не был и технарем. Я не понимаю такого деления. Людей можно разделить на мужчин и женщин, например. Но не на гуманитариев и технарей. Считала, может быть, что, если я прочел всего Джона Стейнбека, отчасти Кнута Гамсуна и еще нескольких авторов, член мой поник, не выдержав красоты литературных стилей?

– Высрал круг, – скаламбурила Ольга. – Что супруг?

– Хочет детишков?

Она глянула на меня, потом опять на дорогу.

– Вроде бы хочет, а вроде бы и нет. Скорее, да.

Мы встали на светофоре. Это было на Октябрьском проспекте. Когда-то я ходил по этим улицам, жил в этом городе,

и, в общем-то, особо не задумывался, для чего все это так. Пил синьку и мечтал, чтобы счетчик телочек крутился быстрее.

Электронные часы, возвышающиеся на пустоши, – они же и градусник – напротив издательства «Кузбасс» показывали 18:50/минус 29. Люди, дома и машины – все как будто ненастоящее в сумерках. Стоит попытаться вовлечь их в беседу, ударить или просто дотронуться до них – исчезнут. Я потянул Ольгу за лицо к себе, у нас еще была пара секунд, пока не загорится зеленый. Она повернулась, в ней была какая-то нежная горечь, что ли. Или не было ничего, все это я сочинил сам, не знаю. Я поцеловал ее аккуратно, чтобы она вдруг тоже не оказалась наваждением.

– Я боюсь, что скоро ничего не будет, – сказал я.

И мы поехали дальше в сторону центра. В универе Ольга зачем-то рассказывала мне про своих ебарей, а я говорил, чтобы лучше заткнулась и дала мне. А она даже не воспринимала мои слова всерьез. И так несколько лет. В общем-то, много чего происходило в то время. Понятно, что у меня помимо разговоров с ней была какая-то жизнь. Хотя сейчас я чувствовал по-другому. Как будто кроме нас ничего в мире уже нет. Как подтверждение – за окном за время проезда от издательства до центрального бассейна я не увидел ни одного человека.

– Мне жутко, и я немного жалею, что приехал, – мне нужно было успеть сказать самое важное. – Я встречаюсь с друзьями, но они уже не те. Пью с ними водку, но не успеваю опьянеть, потому что засыпаю или не хватает сил. Или они начинают нести какую-то хуйню о том, что я изменился не в ту сторону. Или говорят, что я ношу узкие штаны, как пидор. Разве об этом говорят друзья после трех лет?

– А мне нравятся твои штаны, – сказала Ольга.

– Я даже не смог поговорить с отцом, – продолжил я, – вроде бы сели, выпили и обоим хочется. Но не могу

нащупать, как ему все это рассказать. То, что я чувствую. Вдруг мы видимся в последний раз?

Я замолчал до следующего светофора. Ольга очень щедро меня поцеловала, меня проняло от кончиков волос до пяток. И когда мы снова поехали, она спросила, неровно дыша после поцелуя:

– Зачем ты приехал?

– Попрощаться, – ответил я.

Но тут же добавил, предчувствуя, что она может поскучиться:

– Хотел оказаться с тобой.

Когда я поднимался за ней по лестнице, я шел чуть ли не на карачках. Она пыталась невозмутимо идти по ступенькам, а я при этом держал ее под шубой, сильно сжимал талию в своих объятиях, мешая ей идти, как пьяная жопа кентавра. Я грелся об нее, но тут дело было не только в температуре воздуха. И она не возмущалась. Я был как маленький, меня как по голове стукнули и отбили все признаки цивилизации. Просто слюной истекал, вот и все.

Разогнулся, только когда Ольга открыла дверь в офис.

– Входи.

Я вошел. Она включила свет и заперла дверь. Я быстро повесил куртку на крючок, разулся и прошел в туалет помыть руки. Ольга расстегивалась медленно и смотрела из коридора в толчок. Я помог ей высвободиться из шубы. Ольга повела меня за руку к дивану. Мы немного целовались, я снял с нее блузку, она расстегнула мне ширинку, чуть приспустила мои джинсы, трусы и глубоко взяла в рот. Немного погодя я отстранил ее, наклонился и поцеловал. Мне захотелось посадить ее на стол. Стянул сапоги, колготки, плавно и нежно – трусики, задрал юбку, усадил. Склонился перед ней – вернувшееся домой дитя – и нырнул в пилотку. Голова кружилась, я принялся лизать жадно, как голодный волк, даже запихивать язык в вагину и тереться

носом о клитор. Она сжимала мою голову коленями, пока вдруг легонько не оттолкнула меня рукой, чтобы не кончить раньше времени.

Я спустил штаны и потерял шнягой о входное отверстие.
– Где презерватив? – спросила Ольга.

Я достал из кармана штанов и подал ей. Она быстро прыгнула со стола и встала на колени. Разорвала упаковку, положила гондон на шляпу и ртом развернула по стволу. Я потянул за подбородок ее лицо к себе, поцеловал и опять посадил на стол. Сначала она лежала на столе, а я трахал ее, поднимая и отводя ногу одной рукой, второй глядя по груди. Лифчик был на Ольге. Мне бы хотелось любить голое женское тело, но какое-то искажение психики заставляло меня больше возбуждаться от бюстгальтера. Я наклонялся, целовал живот и опять выпрямлялся. Потом притянул к себе, и она обхватила мою задницу ногами. Вот мне показалось, что она кончила. Тогда я немного замедлился, вытащил, опять разложил ее на столе. Поскребся у порога и, получив позволение, аккуратно вставил в дымоход. Скоро мы кончили, как мне показалось, уже вместе.

И теперь сидели на столе, отчасти голые, отчасти одетые. Я гладил волосы Ольги, какая же она была красивая. И наконец-то смотрела на меня просто. То есть как будто я обычный человек, а не лунатик, ослицей рожденный.

– Может, пиздец уже наступил? – проговорил я, не веря в происходящее.

Еще раз поцеловал Ольгу, впитал вкус ее губ, щек, носа, лица и волос. И пошел в туалет. Чтобы спущенные штаны не мешались, я вышагнул из них и трусов. Стянул презик, – я не удержался и понюхал его, но он почти не пах, как будто она специально проклизмила тухлую вену перед встречей или просто вообще не было в ней неприятных запахов, – и кинул в мусорный бак. Шашка все еще дымилась, пока я купал ее в раковине.

– Как у технаря, поршень еще рабочий, – сказал я Ольге, когда вернулся.

Она уже сняла с себя все и сидела на столе совершенно голая. Я даже обрадовался, как ей к лицу нагота. Тогда я тоже стянул носки и – разом вместе с футболкой – толстовку.

Мы перешли на диван и развалились. Я просто целовал Ольгу, исследовал руками тело, дышал в вагину, как дышат на замерзшее стекло в трамвае, чтобы увидеть мир за окном. Нам было хорошо.

Но когда я собрался снова вставить, она требовательно сказала:

– Презерватив.

У меня был только один, который мы уже истратили. Честно говоря, я думал, что мы либо обойдемся без него, либо в первый раз с ним – а во второй раз Ольга будет уже сговорчивей.

– Больше нет.

Она поднялась и стала шарить в ящиках стола.

– Давай без него, – сказал я, стоя рядом голый со шпагой, как сирота, – ты думаешь, я заразный?

Ольга не нашла. Она покачала головой.

– Нельзя, – сказала.

Когда я уже одетый стоял в дверях, Ольга (она накинула шубу на голое тело) дала мне пропуск:

– На вахте показать нужно при выходе и входе.

– Ты никуда не уйдешь? – спросил я. Мне стало тревожно. Плохо, если вдруг я больше не увижу ее.

– Я же даю тебе свой пропуск. Я не уйду без него.

Я еще раз быстро поцеловал Ольгу.

На вахте не было охранника. Я весь съезжился, глубокий вдох-выдох, и приготовился к рывку. На улице уже стемнело, от этого пространство еще сильнее походило на ледяной космос. Метров двести – бежать быстрее и дышать

только через варежку. Перебежать дорогу, потом немного вдоль корпуса университета, еще раз перебежать дорогу, и вот магазин «Чибис». Я прошел в торговый зал, трясаясь и слегка поколачивая себя руками по корпусу, чтобы согреться. Вдруг до меня дошло, что вокруг нет никого. Полки с товарами, продукты, продукты, мертвый свет ламп, и ни одного человека в помещении. Ни покупателей, ни охранников, ни кассиров. Как во сне. Я быстро прошел к выходу и взял презервативы в сопутствующих товарах.

Расплачиваться, видимо, было не нужно, я набрал полные легкие воздуха, вышел из магазина и побежал. Мне нужно было попасть обратно к Ольге как можно скорее.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА РАЗНИЦЫ

1

Саша Логинов несколько секунд прислушивался и, когда убедился, что его родители ушли и закрыли дверь ключом, вдруг резко сказал:

– Брось ты эту херовину.

Он имел в виду конструктор, в который мы сейчас играли. Я как раз возился с деталями, как всегда мечтая собрать автомобиль на колесах из того, что подвернется под руку. Но я сразу выпрямился от непозволительно резкого слова, – сам почти никогда еще не произносил таких, – освободил руки и послушно уложил их себе на колени.

Слушал.

– Ты уже знаешь про секс? – спросил Саша.

– Не знаю, – сказал я.

– Не знаешь, что такое трахаться?

У нас было четыре месяца разницы. Он был старше на четыре месяца, и это имело значение: он знал жизнь.

Саша устроился на ковре поудобнее и закатил глаза, будто это уже будет не первая попытка объяснить мне что-то простое и обязательное.

– Знаешь, что у девчонок и твоей мамы здесь? – он ткнул себя между ног.

– Знаю. Пушок.

– Знаешь, зачем так?

– А-а-а, – протянул я, собираясь наскоро подобрать какое-либо объяснение.

Саша остановил меня жестом руки. Он был смелее и взрослее меня. У них в квартире стоял еле уловимый запах гниения. Я как-то интуитивно угадывал, что запах этот можно связать с «не-бла-го-получной семьей». (Когда я вырасту,

такой запах всегда для меня будет указывать на легкодоступный секс).

Итак, его родители ушли, и Саша остался за старшего. Он рассказал мне, что такое секс. Что становится твердым и куда вставлять. И как потом появляются дети. Саша делил людей на две категории: у одних секс будет в жизни, у других не будет. Потом он включил телевизор, и мы замерли. Затаили дыхание и слушали первую попавшуюся программу – новости на первом или что-то вроде этого.

– Сколько ждать? – спросил я шепотом через несколько минут.

– Не знаю, – ответил Саша, – может, они не заговорят. Но лучше подождать.

Мы еще немного послушали, но секса по новостям не было.

– Сегодня, значит, уже не будет, – сказал разочарованно Саша и выключил телевизор.

Но я почувствовал: со мной уже случилось что-то новое. Я был готов. Пока мы ждали каких-нибудь вестей о сексе из телевизора, со мной случилось неведомное для меня возбуждение. У меня стало твердым что нужно. В свои шесть с половиной я узнал, что отношусь к тем людям, которые будут этим заниматься. Но Саше я пока не раскрылся.

Стеснялся.

– А ты такой? – спросил я. – Ты будешь или не будешь?

– Не знаю, – ответил он и добавил: – Я хочу.

Скоро его родители вернулись и отправили нас гулять. Мы немного погуляли и разошлись по домам.

Но моя жизнь изменилась. Теперь я собирал секс как мозаику и уже совсем скоро кое-что узнал.

У меня были более-менее внятные сведения:

– Это приятно.

– Даже девочки иногда хотят секса.

И какие-то совсем смутные и сложные, но явно относящиеся к делу сведения:

– Японцы спят голые.

– Секс нужен не только для того, чтобы родились дети. В нем нужно улучшать свой уровень, и тогда с тобой захочет быть любая девчонка.

– Секс – это проявление любви.

Я смотрел на своих сверстников, на детей старше, на подростков и взрослых людей и пытался угадать: у кого из них это было? Как они все выглядят голыми? Какой у них уровень? Какие движения надо делать и как предложить заняться сексом?

Когда я возвращался домой после гуляния – поднимаясь по лестнице с первого на второй этаж – если никого не было в подъезде, я приспускал штаны, и сквозняк приятно щекотал мою попу и мошонку. Я стучался в дверь своей квартиры со спущенными штанами, и только когда слышал звук открывавшегося замка, резко натягивал их. Мама пропустила меня в квартиру и закрывала за мной дверь.

Она ничего не знала. Я снимал куртку, шапку и варежки, пылая от мороза и своей новой тайны, и обнимал маму. Внешне я был тем же ее любимым сыном.

Один раз я попробовал подсмотреть за мамой, когда она мылась. Сестра еще гуляла вечером, а папа тогда уже не жил с нами. И вот мама пошла мыться, я выждал несколько минут для конспирации и встал в коридоре напротив ванной. Сначала я попробовал поглядеть в щель со стороны дверной ручки – и ничего не увидел, только кусок полотенца, висящего на крючке, приклеенном к стене. Тогда посмотрел в другую щель – со стороны петель. И очень хорошо все увидел. Мама стояла в ванной, поливала себя из душа,

животом ко мне. И в узкую щель как раз попадал самый важный отрезок вселенной, вмещающий в себя пространство от маминых колен до плеч по высоте, а по ширине – ее бедра, талию и грудь. Я смотрел несколько минут, возбужденный, пока голова не закружилась.

Я сидел в комнате, когда она вышла. Почему-то я был уверен, что мама обо всем догадается, и мне несдобровать. Но она не догадывалась.

Так я стал подглядывать за мамой и за сестрой. За сестрой смотреть мне все-таки нравилось больше – мама казалась немного староватой – ей было тридцать четыре года. Сестре же было двенадцать лет с половиной. Я не любил злую сестру и считал ее некрасивой – но ее головы не было видно в щель. А то, что я видел, – мне очень нравилось. Я всегда стоял совсем недолго – пару минут – и со мной случалось новое возбуждение – еще минуту-две – у меня кружилась голова – и я отваливал. Головокружение плюс боязнь разоблачения плюс чувство вины. Каждый раз я клялся себе, что больше не буду так делать, и всегда нарушал клятву.

Что и говорить, я все время был на взводе.

3

Был май. Мы как-то в выходной от садика день лазили с Сашей внутри строящегося дома. Потом легли на третьем этаже – там был пол, весь каркас будущей пятиэтажки, но еще не было стен. Мы легли плечом к плечу так, чтобы только наши головы торчали над высотой и плевались вниз, на дорогу. Плевки никогда не были моей сильной стороной. Поэтому мне быстро надоело, и пока Саша плевал, я просто смотрел по сторонам. Меня привлекли две девочки, которые сидели в укромном местечке неподалеку от нас. Нашего возраста или даже младше. Они разговаривали, потом

одна из них спустила трусы и начала писать, продолжая говорить с подружкой.

– Смотри, – я толкнул Сашу.

Мы замерли. Девочка пописала. Посидела секунду со спущенными трусами и вдруг, вместо того чтобы трусы натянуть, еще и юбку задрала. Опустилась на четвереньки и давай ползать среди лопухов с голым задом. А вторая смеется. И вдруг тоже стянула трусы и тоже оголила попу. Они поползали немного, потом натянули трусы и пошли по своим – не знаю – обычным делам.

Мы с Сашей посмотрели друг на друга.

Он только и пожал плечами. Тоже не понял, что все это значило. Одно я знал наверняка: то, что мы видели, имело отношение к сексу. Наверное, они чувствовали то же самое – приятное, что чувствовал я, спуская штаны в подъезде, когда сквозняк щекотал мою попу и мошонку.

4

Раз мы опять сидели у Саши вдвоем, и я рассказал ему все. Выложил все новое, что я узнал о сексе, рассказал, что подглядываю за мамой и сестрой, как проветриваю письку, что тоже мечтаю, когда вырасту, спать голым, как это принято у японцев. Не выдержал и все ему рассказал.

И тогда Саша строго сказал мне:

– Слишком много секса нельзя.

Я не понял и немного испугался.

– Ты уже знаешь про спид? – спросил Саша.

Я никогда раньше о таком не слышал. И тогда он мне рассказал. Саше уже было семь лет. Я опять чувствовал еле слышный запах гниения, запах неблагополучия в его квартире, пока он рассказывал о спиде. (Когда я вырасту, этот запах всегда будет заставлять меня внутренне съеживаться

и испытывать страх заражения, бояться и отказываться от легкодоступного секса)

Нельзя много думать о сексе и много заниматься им – вот что сказал Саша. Иначе заболеешь СПИДОМ. А СПИД – это как рак, даже еще хуже.

– Например, дяхон трахает тетю два часа, – сказал Саша, – и у нее течет кровь. Она заболевает СПИДОМ от потери крови, а он – потому что ему на писюн падает чужая кровь.

«Потеря крови» – страшное выражение. СПИД, рак – страшные слова. О раке я имел очень смутное представление, но очень боялся его. Знал, что есть такая болезнь, но не знал, как ею болеют. У меня были опасения, что я сам обязательно заболею раком – потому что я рак по гороскопу. И теперь я решил, что еще и заболею СПИДОМ, раз это болезнь типа рака.

Я не на шутку перепугался.

А Саша сказал, что нужно пить мочу.

– Нужно иногда пить ссаки, – сказал он, – от них у человека становится очень хорошее здоровье.

5

Как-то я этой грязной теории про целебную мочу сначала значения не придавал. Жил себе дальше, просто теперь помимо прочего очень боялся СПИДА. Но Саша через неделю снова вернулся к идее выпить мочи, когда мы возвращались домой из детского сада. Мы жили близко – и уже с пяти лет возвращались домой самостоятельно, а тем более сейчас, в последние дни перед выпуском из подготовительной группы – мы были уже совсем взрослые. И вот, мы идем домой, а Саша просит меня взять дома подходящий стакан, пропажу которого не заметит мама.

Брать стакан и вечером выходить к условленному месту.

Дома мне на глаза попалась пластмассовая головоломка. Головоломка вроде кубика Рубика, только в форме морковки, сама черная с подставкой, а тело ее было усеяно вращающимися разноцветными секциями. А упакована она как раз была в пластмассовый стакан. Чтобы вот: собрал эту морковку Рубика, поставил на стол и сверху надел на нее пластмассовый стакан, и любишься собранной головоломкой через пластмассовое стекло. У нас дома никто не умел ее собирать, и пропажи бы никто не заметил.

Поэтому я взял с собой головоломку и пошел в условленное место.

К моему удивлению, Саша пришел не один. С ним был какой-то низкий толстоватый мальчик.

– Это тоже Саня, – сказал Саша, – он с нами.

Я немного нервничал из-за того, что он привел этого парня. Интуиция мне подсказывала, что он еще один Сашин младший друг. Значит, что я был не единственным Сашиним другом и последователем.

Мы спрятались в кустах за трансформаторной будкой. Я достал головоломку.

– Что это? – спросил Саша.

– Нашел стакан, – сказал я.

Саша снял стакан и придирчиво оглядел.

– Пойдет, – сказал, а саму головоломку вдруг резко запульнул куда-то в сторону.

– Будешь первый? – спросил Саша у меня.

Я покачал головой. Саня-карапуз нерешительно молчал. Саша нассал в стакан и пригубил. Вылил остатки мочи и протянул стакан мне. Я не брал. Стакан взял карапуз. Он проделал все, что требовалось, немного поморщился, вылил остатки. Теперь была моя очередь.

Я взял стакан, вылез из кустов, набрал в стакан воды в ближайшей луже, ополоснул его и вернулся в убежище.

Меня ждали. Я выдавил из себя немного мочи и поднял

стакан к свету. Желтые пенистые саки выглядели вполне безобидно и даже были похожи на газированный напиток.

– Не хочу, – сказал я, вылил мочу и запустил стакан в ту сторону, куда Саша три минуты назад пульнул головоломку.

Саша смотрел на меня с сожалением.

Я выбрался из убежища и рванул домой. Конечно, меня никто не преследовал, но я старался бежать быстро и не оглядываться.

6

Потом было лето, и мне исполнилось семь лет. Я проводил много времени на даче у бабушки с дедушкой, там уединялся на втором этаже и учился извлекать из своего тела приятные ощущения.

Еще я взбирался на длинную подушку от дивана и елозил на ней – «трахал». Если я занимался такими вещами слишком много, то голова сильно кружилась, а иногда меня даже начинало тошнить. Я стал совсем бледным, и взрослые говорили, что у меня малокровие. Но я-то был уверен, что это спид.

А потом я вернулся домой, и мы пошли в первый класс. Саша попал в класс «А» – для самых умных детей. Я в класс «Б» – для обычных, неумных и неглупых. Меня тоже хотели взять в класс «А», потому что я считал лучше всех детей в детском саду и даже лучше всех воспитателей – знал умножение и деление – и хорошо рисовал. Но я не умел читать. Многие дети прочли уже по одной книге, некоторые по две или три, Саша прочел уже несколько книжек. А я еле-еле складывал слоги в слова, голова моя болела от чтения, и я сразу уставал. Вот я и попал в класс «Б».

И мы с Сашей больше почти не общались. Но дело было не только в том, что мы попали в разные классы. Просто

как-то он больше не хотел со мной дружить.

А вот с Саней-карапузом я их видел вместе, хотя тот вообще учился в классе «Г». Раз, заметив их на перемене, решил подойти и заговорить. Я поприветствовал их, но Саша держался как-то надменно и не хотел контактировать со мной. Я шутливо спросил:

– А ты теперь с ним занимаешься сексом?

Я указал на Саню-карапуза. Не совсем правильно выразился. Я имел в виду, что они «занимаются» – в смысле «изучают секс». И сам не понял, что спросил.

Зато Саша понял меня. Он обиделся, медленно пошел на меня, захотел пнуть, но я успел перехватить его ногу, и мы упали. Поборолись немного на полу, а Саня-карапуз стоял рядом и смотрел. Наконец прозвенел звонок, и мы трое разошлись по классам. Каждый в свой кабинет.

Саша Логинов пошел в класс для умных.

Саня-карапуз пошел в класс для тупых.

А я – в класс для обычных, неумных и неглупых. Меня ожидали десять лет в школе, десять лет, которые я буду зажмуривать глаза и сжимать кулаки, ставить на четное/нечетное, загадывать желания и изобретать машину времени, которая перенесет меня во взрослую жизнь. Щелчок, и это уже происходит на самом деле. И разница стирается.

БУДНИЧНЫЙ АНЕКДОТ

Я проснулся по будильнику и уселся на постели, растерянный после странного сна, пытаюсь его подробно вспомнить и понять. Во сне у меня откуда-то взялось два попугая: один ярко-желтый с румяными щечками, второй – не помню, какой, но это и не важно. Первого я оставил себе, а второго подарил абстрактному другу.

Оставшийся попугай был совсем ручной и ласковый. Я помню, испытывал к нему нежность, гладил и радовался, что он у меня есть. Да просто души в нем не чаял, а румяными щечками любовался и любовался. Чувства эти были очень сильные и теплые, в жизни я ничего такого к животным или людям не испытывал. Почти счастье – чувство, по силе сравнимое с первыми днями любовного романа. Наверное, в детстве я мог бы испытать что-то подобное, будь у меня любимец. Но любимца у меня в детстве не было. Во сне я долго выбирал для попугая клетку и тщательно следил за его рационом.

Я прошел в ванную и умылся над раковиной, еще храня это ощущение привязанности к несуществующему попугаю. Одновременно я смаковал это чувство и испытывал неловкость, что способен на него. Холодный кафель и утренняя вода из-под крана были как бы доказательством нелепости моих переживаний.

На кухне я включил чайник, открыл форточку, и день начался. Шум улицы, сквозняк и далекий вой сигнализации переместили меня в понедельник. Зарядку по понедельникам я почти никогда не делаю, не стал делать и сейчас. В воскресенье я, как правило, беру выходной, провожу его бездарно и часто засыпаю поздно. Вместо того чтобы гулять, смотреть, читать, я просто думаю много закольцованных серых мыслей и жалею об упущенных или еще как будто

не упущенных возможностях. А после просыпаюсь полуразобраным, не способным к физическим упражнениям, и только по дороге на работу или уже в ее процессе догоняю свой обычный ритм. В этот раз я тоже уснул под утро.

Нехотя позавтракал, оделся и перебрал сумку с инструментом. Сегодня меня ожидал небольшой заказ: одна дверь и полторы тысячи рублей – это примерно четыре часа работы. Учитывая дорогу до заказа и обратно, я ожидал вернуться домой часов через шесть-семь. Если случаются большие заказы, я беру больше инструмента и пользуюсь тележкой. Сейчас же я собрал только одну сумку, закинул ее на плечо, убедился, что нормально выдерживаю такой вес, и вышел.

По дороге на остановку, я почувствовал: в штанине что-то мешает. Вернее, даже не мешает, а просто есть отклонение, ощутимое, но не особо существенное. Остановившись и прощупав ногу, я понял, что надел рабочие штаны вместе с трусами, застрявшими в штанине. То есть в субботу вернулся домой с работы, сразу разделся, закинул робу в шкаф, залез в душ, а трусы так и остались в штанине. Теперь одни трусы были на мне надеты как полагается, а вторые застряли в штанине на ноге, чуть ниже колена. В общем, я решил, что легче добраться до адреса в таком состоянии, чем устраивать манипуляции извлечения лишних трусов посреди улицы. Плюнул и пошел дальше.

В автобусе я решился помочь одной женщине вынести коляску, но немного смутился, когда она слишком энергично отблагодарила:

– Большое спасибо, молодой человек. Спасибо!

Случайные контакты с людьми по понедельникам у меня вызывают досаду. К тому же после этой помощи женщине, как мне показалось, некоторые пассажиры обратили на меня внимание. Я как физически ощутил каждого, кто, пусть празднично и ненадолго, выделил меня из небытия. Если уж привлекать внимание, то не в понедельник и не с

субботными трусами, застрявшими в штанине. В общем, чтобы скрыться, я включил плеер и закрыл глаза. Меня приятно покачивало на задней площадке, и я задремал под музыку. Пока не случился еще один необязательный контакт. У меня спросили:

– Вы выходите на следующей?

Я открыл глаза и мотнул головой, подразумевая «нет». Но это была непонятливая тетушка, она не поняла моего жеста, взяла меня за плечо и спросила еще раз громче:

– Вы выходите на следующей?!

Я на миг вытащил наушник, чтобы она поняла, что добралась до меня, и ответил в той же громкости:

– Нет!

Я еще отодвинул сумку, которая и так почти не загораживала проход. По времени уже миновал час пик, и тетушка вполне могла обойтись без этого вторжения на мою территорию.

Я доехал две оставшиеся остановки и спустился в метро.

Мне казалось, раз я пользуюсь проездным билетом, а не жетонами, это должно сделать меня менее интересным человеком для милиции. Да и раньше меня никогда не останавливали на каких-либо станциях, кроме «Площади Восстания», – и то лишь в дни отдыха. Худого и бледного, меня принимали за наркомана или барыгу на модном маршруте «Петербург – Москва», когда я надевал выходную одежду. Но сегодня меня впервые остановили спешащего, настроенного как исправная шестеренка мегаполиса, существующего в режиме «Работяга». К тому же на «Проспекте Ветеранов».

Я вынул наушник и спросил:

– В чем дело?

Смуглый и каменный мент ответил:

– Ваши документы.

– Можно сначала ваши?

Он явно неприятно удивился, но достал корочки. Я даже не успел разглядеть его имя и фамилию, но решил сильно

не ругаться. Все время забываю распечатать указания, как вести себя с милицией в подобных ситуациях, и список того, что им можно, а чего нельзя. Инструкцию такого рода лучше всегда иметь при себе.

Я прощупал карманы и понял, что забыл паспорт.

– А-а, – сказал я, – у меня нет с собой документов.

– Пройдемте, – сказал мент.

– Ну куда еще? – сказал я брезгливо. Он провел меня в сторону, отворил дверь, мы прошли мимо обезьянника и остановились в коридоре. Обезьянник был занят – там шли другие обыски и разборки. Да и тут в коридоре пришлось потесниться: пропустить здоровяка мента и двух узбеков – его жертв. Я вдруг вспомнил, что в Москве вчера или позавчера взорвали поезд метро. Значит, теперь и в Петербурге поставили по десять лишних единиц в форме на каждую станцию, чтобы усиленно обыскивать узбеков и работяг. Конечно.

– Что в сумке? – спросил у меня мент.

Я открыл и показал:

– Инструмент.

Он скусающе заглянул, что-то тронул. Рыться подробно, видимо, ему не захотелось.

– Патроны есть? – зачем-то спросил он.

– Какие еще патроны?

– Какие? Боевые. Доставайте все из карманов.

Я вытащил проездной, телефон, плеер, ключи, носовой платок, блокнот, несколько мятых купюр. Мент прощупал мою куртку и карманы штанов. Я вспомнил про трусы в штанине и подумал, что мне не хотелось бы рассказывать здесь всю эту историю. Но он, обыскивая, спустился только до колен – и ничего не нашупал.

Он сказал:

– Идите.

Мент держался до последнего строго и холодно, и даже не перешел на «ты». Я ожидал, что все будет гораздо хуже.

Меня могли оставить «до выяснения личности», или как там они это называют. Тогда бы пришлось просить кого-то из знакомых ехать за моим паспортом. Я даже не знаю, кого можно было бы попросить. В Петербурге у меня нет близких друзей, как почти и во всех городах.

Но, видимо, им сегодня было некогда – нужно было увеличить количество обыскиваемых, пусть даже ценой снижения ущерба каждому в отдельности. Будто машина – мясорубка, в которую автоматически попадает человек, рожденный в обществе, – сегодня сменила тактику и, вместо четких уколов, рассеивала зло из пульверизатора.

И на меня попала лишь капля.

В такой день, еще не приступив к работе, чувствуешь усталость. Я доехал до станции «Черная речка», вышел на улицу, перешел дорогу, прошел два двора, сверился по блокнотику – проверил записанный адрес – и вот уже всем позвоночником ощутил тяжесть сумки.

Хозяин оказался полуинтеллигентного вида мужчиной в джинсах и старой бежевой рубашке. Давно уже не молодой. Он поздоровался и пропустил меня в прихожую.

– Какую дверь меняем? – спросил я, снимая куртку.

– Эта. В мою комнату, – он мотнул головой на комнату, взял мою куртку и впустил ее среди другой верхней одежды на один из крючков.

В квартире сильно пахло собакой.

– Где сама дверь? – спросил я.

Мы прошли в его комнату. Большая старая псина дружелюбно уткнулась мордой мне в пах.

– Пожалуйста, уберите собаку, – сказал я.

Собака не выглядела опасной, но я немного испугался. Она была слишком крупной и вонючей, хотя, похоже, вовсе не злой. Хозяин немного разочарованно, как мне показалось, сказал:

– Юджин, пойдём отсюда.

И закрыл собаку в соседней комнате, откуда она тут же принялась поскуливать.

– Общаться хочет, – пояснил он.

Я достал нож и распаковал дверь – вскрыл полиэтилен, снял пенопласт с краев, вытащил полотно на середину комнаты. Оглядел: с дверью, как почти всегда, все было в порядке, царапин и вмятин не было. Хотя сегодня мне даже хотелось, чтобы дверь оказалась бракованной. Тогда бы я позвонил на фирму и, скорее всего, сразу бы поехал домой, пусть и не заработав ничего. Они бы заменили дверь только через несколько дней.

Я пересчитал стойки для коробки, доборы, наличники, два бруска, замок – все в необходимом количестве. Ничего не попишешь и никуда не убежишь: мне оставалось только начинать работу.

– Все на месте, – сказал я, – мне понадобится только ве-
ник, совок и любой пакет для мусора.

Через несколько секунд хозяин принес все это с кухни.

Теперь мы стояли и смотрели друг на друга. Он догадался, что я не хочу, чтобы за мной наблюдали. Это была удача. Он пожал плечами и сказал:

– Я буду в соседней комнате, если что.

И удалился к собаке. Она теперь не скулила, получив порцию общения.

Я быстренько прошелся ножиком вокруг старой коробки – обои приклеены к наличникам, и можно оторвать большой кусок, если предварительно не прорезать периметр; затем взял старую стамеску и молоток и выдрал наличники один за другим. Тут же я выносил их на лестничную площадку. Через минуту снял и вынес туда же старую дверь. Развернул удлинитель, подключил лобзик и распилил по середине вертикальную стойку. С помощью монтажки выломал все то, что осталось от коробки, и, доска за доской, вынес из квартиры.

Я стоял на площадке и стучал молотком по вытащенным доскам. Я старался на всех кусках, на всех досках и обломках, загнуть каждый опасно торчащий гвоздь, чтобы о них нельзя было пораниться. Выносить производственный мусор на помойку не входит в мои обязанности, но мне как-то не по себе даже от мысли, что в подъезде будут лежать или стоять, прислоненные к стене, доски с торчащими во все стороны гвоздями.

Времени прошло совсем немного, минута или полторы, я уже разобрался с последним обломком. Вдруг с лестницы – откуда-то сверху – спустилась и встала рядом высокая пожилая дама. Из-за ее появления в воздухе как будто напряженно загудело. Я посмотрел на нее и снова ударил молотком по гвоздю – звук металлически выскочил в подъезд и плавно заглох. Вроде у меня тут было готово – я положил обломок. Вдруг пожилая дама ударила меня сумкой. Не так, чтобы сильно, но как-то требовательно. Требовала внимания к себе. Сумасшедшая – понял я.

И сказал резко:

– Не трогайте меня!

И пошел дальше заниматься своей работой. Дама зашла за мной в квартиру и завывала в прихожей. Пока я сметал мусор, оставшийся после разбора проема, дама сигнализировала:

– Уберите это! Почему вы оставляете мусор?! Неужели я должна убирать за вами?

Я поставил дверь горизонтально, или, как говорится, «раком», и отметил карандашом точки – двадцать сантиметров от верха и низа.

Хозяин в это время говорил даме:

– Выйдите сейчас же отсюда и больше сюда не приходите!

– Сейчас же уберите этот мусор! И что вы стучите? Я больной человек, не собираюсь дышать вашей пылью! – отвечала дама.

Я взял петлю и обвел ее по контуру карандашом в двух отмеченных позициях. Теперь взял новую стамеску, молоток и принялся простукивать периметр будущих углублений для петель. Потом нужно аккуратно выдолбить на несколько миллиметров маленькую ровненькую могилку в двери, в которую ляжет петля. Петли вкрутить в дверь, и такие же углубления под них сделать на стойке.

Хозяин вытолкал даму, но она еще голосила:

– Сейчас же позвоню управдому, слышите меня. Сейчас же, вы у меня давно на особом счету!

Хозяин закрыл входную дверь и сказал мне:

– Извините. Она не в себе. Хотя сама на две недели ставила ванну на площадку, и ничего.

Я ответил:

– Да, обычно таким людям и надо больше всех.

И тут же принялся работать, чтобы пауза не затянулась. Хозяин опять ушел по мелким делам, а я открыл форточку, и дело пошло быстро.

Вкрутил петли, собрал коробку – теперь нужно было ее выставить по уровню. Я продолбил стену перфоратором, закрепился на саморезы, выровнял петлевую стойку – на которую подвешивается дверь – по отвесу, и пришло, собственно, время подвесить. Ножовкой отпилил от бруска несколько кусочков, чтобы делать чопики. Тут, конечно, гораздо удобнее работать пилой-торцовкой – но ради одной двери я ее не понесу. Поэтому пилил брусочек по-дедовски.

Ладно, я подставил чопик под дверь, чтобы она держалась на нужном уровне, аккуратно открыл петлю, прикрученную к двери, и вставил часть «бабочки» в отверстие в стойке. Дрель уже под рукой – и вкрутил несколько саморезов. Так же и с нижней петлей.

Дверь удалось подвесить нормально – она держалась в любой позиции, не закрывалась и не открывалась – значит, стояла в отвесе. Теперь я занялся второй стороной короб-

ки. Закрыл дверь, прикинул зазор, который нужно оставить между дверью и коробкой, прикинул, насколько вкручивать вторую стойку, проверил, чтобы дверь правильно закрывалась по всей высоте и не играла на петлях.

Выставить дверь и коробку – всегда самое сложное. Сначала у меня уходило на это по два-три часа. Сейчас, если везет, я делаю это за двадцать минут.

Мне, можно сказать, повезло. И скоро я уже тряс баллон с монтажной пеной. Это один из самых приятных моментов. Открываешь пистолет, нажимаешь курок, и монтажная пена заполняет щели между стеной и коробкой, она выходит, нежно шипя, и в то же время в этом звуке слышатся сила и мощь странного вещества. Проем был запенен, половина работы сделана.

Мне хотелось пить, и я решился обратиться к хозяину. Постучал к нему в соседнюю комнату:

– Я установил дверь. Нужно подождать, пока пена встанет, хотя бы полчаса.

Он кивал.

– Ну и, может, нальете пока мне чашку чая?

Он кивал энергичней и побежал на кухню:

– Да. Есть чай и есть кофе.

– Пожалуйста, зеленого чая, если есть, – попросил я.

В ванной я помыл руки, черт, я ведь так и не вытащил трусы из штанины, ладно, потом, и прошел в кухню. Хозяин поставил чайник и стоял, глядя то на меня, то в угол, то в окно, пока не догадался сказать:

– А вы садитесь. Может, вам печенья или разогреть поесть?

– Да мне просто чая, не надо ничего больше. Осталось немного.

Я сел на стул. Немножко разглядывал свои руки, ожидая, пока вода закипит. Нужно отдохнуть дней пять-шесть, чтобы руки снова стали гладкие, чтобы зажили все мелкие

ссадины, рабочие ранки, прошла сухость кожи. Я потерял руки и вспомнил, что обещал себе в этом году побывать на море. Я обвел комнату взглядом, посмотри вокруг, как тебе все это надоело, хватит работать, возьми отпуск, у тебя не осталось долгов, езжай куда-нибудь и попробуй жить настоящим, а не прошлым или будущим. На холодильнике я увидел клетку с попугаями. Два маленьких попугая, они, оказывается, почириквали, просто я не обращал внимания. Только сейчас как будто включили звук.

– О. Попугаи, – сказал я вслух.

– Да, – оживился хозяин, – правда, они совсем старые. Особенно голубенький.

Я даже встал, чтобы разглядеть их подробнее.

– А кто они? Кореллы? – спросил я наугад.

– Нет, что вы. Обычные волнистые. Просто откормленные.

Чего-то я обрадовался. Конечно, эти попугаи не были похожи на того из моего сна. Местный желтый был весь облезлый, перья только на голове и крыльях, а туловище голое, как у ошипанной курицы.

Мой рядом с ними выглядел бы настоящим королем.

Хозяин вложил пакетик в чашку и залил кипятком. Я даже не удержался сказать ему:

– Просто мне как раз сегодня попугай приснился. Очень ручной. А теперь я здесь их увидел, впервые за очень долгое время.

– Да, такое бывает. Видишь во сне, и вот оно уже наяву.

Хозяин подумал, что бы ему еще сказать, и сказал:

– Я бы отдал вам одного из этих, но они уже старые. Боюсь, такой стресс, поменять хозяина, и все. И конец.

Это было неожиданно как-то. Не ждал и не желал такого сближения

– Да нет-нет. Что вы, – сказал я, – я так сразу не решусь, это почти как женитьба или ребенок для меня.

Он вежливо засмеялся.

Я допил чай, встал и сказал:

– Ладно, я теперь продолжу.

Нужно было распилить доборы и начать их прикручивать, а дверь как раз уже вот-вот встанет. Я отрезал их по длине, чтобы доборы подходили к коробке, потом отмерил линейкой, насколько стена шире коробки, и расчертил карандашом. Теперь каждый по очереди клал на стул и долго пилил лобзиком вдоль, отпиливая лишние полтора сантиметра. Доборы были почти готовы. Только сначала осталось в каждом просверлить отверстие: если их прикручивать сразу на саморезы, ламинат (а доборы были ламинатные) треснет. Я сменил в дрели битку на сверло, просверлил по несколько дырок в каждом из них, обратно вставил битку и прикрутил доборы к коробке. Теперь коробка стояла со стеной, что называется, «заподлицо». Можно было прибивать наличники, а можно было врезать ручку.

Я сперва решил заняться ручкой. Разметил карандашом, вставил в дрель перо и просверлил одно отверстие. Поставил фрезу и сделал еще одно, больше, прорезав дверь насквозь и частично захватив первое отверстие.

Вставил тело замка в маленькое отверстие, а ручками закрыл с боков – защелкой внутрь. Закрутил несколько саморезов и винтиков, подергал, открывая, закрывая, – готово.

Просверлил углубление в стойке – дырка, куда будет выдвигаться замочек, – и прикрутил ответную планку (ее пришлось несколько раз перекручивать, чтобы замок закрывался и открывался четко, и дверь при этом не ходила ходуном).

Три минуты передохнул, посмотрел, сколько времени – я успевал чуть быстрее, чем планировал, – и достал наличники.

Приставил наличник к двери, сделал метку. Достал стуло и распилил наличник ножовкой под сорок пять градусов.

Тут бы мне тоже сильно ускорила работу пила-торцовка. Но одна дверь – это всего лишь несколько распилов.

Теперь прибил наличник на финишные гвозди, распилил следующий напополам – две верхние части делаются из одного стандартного наличника – сразу по стуслу – по углу в сорок пять градусов, но в противоположную сторону прошлому распилу. Приставил отпиленный кусок к уже прибитому наличнику и сделал еще одну отметку – где будет соединение со следующим наличником.

И так далее. Через стусло углы получались не идеальными, и тогда я подтачивал напильником.

Когда все было готово, выглядело хорошо. Я постучал хозяину и сказал:

– Принимайте работу.

Он даже не стал разглядывать дверь, а заговорил:

– Да-да, сколько я вам должен? Полторы? Сейчас.

– И акты дайте. У вас должно быть два акта. Один вам, один на фирму.

Работа была закончена. Я заполнил бумаги, хозяин расписался на обоих экземплярах. Один я свернул и положил в карман куртки.

В метро увидел красивую девушку. Я не мог оторвать взгляда, но и не мог позволить себе разглядывать ее. Я опять стал думать, что мне нужно сменить работу. Вот если бы я был даже каким-нибудь продавцом одежды или мелким менеджером в крупной компании, пусть бы я получал в два раза меньше и ежедневно становился жертвой или свидетелем проявлений корпоративного фашизма, мне бы пришлось снимать комнату, а не квартиру; зато я смог бы одеваться нормально в любой день, и мне бы никогда не приходилось ездить на метро с огромной тяжелой сумкой.

Стоя в робе, я могу смотреть на эту девушку только так, чтобы она не замечала моего внимания. А будь я даже чертов менеджер – ведь я достаточно молод и симпатичен, мне

еще далеко до тридцати – мог подойти к ней и попробовать познакомиться. А что бы я сказал сейчас?

«Простите, я работаю установщиком дверей. В выходные я выгляжу, как обычный молодой модник, но, к сожалению, мы встретились не в мой выходной... Так что давайте встретимся в воскресенье?»

Так?

Я уткнулся в газету, которую читал человек рядом. Это были анекдоты. Я даже и забыл, что существует такой жанр. Я прочел несколько из-за плеча украдкой, не испытав никаких эмоций. Газета явно была новая, но анекдоты эти я знал еще в отрочестве. Один из них, точно помню, прочел в сборнике анекдотов, который со скуки отрыл на даче у деда с бабушкой. Прошло пятнадцать лет, а его в очередной раз публикуют в какой-то там газете. В анекдоте два мужчины встретились в раю. Первый спрашивает: как ты умер? Я, говорит второй, был у любовницы. Звонок в дверь – муж – она ему ведро помойное в руки, а я пока свалил домой; – а дома мне жена ведро в руки... Я злой, забегая в квартиру, смотрю в спальней, под кроватью, в шкафу, под шкафом, на балконе, в ванной, зашел в кухню – и там никого – я и умер от смеха. А первый отвечает, эх, ты, заглянул бы в холодильник – оба бы живы остались.

Наверное, кому-то правда нравится читать такие маленькие истории, смешные или несмешные.

Я поднял взгляд, чтобы еще один раз поймать красивую девушку, как воздуха глотнуть. Но ее уже не было в вагоне. Только что вышла. Жаль, нужно было смотреть, какая разница, если мне хотелось на нее смотреть, нужно было смотреть.

Последний раз мне так понравилась одна девушка – дочь клиентов. Я тогда делал в квартире шесть дверей. Можно было успеть за два дня, но я так сильно никогда не тороплюсь, поэтому отработал три полных дня в спокойном темпе.

Хозяева меня кормили, даже в последний раз совпало, что я обедал вместе с ними и их дочерью.

Я в те дни по дороге на работу читал одну хорошую, на мой взгляд, книгу. И отобедав, как раз решил почитать, пока пища уляжется, к тому же оставалось совсем немного. И вот быстро дочитал, книга меня чуть удивила и сильно порадовала. Я решил оставить роман как приманку. Положил на кухонный стул, задвинул и пошел доделывать работу.

Я вообразил, что именно дочь хозяев найдет книгу, она вроде поглядывала на меня с любопытством. Я думал, она скажет:

– Эту книгу ведь оставил установщик. Нужно ему вернуть!

Заполняя акт, я вписал свой номер телефона, хотя никогда его не оставляю. Обычно со всеми вопросами и жалобами звонят на фирму. Но на этот раз я оставил свой номер как замануху. Переоценил себя.

– Гарантия год. Если с дверьми что-то случится, можете звонить мне напрямую.

Звонка не случилось.

Я решил выйти на станции «Ленинский проспект». Второй раз попадаться ментам не хотелось – раз уж на «Ветеранов» такое их логово. А насчет Ленинского – отчего-то решил, что там их будет меньше.

Народу было совсем немного – сегодня управился до вечернего часа пик, – я пошел к выходу. Один белобрысый мент стоял как раз возле будки – оглядывая и входящих, и выходящих. Он стоял ко мне спиной, и я уже думал, что он плевать на меня хотел, как он вдруг вытащил назад металлоискатель и рванул на меня, типа хочет отбить сложный мяч в большом теннисе.

– Что такое? – спросил я.

– Ваши документы, – сказал белобрысый мент как-то радостно. Я решил, что радовался он, как провернул такую

шутку: я думал, что ухожу, мяч улетает за поле, а он делает умелое движение ракеткой – и я в тюрьме.

– Я не взял сегодня паспорт, – сказал я, выделяя каждое слово.

Он весело мотнул головой в сторону соответствующей двери.

– Подождите, – сказал я, подчеркивая усталость и досаду, – меня уже обыскивали сегодня на «Ветеранов». Я еду с работы. У меня только инструмент.

– Кто обыскивал? – спросил он.

– Такой смуглый, черноволосый м... страж, – я чуть не сказал «мент» или даже «мусор», возможно, это было бы тактической ошибкой. Никогда не думал, как они называют друг друга сами.

Он остановился. Я чуть расстегнул замок сумки:

– Вот, там инструмент. Я с работы еду.

Мы смотрели друг на друга с белобрысым ментом. Мы разговаривали глазами, и я выкидывал в полотно беззвучной реальности сверхскоростной монолог.

Знаешь, почему я не взял документы сегодня? Ты еще молодой, и хоть ты мент, но тебе нужно это понять. Знаешь, почему я так и не вытащил эти субботние трусы из штанины? Думаешь, мне это сложно? И если тебе не дано понять, я все равно скажу, почему. Потому что я работаю, месяц за месяцем я работаю и вроде бы что-то зарабатываю, раздаю старые долги, живу какое-то время в Санкт-Петербурге. Но я даже не вижу этого города. Я вижу метро, тебя, вижу путь на работу и с работы, душ и завтрак. Романы, которые со мной случились, как будто мне приснились. Друзья, с которыми я раньше жаждал быть вместе, тоже стали воспоминаниями о далеком сне. Я слишком одинок, и сегодня понедельник. А это еще пять рабочих дней на неделе, точно таких же дурацких дней. Конечно, все квартиры разные, и все люди разные, и все заказы разные. Но вся их разность

только доказывает, какие они все одинаковые, и я одинок. Хочу путешествовать, да я хочу путешествий, но не из города в город, чтобы работать, а из страны в страну, чтобы отдыхать. Да что я тебе объясняю? Давай, забери меня, закрой в тюрьму, что это такое, я подозрительный тип, сто процентов преступник, с субботними трусами в штанине и без паспорта, наверняка полная сумка взрывчатки. Зачем-то сочинил, что я иду с работы и несу инструмент, а на деле просто хочу взорвать наше близкое к идеальному общество. Мне место за решеткой или в гробу!

– Ладно, иди, – сказал белобрысый мент.

Я моргнул и как-то неуверенно стал разворачиваться.

– Иди давай, – повторил он властно и благостно.

Он был младше меня и вот обратился на «ты», это фамильярное похлопывание, эта излишняя близость.

Но может, он уловил хотя бы часть моего внутреннего монолога, и тогда у нас с ним наступило полное «ты», взаимопонимание и дружба. И сейчас он скинет свою идиотскую фуражку, запульнет вдаль металлодетектор и в эту же секунду начнет жить.

НИ ОКЕАНОВ, НИ МОРЕЙ

Из университета я вернулся только вечером, но пошел не домой, а сразу, с автобуса, к Мише. Он накормил меня тушеной картошкой с мясом, и мы засели в его машине за домом. Конечно, это была не его собственная машина – а его отца. Миша еще был несовершеннолетний, как и я, и машина ему не полагалась. Но он свободно брал ключи и ездил по Металлплощадке. Вот уютный сентябрьский вечер, у меня с собой пакет, в котором две тетрадки с уродскими рисунками вместо лекций, а у Миши полный карман пластилина. Но я это пока не просек.

Но вот вышли мы из подъезда, сели в машину, отъехали за дом, и тогда он мне показал. Важно достал из кармана пакетик, наполненный грамммульками, и потряс перед самым моим носом, сукин кот. Пока я объедал его, наворачивал картофан, запивая чаем, он, наверное, грел этот момент за пазухой, как родное дитя.

– Откуда? – просто спросил я. Может, он думал, что я тут же начну полировать ему шляпу, но промахнулся. Я, конечно, немного обрадовался, но, в общем, остался ровным. Из тех немногих способов вмазаться, которые я пробовал, синька пока была несомненным лидером. План для меня был как семечки.

– От людей, – сказал важно Миша.

Он достал банку спрайта, мы ее тут же распили. Миша деловито примял алюминий, делая ровную площадочку, проколол дырочки, попробовал, как дышится, отломил порцию для меня. Я тут же поджег башика, дунул и задержал дым. Миша сделал для себя.

– И что? – тупо спросил я, когда выдохнул. – Мы вдуюм все это палево?

Миша посмотрел на меня как на дегенерата. Он любил

слово «дегенерат», и иногда по взгляду я догадывался, что Миша про себя его произносит.

– Лицо треснет, – сказал он.

Мы хапнули еще по разочку, и Миша объяснил:

– Я взял на реализацию. Попробую раз, если получится, возьму больше.

Я всегда скептически относился ко всем его преступным начинаниям. Взять хоть случай, как в десятом классе Миша где-то откопал пугач – дико похожий на настоящий пистолет. И мы – с его, естественно, подачи – пытались устроить легкий шмон у аграрного техникума. Поменялись куртками для конспирации, господи, я как филипок в Мишином XL, он как гомик в моем М. Стыдно вспомнить, мы мялись, как две девочки, пытаясь на глаз выпалить лохов. Но отменять аферу было еще постыднее. Первый же «лох» оказался таким прошаренным, так кумарил по фене, что я бы не удивился, если мы по итогу свои штаны отдали бы ему. Но гопничек нормально все раскидал, потом скинулись, выпили бутылку портвейна, посмеялись (лично я – натянута) и разошлись.

А пугач потом Миша потерял. Я ему раз пятьсот повторил тогда свою любимую поговорку:

– Доверь дураку стеклянный хуй – и хуй разобьет, и жопу порежет.

Но этими дураками, в общем-то, были мы оба.

Ладно, скоро появился первый клиент. Это был один из местных опасных парней, которым в среднем по двадцать, я их остерегался, не очень с ними общался; они не такие, как мы. Наглее, отмороженнее. Я думал, что они немного тверже, может, потому что у них было больше – они успели побывать октябрятами, перестройку застали чуть более взрослыми детьми, а в середине девяностых уже были подростками и мотали на ус. Для нас, детей восьмидесят пятого года, середина девяностых это лишь воспоминание об унылой нищете.

Он поздоровался с нами, засмеялся этим особым смехом хриплой гиены – фокус всех гопников мира, – смехом, от которого у меня очко сжимается, и спросил:

– Миш, есть че?

Миша достал для него кубик, завернутый в фольгу, и получил сторублевку. Мы еще пыхнули, потом был еще клиент, а потом были еще двое, и я впервые поверил в Мишу. Что у него пойдет дело. Тут прохлада – все менты на поселке друзья чьих-то друзей, план курят четверо из пятерки, и Миша, если не будет давать в долг, может что-то поднять на карманные расходы, пока наркоконтроль до него доберется. Но и там, наверное, у кого-то есть знакомые. Такие благие мысли спокойно текли под планом.

Когда в первый раз появился Биолог, стемнело, и мы уже взяли пива. Ну, сначала, понятно, он для нас не был Биологом, просто какой-то неприятный парень годов двадцати восьми. Не местный, городской. Хотя до города двадцать минут пешком, те, кто тут живет, немного отличаются, точно не знаю, чем. Может, какой-то плавностью. А Биолог мне сразу не понравился, мне не нравятся брюки в сочетании с опьянением. Позже мы узнаем, что у Биолога был день зарплаты.

– Парни, – сказал Биолог, заглядывая в салон, и замолчал.

Мы уставились на него, ожидая продолжения.

– Да? – спросил Миша.

– Вы знаете Матвееву Настю?

Лично я очень хорошо знал Матвееву Настю, она училась со мной в одном классе. Я был влюблен в нее. К выпускному она согласилась, но у меня ничего не вышло. Она тоже была девственницей, и я очень хотел ее, но перепугался так, что руки тряслись, а член домкратом было не поднять. Я об этом не рассказал даже Мише. Потом она съездила на море, и мы иногда виделись, разговаривали, но как будто между нами ничего не было.

– Да, училась с нами в школе, – ответил Миша.

– А, – сказал Биолог.

Он на секунду выпал, и его тут же увело в сторону:

– А сейчас где учитесь?

Мы с Мишей переглянулись. Поняли, что парень не совсем в своем уме.

– Я в техникуме, – ответил Миша.

Биолог посмотрел на меня. Я не хотел ему отвечать, но пока и не видел причины грубить:

– Я в универе.

Ответ его обрадовал. Он даже руку вверх поднял.

– Я тоже в универе учился. А ты на кого?

– На филолога, – ответил я. Мне было приятно говорить, что я учусь на филолога. И с этого момента разговор на время перестал меня раздражать. Я точно знал, что из молодежи я единственный филолог в нашем населенном пункте – и это значило, что хоть в чем-то я особенный. Они этого могли не знать, но у меня был шире кругозор, я смотрел на них с высоты прочитанных книг и отведенных стилей. Мы все одинаково плыли в никуда и убивали себя, не успев еще вырасти, нас ничего особенного не ждало, ни путешествий, ни Европы, ни Африки, ни океанов, ни морей. Мы несколько раз в неделю напивались разбавленным спиртом, курили план и химку, даже запивали феназепам самогоном. И я был почти таким же, но зато у меня теперь никогда не отнять этот волшебный чемоданчик, я как бы тоже тонул, но из последних сил прижимал к груди томик Кафки.

– А я на биологическом учился, – ответил Биолог.

Так он и стоял рядом с машиной и вел эту непонятную беседу. А мы сидели в машине и зачем-то ее поддерживали.

– Наш друг на биологическом учится, – сказал Миша, – Тимофей. Пьяница и дегенерат.

– Не знаком, – сказал Биолог, – но там все пьют, это да. Этого не отнять.

Это была правда. Я учился первый месяц и уже успел зарекомендовать себя как главный алкаш филологического, но по меркам биофака был бы вполне себе рядовой. Мы замолчали. Миша отхлебнул пиво и протянул баллон мне. Я глотнул, вернул Мише и указал, чтобы он протянул Биологу. Неприятно после этого левака пить, конечно, но все-таки не предложить было бы как-то не по-людски.

Биолог глотнул, поблагодарил и вдруг вспомнил, с чего начал:

– Вы видели Настю Матвееву?

– Сегодня – нет, – сказал Миша.

Я тоже сказал, что не видел. И вдруг спросил как-то не очень ровно:

– А что у тебя к ней?

– Она моя девушка, – сказал он.

Миша озадаченно посмотрел на меня. Даже ему было неприятно узнать, что Матвеевой, по-видимому, регулярно вставляет тридцатилетний пьяница в брюках. Когда рядом с тобой хорошенькая девочка вырастает в красивую девушку, всегда как будто имеешь ее в виду и надеешься, что она будет с тобой или хотя бы с твоим другом. Виду я не подал, но в мыслях проклял этого урода.

Он еще немного поговорил с нами о какой-то ерунде. Больше с Мишей, я как-то задумался, ушел в себя, был в легком дурмане. Вернулся, когда Биолог достал мобильник и пытался звонить Матвеевой. Матвеева не брала трубку.

– Вы знаете ее домашний? – спросил он.

– А у нее что, есть мобильный? – удивился я. – Я думал, ты на домашний и звонишь.

Да, у нее был мобильник. Он звонил на мобильник, домашнего он не знал. Но она – блять, что она водит его за нос? – мобильник свой выключила, хотя сегодня было обговорено, что он приедет к ней. Конечно, я прекрасно знал

наизусть домашний номер Матвеевой, но я не сказал, что знаю. Миша смог вспомнить только часть цифр.

– Ладно. Пойду искать, – сказал Биолог.

– Подожди, – сказал я. – Можно от тебя позвонить?

Биолог протянул мне мобильник. Это вроде был первый или, по крайней мере, один из первых моих звонков по мобильному телефону. У меня даже и пейджера не было никогда – не видел в нем смысла. Я думал позвонить домой, сказать отцу, что гуляю и приду поздно. Но связи не было. Вечерами на линии поселка постоянно происходили сбои – у той половины, где номера начинались на «13». А у другой половины, у Миши, например, номер начинался на «74», и сбоев никогда не случалось. Хотя мы жили на одной улице. Часто я просто не мог дозвониться до дома, и когда приходил поздно ночью ушатанный, случались короткие, но выматывающие ссоры с отцом.

Мы с Мишей еще съездили за пивом, дали круг по поселку и вернулись на то же место. Где-то на двадцатом дурмане откуда-то из глубокой ночи вернулся Биолог. Он заглянул в машину, и мы увидели в свете его нервное бледное лицо, как у покойника.

– Ну что, нашел Матвееву? – спросил я, как мне почувствовалось, немного резко.

– Не нашел Матвееву! – еще резче ответил он. И я понял, что он сделался раз в сто пьянее. И как в подтверждение, Биолог протянул нам в окно пакет. Миша взял этот пакет и раскрыл передо мной. В пакете были водка, сок и пластиковые стаканчики. Миша открыл заднюю дверь и впустил человека на борт. Я оперативно разлил.

– Бляди! – сказал Биолог торжественный тост.

И мы выпили.

Биолог залипал. Что-то бормотал, просыпался, опять уходил. Мы с Мишей неторопливо и деловито разделялись с водкой.

– Что с ним? – спросил я.

– Не знаю. Разбудим и пошлем нахуй, – предложил Миша. Вдруг Биолог очнулся.

– Довезите до города, парни. А я вам сотню заплачу.

Миша повертел головой: вправо, влево, вверх, вниз,, оценивая свое состояние, и сказал:

– Поехали.

Мы из-за дома выехать не успели, а Биолог уже храпел. Миша несколько раз поворачивался, внимательно смотрел на Биолога, и я догадался, что у Миши на уме.

– Не надо. Нельзя, Миша, – упрашивал я.

Миша остановил машину.

– Садись за руль, – сказал он.

И перелез на заднее сидение. Я пересел за руль, хотя водить почти не умел. Пробовал несколько раз на отцовской «Оке» и обычно трогался рывками, часто глох. Однако Мишин «Бобон» стартовал гладко.

– Получилось, – сказал я удивленно.

– Тише, – сказал Миша.

«Бобон» трясся подо мной и ехал как медленный танк. Мы проехали девятиэтажки – сердце поселка, проехали коттеджи и выехали на дорогу в город – финишную прямую. В зеркало я увидел, как Миша аккуратно шмонает Биолога. Нашел кошелек, достал его и через секунду положил обратно. Вот Миша все сделал, и мы как раз приехали. Он был королем этой ночи: хранение и распространение легких наркотиков, вождение в нетрезвом виде и без прав, грабеж. Хотя у меня был этот же набор минус наркотики. Миша перелез на переднее сидение, оглядел себя, меня, Биолога, убедился, что все чисто сработано, и вдруг резко сказал:

– Подъем! Приехали!

Биолог не реагировал. Мы потрясли его, тогда он проморгался, увидел силуэты городских домов и сказал:

– А дальше?

– А дальше нельзя, – сказал Миша. – Прав нет, и водка с пивом.

Биолог порывлся по карманам, дал нам сотню, что-то там пробормотал и вышел. Миша развел руками, как бы завершая фокус. Я сказал:

– Подожди минуту.

Я вылез из машины. Помочился у обочины, глядя, как Биолог неверным шагом идет в город. Я застегнулся и вдруг, вскинув руки, со страшным воплем побежал за Биологом. Он повернулся на меня, ничего не понял, отвернулся, пошел дальше, опять повернулся, – я все вопил и неся на него – и тут он испугался и побежал. Пару секунд я еще бежал за ним и орал, а потом резко остановился и пошел в машину.

Миша уже пересел на водительское сиденье. Он удивленно разглядывал меня.

– Жук, ты ебанулся?

– Мне не нравится, что он трахает Матвееву, – объяснил я свое поведение.

– Может, и не трахает, – ответил Миша.

Он пересчитал деньги и отдал мне половину. Я пожал плечами и взял купюры. Мы подняли по семьсот рублей.

– Ты ему сколько оставил? – спросил я.

– Больше, чем взял, не ссы. У него там целая зарплата.

– Хорошо. Поехали, пожалуйста, домой, – сказал я.

Вдруг усталость навалилась, как когда выходишь из речки. Вроде, пока бултыхаешься, не чувствуешь, что вымотался, а как выбираешься на сушу – мышцы как налиты свинцом.

Мы поехали домой. Уже начало светать, немного тревожное утро, этот непонятно откуда свалившийся, неприятный тип и ожидающий меня дома вербальный распездон. Хорошо, если Матвеева не привезла обратно свою девственность, когда ездила на море, думал я. Мне хотелось считать, что она не подарила это сокровище человеку, с которым нас за чем-то свела сегодняшняя ночь.

КИСЛОРОД

На улице +38 уже не первую неделю, и невозможно пальцем пошевелить, чтобы не вспотеть. Торфяные болота горят, область в вонючем тумане, и повсюду валяются трупы голубей.

Но в торговом центре прохладно, работают кондиционеры, уходить отсюда не хочется.

В офисе при магазине бытовой техники жду начальника склада. Анкету уже заполнил, просто жду. Начальник склада заходит в кабинет и предлагает сразу перейти на «ты». Его зовут Денис, мужественный приятный парень лет тридцати. Он изучает анкету быстро, но внимательно, и спрашивает по некоторым пунктам.

Все документы в порядке? Паспорт, ИНН, военный билет?

Да, у меня все документы в порядке.

Служил ли в армии?

Нет, не служил. Но со здоровьем все в порядке. Просто удалось получить военник по плоскостопию.

Раньше работал строителем и установщиком дверей?

Да, это так. Работал строителем и установщиком дверей. Но почему ушел?

Потому что не хочу зависеть от случая, не хочу ждать хорошего заказа. Хочу иметь пусть зарплату небольшую, но стабильную. И хочу иметь оплачиваемый отпуск.

Да, начальник склада говорит, на стабильность могу рассчитывать. Немного рассказывает о работе на складе.

Бесплатные обеды, и еще мне выдадут специальную обувь с металлическими носами.

– Чтобы холодильником не придавило, – догадываюсь я.

Мою анкету должна проверить служба безопасности, говорит Денис. И мне позвонят дня через три. Мы пожимаем

друг другу руки, и я выхожу. Еще есть время до электрички, думаю посидеть где-нибудь здесь, в торговом центре под кондиционерами, и почитать. Но в очередной раз не могу прочесть больше двух абзацев. Почти за месяц жары мозги превратились в желе. За лето не прочел ни одной книги, не посмотрел ни одного фильма, не написал ни одного стихотворения. Несколько лет назад в Москве было жаркое лето, думал, что это будет конец. Тогда мне казалось, что не переживу +30. Теперь температура доходит до сорока. Но ни я, ни кто-то из моих знакомых пока не умерли.

Стою на одном конце платформы и не вижу другого конца из-за дыма. Часть людей в бумажных масках или респираторах. На днях О. купила несколько масок в аптеке и сама носит, но я не стал носить. Даже не смог бы объяснить, почему не ношу. Примерил маску и тут же снял из-за невятного внутреннего противоречия.

В электричке тяжело дышать, и я сразу покрываюсь потом. Все люди липкие, пот катится по лицам, рубашки и футболки насквозь промокли. Вот-вот люди начнут падать и растекаться.

Остаюсь в тамбуре, и через пару станций появляется дерзкий парень, который не дает дверям плотно закрыться. Мы едем со сквозняком, на остановках парень впускает людей и снова встает в дверях – держит их. Выхожу в подмосковном городе. Здесь теперь живу. Пятнадцать минут от платформы, вот дом, в подъезде приятно прохладно, поднимаюсь на второй этаж. О. выдала мне комплект ключей, вхожу, как к себе домой. В квартире хуже, чем в подъезде, но лучше, чем на улице.

Толик издает звуки – что-то среднее между писком и чирканьем. Привлекает к себе внимание. Подхожу к клетке, открываю дверцу и глажу его шею и грудку. Толик поднимает передние лапки, замирает. Ему одновременно страшно и приятно. Устанавливаю колесо, чтобы он немного побегал.

В такую жару мы позволяем ему бегать в колесе не дольше двух-трех часов в сутки, иначе он перегреется.

Иду в душ. Долго стою под прохладной водой. Не вытираясь, выхожу в комнату, ложусь на диван и закрываю глаза. Вода испаряется с кожи, стараюсь тщательно прочувствовать этот процесс.

Звонит О. и спрашивает, как прошло мое собеседование.
– Прошло удачно.

Кажется, что меня возьмут, – говорю. Она тоже надеется, что меня возьмут. Как Толик? – спрашивает она. Ничего, позволил ему немного побегать. Сейчас уже сниму колесо, говорю.

О. предлагает встретиться ее после работы на платформе.
Хорошо, встречу.

Снимаю Толику колесо – хватит, вечером еще побегает.

Скоро мы с О. идем домой вместе. Держимся за руки, она в маске, я без. На секунду отпускаю О., вытираю свою ладонь футболкой, вытираю ее ладонь своей футболкой, снова беру за руку.

Дома О. уделяет пять минут Толику: тоже гладит, разговаривает с ним, подсыпает корм. Потом идет в душ. Жду немного, даю ей время вытащить тампон и смыть кровь в одиночестве.

И захожу к ней.

Намыливаю ее шею, спину, руки и ноги, потом смываю пену. Целую ее. О. нежно дронит мне одной рукой, одновременно намыливая другой, потом смывает гель для душа. Выходим в комнату, мокрые. О. устанавливает Толику колесо. Стелим полотенце, ложимся на диван. Целуемся, осторожно, чтобы не задохнуться от духоты. Она ложится боком ко мне.

Толик бесконечно бежит в своем колесе.

Морги переполнены. Медленно двигаюсь, чтобы не потеть, целую О. в шею и в ухо.

Не уверен, что меня возьмут на работу. Так получается: заполняю анкеты, прохожу собеседования, и все хорошо. Служба безопасности проверит анкету, и мне перезвонят. Но уже с четырех мест не перезвонили. Хотя не привлекался никогда даже за административные правонарушения.

Может быть, думаю как-то неправильно, может быть, живу как-то неправильно, и меня включили в черный список? Может быть, теперь никогда не устроиться на работу, во всяком случае, официально?

Переворачиваю О. на спину и ложусь сверху. Она смотрит мне в глаза, я ныряю в ее взгляд и бегу, как Толик в колесе.

Мой телефон звонит, торфяные болота горят, а люди дохнут от жары, как мухи.

Загрязнение превышает норму в восемь-десять раз. Не исключено, что у всех, кто дышит сейчас этим воздухом, через несколько лет начнутся серьезные проблемы со здоровьем.

Кончаю, и О. прижимает меня к себе.

Вредные вещества оседают в организме, и пока правительство РФ делает вид, что ничего не происходит, мы отравляемся. Через десять лет окажется, что последствия для нас серьезны, чуть ли не как для жертв Чернобыля.

О. не выпускает меня. Лежу на ней, и мы смотрим друг другу в глаза. Колесо крутится и поскрипывает. Целуемся, раскаленный воздух гудит, голова немного кружится. Телефон снова звонит.

Тянусь к своим шортам, О. не выпускает меня. Отвечаю на звонок, еще находясь в ней.

– Да? – спрашиваю и не верю, что буду говорить с реальным человеком по телефону.

Это звонит наш басист. Все ли в силе с выступлением в Петербурге?

– Да, двадцать девятого числа.

Все в силе.

Покупай билеты.

Что-то спрашивает, что-то отвечаю и выключаю телефон.

Лежим, чувствую, что уже окреп в ней, чтобы продолжить.

Целую и разгоняю поршень по кочкам, а мир, кажется, не сможет дотянуть до конца этого лета.

О. закатывает глаза и нежно сокращается, глубоко дышу и еле уже держу свое тело над ней, упираясь в диван трясущимися руками. В глазах темнеет, нужен кислород.

На следующей неделе температура должна упасть до +32.

Со стоном падаю на О., губами – к ее губам. Одна знакомая девочка-блядь сказала как-то за пивом на детской площадке:

– Это как маленькое сердечко бьется в тебе.

О. прижимается ко мне и говорит это во второй или третий раз.

Любит меня.

Ей говорил это раньше, и теперь, как хожу по краю, не совсем верю и отвечаю:

– Я тебя.

Через какое-то время встаю и снимаю Толику колесо. Он должен отдохнуть.

О. тоже встает, убирает полотенце, перепачканное кровью.

Идет в душ. Прислушиваюсь из комнаты к звуку воды. Почему-то знаю: утром я должен собрать вещи и уйти. Уже вижу, как буду сидеть на платформе, задыхаться от недостатка кислорода и жалеть, что не остался с ней.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Офис находился недалеко от площади Восстания. Петр отдал накладные и зашел в туалет умыться. В принципе, он почти не замарался и планировал оставить здесь инструмент, чтоб иметь возможность прогуляться без рабочей сумки. Петр снял грязную футболку, помылся над раковиной: лицо, шею и подмышки, вытерся (здесь у него было свое полотенце), надел чистую футболку. Отряхнул влажной рукой джинсы – Петр выглядел хорошо, правда, под коленом был след от монтажной пены, а слипоны немного запачкались в штукатурке. Но в этом даже что-то было – модный работага: потертые зауженные джинсы, обувь на босу ногу. Сегодня Петр заработал три тысячи двести рублей, установив антресоль и отремонтировав вещевой шкаф. Получилось быстро и без проблем, рабочий день можно было считать более чем удачным. Петр посмотрелся в зеркало, немного смочил волосы, чтобы не поднимались, и остался доволен своим видом.

– До завтра! – сказал он на ресепшене и оказался на улице.

Еще не было пяти часов, когда Петр вышел на станции метро «Проспект Ветеранов». Он не стал ждать троллейбуса, пошел домой пешком через весь проспект. Слишком хороший майский день, первый неожиданно и по-настоящему теплый, к тому же подруга Петра уехала на сессию в Москву. Спешить было просто некуда.

Он зашел в «Новый книжный», где выбрал книгу из оранжевой серии «Альтернатива». Книга стоила двести шестьдесят рублей, у Петра как раз хватало мелкими купюрами и монетами, тысячные разменивать не пришлось. Он расплатился, вышел и направился дальше в сторону улицы Партизана Германа, на которой жил. Руки и шею приятно согрело

солнце, справа от него был уже совсем зеленый Полежаевский парк. Петр просто выбрал цель – какого-то опрятного молодого китайца впереди – и шел за ним, в ногу, соблюдая дистанцию примерно в десять метров. Chinese Student, такой тег закрепил за ним Петр и стал как-то автоматически копировать пластику и походку этого человека.

Вдруг навстречу китайцу вышла девушка, она приветственно помахала, и Петр решил, что китаец и девушка – пара. Китаец остановился, а девушка что-то говорила. Через несколько секунд Петр поравнялся с ними и, когда проходил мимо, смог только разобрать:

– ...Минет – пятьсот рублей, секс – тысяча...

Петр даже перепугался, настолько дико было услышать такое от юной красивой девушки, очень приличной с виду. Все еще продолжая идти в сторону дома, но замедляясь, Петр повернулся вполоборота, прикованный к сцене. Китаец встал как вкопанный и смотрел на девушку, не моргая. Потом попятился назад, вдруг, как по команде «кру-у-у-гом», развернулся на сто восемьдесят градусов и быстрым шагом пошел в противоположную сторону той, куда ему было нужно. Девушка растерянно и огорченно развела руками. Этим жестом она как будто объясняла зрителям – или конкретно Петру – «я же говорила, ничего не получится».

И в этот момент Петр налетел на случайного прохожего. Чувствуя себя так, будто его застучали за чем-то неприличным, Петр извинился и пошел дальше, не оборачиваясь, домой. Но с каждым шагом он все сильнее возбуждался.

Что, если он вернется и предложит девушке эту тысячу? Петр никогда не пользовался услугами проститутки, всегда брезговал, но теперь вдруг очень захотелось. Не так он их представлял себе, а гораздо хуже. Он вполне мог бы себе позволить раз в три-четыре дня отдавать тысячу этой милой проститутке за секс, и подруга Петра бы ничего не узнала. Его заработок зависит от случая, и подруге никак не

уследить. У него есть три недели свободы. Только Петр не знал некоторых тонкостей, нужно было срочно залезть на соответствующие форумы в интернете. Хотя какие там форумы, просто не целуешь проститутку в губы и используешь презерватив. Петр шел с эрекцией через улицу и судорожно думал об этом. А согласится ли проститутка пойти к нему домой? Вдруг он перережет ей горло, вдруг он маньяк – ведь проститутка может так решить? Нет, он нормально выглядит, обычный молодой парень. Если она не согласится идти к нему, они что, будут заниматься сексом прямо в парке? Нет, такое вряд ли у него получится психологически. Ведь проститутка должна сначала принять душ, у нее ведь в этот день могли быть другие клиенты. Она должна сперва помыться, иначе как он будет ласкать ее тело? Или никаких предварительных ласк не должно быть и даже не может быть, если секс – с проституткой?

Добравшись до квартиры, Петр первым делом залез в душ сам и там разрядился. Потом заварил чай, написал незначительный пост в «Живой журнал», скачал фильм и как-то незаметно позабыл обо всей этой истории: о том, как шел за китайцем с тегом Chinese Student, о милой девушке-проститутке и о своем внезапном возбуждении. А вспомнил только три года спустя, за которые он успел жениться и развестись, сменить профессию (больше он не работал руками) и начать новые отношения. Наверное, в душе Петра что-то изменилось за годы, наверное, это уже был другой Петр. Потому что, вдруг увидев книгу из оранжевой серии, купленную в тот день да так и не прочитанную, и вспомнив все вышеизложенное, он вдруг совершенно четко себе все представил: платишь деньги и получаешь секс. А все остальное – по обстоятельствам.

НОВОСЕЛЬЕ

Они переехали на новую съемную квартиру. У девушки был выходной, а парню пришлось взять отгул. Первым делом выкинули все лишнее: какие-то старые местные покрывала, шмотки из шкафа, ржавую посуду. Они поделили пространство так: девушка убирает коридор и комнату, а парень кухню и уборную. С кухней особых проблем не возникло: парень оттер плиту, пол, стены, холодильник и люстру. Но вот в уборной невыносимо несло мочой. Парень отмыл унитаз, ванну, плитку, но запах мочи не победил. Тогда парень намыл все, что можно было, еще раз, очень щедро побрызгал освежителем воздуха и решил оставить так на сутки, стараясь реже сюда заходить. Парень был брезглив. Девушка уже пылесосила и на этом как раз заканчивала убирать комнату. Они осмотрели свое полупустое новое жилье: нужно было купить матрас и еще кое-что. Здесь теперь они будут жить, здесь им будет хорошо. Нормальный район, близко к метро, и в общей сложности обоим от входной двери до работы – меньше часа.

Откуда-то изнутри поднялось приятное светлое чувство, парень взял девушку за руку и сказал:

– Я люблю тебя.

– И я люблю тебя, – ответила девушка.

Собрались и поехали в «Икею». Парень и девушка посмотрели много матрасов и выбрали более чем бюджетный вариант: всего 799 рублей. Девушка запомнила номер места, и они пошли на склад самообслуживания. Но по дороге к складу, девушке попадалось много необходимых вещей, которые она запихивала в сумку: был украден плед, глубокая тарелка, набор чашек, вилки и ложки.

– Не перегибай палку, – взмолился парень.

Он нервничал, но и самому хотелось что-нибудь украсть. Парень положил к себе в сумку ершик для унитаза, а в

карман куртки засунул два удобных сита для чая. На складе парень легко взял под мышку матрас, свернутый в рулон и запаянный в полиэтилен, и они пошли к кассам. Но в последний момент вспомнили про лампочки. Им нужны были энергосберегающие лампочки, чтобы меньше платить за электричество. Пришлось вернуться в соответствующий отдел. Но когда девушка собиралась класть лампочки в сумку, парень резко сказал:

– Черт! Стой.

Он указал девушке рукой: камера видеонаблюдения внимательно смотрела прямо на них. Девушка так и застыла перед камерой с раскрытой сумкой и лампочкой в руке. Парень сказал:

– Дай сюда, – он забрал лампочку и показал ее камере. – Вот.

Потряс лампочку в руке, убеждая зрителей, что никакого фокуса здесь нет, красть они с девушкой ничего не намерены, и, как можно дальше держа лампочку от своего туловища, положил ее на место.

– В другой раз, – сказал парень девушке.

Они пошли к выходу, и девушка спросила:

– Что будем делать с остальным? Выгрести?

– Нет, – ответил парень. – Попробуем пройти.

Но перед кассой он почувствовал дрожь в руках. Матрас поехал к кассиру по движущейся ленте. Девушка вышла за ворота и стояла, ждала парня. К ней никто не подходил, но все равно было страшновато. Человек перед парнем расплатился. Кассир пробила матрас, но страх заставил парня выложить еще и одно сито на ленту. Плюс 59 рублей к стоимости матраса, итого чек был на 858. Все остальное досталось им бесплатно.

В метро ехали стоя. Разглядывали одну цыпочку и перешептывались.

– Смотри, какая сосочка, – сказала девушка.

– Она с планеты «Секс без границ», – сказал парень девушке на ухо.

Они счастливо улыбались, глядя на цыпочку: худенькая с большой грудью, розовые туфли на платформе, розовое платье в узорах, сумка с детскими картинками. Надула губки, стояла, ждала, пока двери откроются. Точно с другой планеты. У парня и девушки дух перехватило – настоящая порнокоролева из мультфильма.

Цыпочка вышла на той же станции, что и они: ей тоже нужно было на Калужско-Рижскую линию. Парень и девушка шли за ней по переходу, все еще перешептываясь и не переставая любоваться и улыбаться. Но вдруг цыпочка замедлилась, поправляя туфлю, и парень на ходу задел ее матрасом. Парню показалось, что он задел совсем легонько, но одна ее нога слетела, выпала из туфли, и цыпочка неестественно выгнулась, издав какой-то почти животный звук.

– Извините, – сказал парень, искренне испугавшись. Но, похоже, все было нормально.

Они обогнали цыпочку, пока та поправлялась, думали, что инцидент исчерпан. Но через несколько секунд парня настиг резкий и сильный удар в хребет. Как на лифте боль поднялась в затылок, и теперь настала очередь парня издать животный звук. Он и девушка повернулись и увидели красное лицо цыпочки, она стояла тяжело дыша, одна нога была босой, а туфля была в руке – ей сейчас и била.

– Извините, пожалуйста, – сказал парень теперь уже совершенно ошарашенно. И еще раз повторил, пытаясь с помощью интонации указать на то, что он ушиб ее не специально:

– Извините.

Они с девушкой застыли на секунду, не понимая, что делать дальше. Все вокруг замерло. Время застыло в переходе метро. Парень видел только ненавидящую его цыпочку

и розовые узоры на платье. Как во сне он повернулся и пошел дальше со своей девушкой. Через несколько секунд цыпочка обогнала их.

– Я убью тебя, – сказала она парню в самое ухо.

Парень замедлил шаг, увеличивая дистанцию. Девушка ничего не говорила. Спустились по эскалатору, вышли на платформу. И потом, пока ехали, все еще видели цыпочку через стекло двух вагонов – она стояла, хотя мест было много. Парень хорошо видел это красивое обиженное лицо. Через пару остановок в поезд набились люди, и ее стало не видно.

– Думаешь, я сделал ей больно? – спросил парень.

– Не думаю, – ответила девушка и обняла его. – Просто для нее это хуже любого унижения. Я думаю, в этом дело.

Выходя из поезда, парень озирался и надеялся, что цыпочка не выйдет на этой же станции. На эскалаторе девушка сказала ему:

– Для некоторых важно четко продумывать свой образ и не отклоняться. Важен каждый жест, каждая деталь. Они репетируют перед зеркалом и очень расстраиваются, если что-то выходит из-под контроля.

– Наверное, она очень не уверена в себе, – добавила девушка.

Она придержала для парня дверь, и он вышел с матрасом на улицу. Уже стемнело, теперь этот район не казался таким уж дружелюбным. Они взяли за руки и пошли вдоль дороги. Фонари горели, и город издавал тысячи звуков. Парень увидел краем глаза на огромном баннере: «Мы крадем людей», и холод разлился по всему нутру. Даже девушка спросила:

– Что с тобой? Что случилось?

Но нет. Это просто была реклама замороженных овощей «Мироторг», и на самом деле там было написано: «Мы кормим людей». Но появилось ощущение, будто настоящий

мир на одну секунду проявился сквозь маскировку, и его тут же заретушировали. На всякий случай парень ускорил шаг так, что девушка еле поспевала за ним, и ему казалось, что нельзя смотреть по сторонам. Если смотреть по сторонам – обязательно случится нечто страшное.

ДРУЖБА ДРУЖБОЙ

Не знаю, сколько у Вовы было карманных денег. Его семья была ненамного богаче моей, но он периодически платил за меня в барах. На этот раз, правда, с нами был еще дерзкий тип Ваня, и я не мог расслабиться: чувствовал, что просто так вечер не закончится. «Сибирская корона» на Октябрьском проспекте была четвертым и последним заведением на этот вечер.

Возле входа к нам привязался какой-то странный человек. Взрослый уже, лет около двадцати пяти-тридцати, и прилично одетый, но пьяный в жопу. Он обнял меня и сказал:

– Ребята, здорово, это же я – Рома!

– Ты обознался, – сказал я и аккуратно оттолкнул его.

Но Ваня даже обрадовался

– Рома! – воскликнул он. – А давай-ка тебе пизды дадим!

– Рома! – сказал Вова. – Ничего себе, да это же сам Рома!

Лучше иди отсюда, Рома!

Они смеялись над этим Ромой, но я попросил их быть вежливее, мне не казалось, что нормально над кем-то смеяться или тем более бить, если тот просто обознался и пьян.

– Рома, Рома. Спокойно, – говорю. – Ты обознался, не связывайся с ними. Они злые сегодня. Пока, Рома. Уходи.

Но Ваня успел напоследок зарядить ему пенделя, и Рома тут же ушел куда-то, по-моему, прямо в кусты, а мы зашли в бар.

Нам отказались продавать водку, потому что, по мнению бармена, мы выглядели слишком пьяными. Он нацедил три кружки разливного пива. Честно говоря, я даже немного обрадовался – не считая пива, мы уже выпили два пузыря, и я боялся не успеть на последний автобус. Мы с Вовой жили не близко, за городом.

– Подойдите через двадцать минут, – сказал бармен и указал на Ваню. – Если он еще не свалится, продам водки.

Ваню это разозлило. Но, к моему удивлению, он ничего не ответил бармену, а только резко отодвинул свой стул, уселся и пригубил сразу треть кружки.

– Хуле ты смотришь? – спросил Ваня у парня, сидевшего за соседним столиком.

После этого парень и его друг подсели к нам. Парень представился:

– Костя.

Его друг не стал представляться – молча сидел, стодвадцатикилограммовая хуета с перемотанной башкой.

– Женя, – сказал я.

– Вова, – сказал Вова. – Спокойно, Ваня. Это Ваня. Он немного выпил.

– Не обессуживай, Костя, – добавил я. – Ничего личного, он просто потерял нить вечера и не успевает за здравым смыслом.

Ваня хитро заулыбался:

– Прости, Костя. Я принял тебя за другого. За одного своего врага.

Ваня протянул здоровому парню пиво, тот отхлебнул и наконец сказал:

– Саша.

– Ну, вот мы и знакомы, – сказал я.

– Он больше не будет выебываться? – спросил Костя.

– Он принял тебя за другого, – ответил Вова. – Все нормально.

После этого ребята вернулись к своему столику и продолжили пить там. Я пошел в туалет. Помочился и хорошенько умылся. Стоял, разглядывал свое отражение в зеркале, пытаюсь немного протрезветь, пока не зашел Ваня. Взгляд у него был совершенно безумный. Он оглядел кабинки, убедился, что никого нет, и сказал мне:

– Я убью его.

– Кого?

– Жука, сегодня я ебну этого Костю. И ты меня не переубедишь.

В общем-то, я и не собирался. Но меня тревожило, что мы с Вовой не успеем на последний автобус, если начнется рамс. Я ответил:

– Может, в другой раз?

– Стой. Я клянусь тебе, что сегодня его убью. Вова меня предал. Он считает, что я виноват и что я вообще не понимаю, что говорю. А я просто знаю, что должен убить нахуй этого гондона. Знаю, и все.

– Нормальный вроде парень, – сказал я.

Ваня что-то еще говорил. Но я не стал слушать, сказал, что иду пить пиво. Он ответил:

– Главное, не осуждай меня. И приходи навещать на зоне.

– Это обязательно.

Почему-то Костя и Саша снова сидели за нашим столиком, а еще откуда-то взялся пузырь водки. Когда я сел, Вова разлил:

– Давай, пока Вани нет, – сказал он.

Мы выпили. Эти ребята о чем-то переговаривались между собой, а я немного выпал из реальности. Вова тоже устал пить. Он никогда не был силен по части выпивки. Я собрался с силами и предложил:

– Давай еще по рюмке, проводим Ваню и поедem домой?

Костя сказал:

– Давно его проводить пора.

– Я, блять, сам тебя еще провожу, – сказал Ваня, присаживаясь. Я испугался. Теперь должны были начаться проблемы.

Ваня и Костя внимательно смотрели друг на друга. Два худых злых беса. Но должен признать, что моя симпатия была не на стороне друга, а на стороне противника. Хотя какой,

в пизду, Ваня мне друг – я видел его третий раз в жизни и знал только через Вову, с которым действительно дружил. Строго говоря, Ваня мне был изначально несимпатичен из-за рассказа Вовы. Как-то раз Ваня задрочил ночью, лежа с Вовой на одном диване. Вова сначала не понял, что происходит, проснулся оттого, что диван поскрипывал, а когда понял, не выдержал и засмеялся в темноте, на что Ваня спросил: «Вова, у тебя все в порядке?» И после этого оба притихли. Понятное дело, Ваня думал, что Вова спит, но мне такие животные выходы не по душе. Убийца, блять, нашелся. Неужели сложно было дойти до туалета и там подрочить, как сделал бы любой нормальный человек? Но, вопреки моим желаниям, мы оказались с Ваней в одной лодке в этот субботний вечер.

– Может, ты лучше меня проводишь? – спросил Саша, отодвигаясь от стола.

Через несколько минут мы стояли возле бара, окруженные толпой в двадцать человек. Дым и пар вылетал из злых ухмыляющихся ртов. Наша маленькая компания не понравилась всем посетителям. Каждый хотел по разу пнуть Ваню, и этого бы ему хватило, чтобы сдохнуть. Но почему-то страшный момент расплаты никак не опускался на нас, а лишь угрожающе застыл в холодной темноте вечера. Ваня что-то говорил, стремительно и нагло, он за считанные секунды успевал надерзить каждому человеку. В какой-то момент я просто закурил и сел на ступеньку крыльца. Я закрыл уши руками и отрывал одну руку только чтобы стряхнуть с сигареты пепел. Если меня ждала гибель по Ваниной вине, то я хотя бы мог не слушать этот тупорылый поток его сознания.

Видимо, я даже задремал, сидя на ступеньке, и очнулся, когда Вова тряс меня за плечо:

– Пошли, мы еще успеваем.

Я огляделся. Местные гопники, смеясь над Ваней, расходились. Сам он стоял на крыльце, уставший и заткнувшийся,

хмурый. Ваня не сдал позиции и ни перед кем не извинился, но его приняли за совершенно невменяемого. Нас не стали пиздить, мы были в безопасности. Вова пожал руки нескольким людям, покрутил пальцем у виска, как бы извиняясь за Ваню, и мы пошли. Нам оставалось только пройти по Волгоградской улице через пустырь, отделявший проспекты Октябрьский и Ленина. Там была наша с Вовой остановка, а Ване пять минут пешком до дома. И у меня не было желания провожать его до двери, даже если бы вопрос стоял о его жизни и смерти.

Тут Вова попросил подождать пять минут.

– Меня мутит, – сказал он.

– Сколько сейчас? – спросил я.

Вова посмотрел на часы.

– Без пяти одиннадцать. Еще двадцать минут.

Вова подошел к кусту и засунул два пальца в рот. Всегда удивлялся, как у других так легко это получается. Мне нужно было очень сильно перепить и потом засунуть себе в глотку руку чуть не по локоть, да еще и пошерудить там пальцами хорошенько, чтобы рефлекс сработал. Может быть, дело было в каком-то инстинкте нищего человека: я всегда получал карманных денег меньше, чем все мои знакомые, а вот пил много.

Совесть не позволяла мне выблевывать бухло. А Вова справился меньше чем за минуту:

– Теперь гораздо легче, пойдемте, – сказал он.

И вот тут с криком и непонятно откуда выскакивает Рома:

– Это они! Стойте! Это они!

Рома, тот самый, которого я спас от моих друзей полтора часа назад, подбегает ко мне и с размаху дает в челюсть. Я ударил его в ответ. Я был в полном недоумении от подобного стечения обстоятельств.

– Ты что делаешь, больной?! – завопил я.

Но Вова и Ваня потянули меня в сторону. У них закончилась агрессия. С Ромой было два друга, один из них здоровый бородач, другого не разглядел – и какие-то девки. Они тоже оттаскивали Рому.

Бородач кричал нам:

– Все, мужики, домой! Рома, пошли отсюда.

– Он меня по роже ударил! – возражал я.

– Это они! Они первые начали! – орал Рома.

Меня отпустили, и я, жестикулируя, пытался объяснить бородачу:

– Ваш Ро-ма, – разжевывая по слогам, указал на Рому, – ме-ня по ро-же у-да-рил! – указал на свою челюсть.

Бородач в это время отечески заслонил всю свою компанию и сказал тоном, не терпящим возражений:

– Все на сегодня. Все – домой!

Ваня не проявил к потасовке никакого интереса, зато Вова сказал мне:

– Давай по какой-нибудь коряге оторвем и будем драться.

У меня просто яйца сводило от несправедливости. Я с какой-то детской радостью побежал к дереву и на удивление быстро отломал сухую здоровенную ветку. Вова тоже подобрал палку. Я что-то закричал, как индеец с копьем, и бежал на бородача, который все еще что-то объяснял Роме и своим девкам в нескольких метрах от нас.

Это история о нас с Вовой, история дружбы и предательства. Она произошла в марте 2002 года, на тот момент мы дружили больше семи лет. Забыл сказать: Вова был рыжим, а я всегда относился подозрительно к рыжим людям, и в тот день он перестал быть исключением из правила. Мне придется немного расширить рамки хронотопа, чтобы обозначить несколько драматургически знаковых точек и оглядеть нашу противоречивую дружбу как бы с высоты птичьего полета.

1) 94 год – третий класс, знакомство, рождение дружбы, совместные занятия легкой атлетикой и борьбой.

2) 95 год – Вова впервые сказал мне: «Ты мой лучший друг». Но через несколько месяцев после этого заявления не вынес мне воды, когда один гондон, наш одноклассник, исподтишка разбил мне нос. Я стоял с окровавленными рожей и руками, естественно, так я не мог идти домой, а Вова ответил на мою просьбу вынести воды так: «У нас дома только стеклянные стаканы, ты замараешь их».

3) 97–98 год – совместные посиделки у Вовы, просмотр родительских видеокассет с порнухой Магма. Занятия тяжелой атлетикой, потом занятия брейк-дансом.

4) Начиная с 2001 года – наши еженедельные вылазки в город. Я знакомлюсь с девушками, он – покупает выпить.

5) 2002 год – Вова видит, как бородач отнимает мою кофляк и сильно бьет меня в живот. Вова останавливается. Он смотрит назад и видит Ваню, убегающего с поля боя. Вова бросает свою палку, бежит вслед за Ваней.

6) 2003 год. Наша дружба снова прошла проверку, и Вова доказал, что я могу на него положиться и что он смелый человек. Но между нами происходит ссора и драка, в ходе которой он разбивает мне голову тяжеленным домашним телефоном. Я на несколько дней попадаю в больницу. Но мы быстро миримся.

7) 2004 год. Вова оказывается единственным человеком, который через полгорода в раннее воскресное утро приезжает в вытрезвитель заплатить за меня.

8) 2006 год. Вова трахает мою девушку. После этого мы прекращаем любого рода общение.

Конец лирического отступления.

Бородач держал меня за грудки, бил о землю и кричал:

– Ты что, охуел? Ты понимаешь, кто ты такой? Ебаное быдло. Ты понимаешь, что ты говно? Понимаешь? Скажи мне, ты понимаешь, что ты говно? Я тебя спрашиваю?

Отчего-то мне не было ни больно, ни страшно. Правда была на моей стороне, и она заключалась в том, что первый

начал Рома, а не я, и в том, что я не быдло. Я был начитаннее своего окружения, но уважал друзей. И я никогда не дерзил незнакомым людям, не участвовал в коллективном избииении человека и готовился поступать в университет. Мне казалось, бородач неправ. Но у нас произошел даже, несмотря на мое неудобное положение, в какой-то мере интересный спор. Я ответил ему:

– Если я говно, кто ты? Интеллигент? Ты кто?

– Да, я интеллигент, – не раздумывая, ответил бородач, продолжая бить меня и таскать по земле.

Но через несколько секунд, видимо, почувствовал некоторое противоречие между своими действиями и словами. Он отпустил меня, выпрямился и стал отряхиваться. Воспользовавшись паузой, я прыгнул на него и начал бить. Минута славы быстро закончилась, и пришла расплата: я опять упал, и три пары ног пинали меня. Я слышал, как кричат их девки:

– Отпустите его, отпустите! Не нужно так сильно!

Меня положили лицом вниз и заломили руки за спиной. Видел я только землю перед своей рожей, но слышал, что Рома отводит подальше девок, и чувствовал, как бородач и третий персонаж крепко держат меня. Совсем не успел запомнить лица третьего, но говорил он как мусор, насколько я, конечно, мог судить – опыт у меня в этом вопросе небольшой.

– Счас посмотрим, что у него в карманах, – сказал третий.

– А ты не рыпайся, а то пристрелю.

Третий ткнул мне чем-то в спину. Не знаю, был ли это пистолет, или просто он брал меня на понт. Страшно мне до сих пор не было. Я отчего-то был уверен, что они мне больше ничего не сделают. Из кармана моей куртки достали органайзер – чей-то бессмысленный подарок. Черт, я вспомнил, что там были двести рублей, которые я сегодня забыл отдать за занятие репетитору. Я планировал приплюсовать

их к плате за следующее занятие. Ходил к репетитору раз в неделю, учился технике написания вступительных сочинений и правилам русского языка. Собственно поэтому я не мог просить у отца деньги, ведь он оплачивал эти занятия. Никто из друзей, например, к репетитору не ходил. Еще в органайзере были записаны многочисленные номера каких-то отдаленно знакомых полублядей – номера копил, но стеснялся звонить, проездной билет на месяц, взятый на сегодня опять-таки у отца, и мое военное приписное свидетельство. Только его не жалко было потерять, оно восстанавливалось за пять минут.

– Так, Евгений Игоревич, – сказал третий. Я понял, что как раз приписное он и изучает. – У вас серьезные проблемы. Проживает: поселок Металлплощадка.

– Дай посмотрю, – сказал Бородач. Я почувствовал, что органайзер засунули мне обратно в карман.

Бородач сказал:

– Восемьдесят пятый год рождения. Он же несовершеннолетний.

Я почувствовал, что время пришло – поднялся и побежал вперед. Они не преследовали меня, но что-то кричали в спину. Я обернулся и крикнул в ответ, что они пидорасы. До дома час пешком, не меньше. В одном из ближних дворов я остановился отдышаться в свете фонаря. Достал органайзер и посмотрел по отделам: деньги были на месте. Приписное осталось у них, и проездного тоже не было. У меня было две проблемы: добраться до дома и потерянный проездной отца. Думать о Вове совершенно не хотелось, для этого я был слишком растерян.

ПЛЯЖ

Убедившись, что семья спит, он спустился к морю. Первые дни отдыха тяжелее работы. Ни поспать нормально, пока не привыкнешь к смене поясов, ни побыть одному – нужно быть со своими; к тому же еще не знаешь местности. Плюс жена все время просила его разговаривать с незнакомыми людьми на английском, что было хуже пытки. Каждый раз бесился, пытаясь ей объяснить, что иметь какой-то запас слов совсем не значит уметь разговаривать. Он был согласен узнать, сколько стоит снять бунгало на сутки и где дешевле арендовать лодку, но расспрашивать хозяев, какое кафе лучше посетить, если твоя жена вегетарианка, а дети всеядны, не собирался. Зато сейчас одному в темноте на пляже стало почти хорошо: лег в шезлонге и пил белое вино из дьюти-фри, уже два дня лежавшее в холодильнике. Слушал море. Нождаданно быстро выпил всю бутылку, прошелся по песку – море отдалилось из-за отлива, – опустилса в еще теплую воду, перебирая руками по дну и раскачиваясь на волнах, пополз вдоль берега. Потом перевернулся на спину, сильно оттолкнулся ногами и поплыл. До сих пор еще толком не плавал, нужно хотя бы плавать каждый день, чтобы за две недели отпуска привести себя в форму. Но сначала стоило хорошо выспаться, тогда благодарный организм будет готов к приятным нагрузкам. Засмотрелся на звездное небо и оказался метрах в пятидесяти от берега. Решился попробовать достать дна, задержал дыхание и нырнул. Не достал, сильно испугался темной воды, повернул обратно к огням, к берегу и людям. В кишках щеко-тало, и, казалось, что-то гадкое может схватить его из темной глубины. Как только вышел из воды, этот страх показался смешным и детским. Накинул рубашку, подобрал свою пустую бутылку и пошел к бунгалo.

Приближались звуки людей, и ему непреодолимо захотелось с кем-то поговорить. Туристы и хозяйева готовили мясо на гриле, пахло очень вкусно. Решился подойти к ним ближе, потому что сегодня днем хозяйка заходила и анонсировала ночное мероприятие. Он тогда смущенно ответил:

– Нет, спасибо, мы вегетарианцы.

От запаха выделялась слюна, и сейчас пожалел, что так сказал. В общем, жена никогда не давила, но с ней за компанию он не ел мяса, даже если дети ели.

– Привет, – добродушно сказал аргентинец, живший в соседнем домике. Откуда-то случайно знал, что этот мужчина – аргентинец, видимо, неосознанно – из услышанного разговора.

Хотелось что-то ответить. Он ответил:

– Доброй ночи.

И потом вдруг сказал аргентинцу:

– Я видел много флагов на вашем рюкзаке. В хорошем смысле я позавидовал тому, сколько вы путешествуете.

Хотел сказать «нашивок», но не помнил или не знал слова.

– О, спасибо. Но это не очень много, – ответил аргентинец.

Разговора, видимо, не получилось. Смутился, стало неловко, что он стоит тут еще мокрый и пытается празднично беседовать на языке, который толком не чувствует. Попрощался, пошел к своему бунгалу. Вытерся в темноте, надел сухие трусы и лег рядом с женой. Вентилятор гудел, и этот звук казался очень странным и мрачным контрапунктом в наложении на голоса и далекую музыку, доносившиеся с улицы. Что, если попробовать дотронуться до жены? Дети спали во второй комнате, отделенные от родителей пустым дверным проемом и шторкой. Можно, конечно, попробовать все сделать очень тихо. Такое условие даже будоражило – все сделать не громче звука вентилятора; жена была бы

благодарна, он знал это, но не мог переступить через какую-то неловкость, возникшую несколько лет назад и делавшую близость временами почти невозможной. Наверное, они уже были не так молоды, как раньше, и не нужно было искать другого объяснения. «Что она такое? Что я знаю о ней?» – такие вопросы возникали в воздухе и не давали прицелиться. Десятилетняя жизнерадостная дочь и пятилетний угрюмый сын – кто-то из них всегда был рядом, и становилось неловко даже просто думать о сексе.

Он положил руку на жену. Испытал возбуждение и услышал, как бьется его сердце. Жена что-то пробормотала во сне и повернулась к нему. Уже намного больше чем ничего и немного лучше чем одиночество. Он так и уснул, держась за жену в сладком предвкушении. А когда утром проснулся, все еще был немного возбужден, и это было хорошо.

После завтрака все вместе сели в небольшой катер – их привлек человек с табличкой «to the island» – и поплыли на остров. Сильно и хорошо пекло. Он купил дочке и сыну по одинаковой панамке, только разных цветов. Выпили с женой пива, и он решился поесть креветок с детьми. Загорали, потом ходили вдвоем с сыном следить за крабами, быстрыми и неуловимыми, а когда опьянение прошло – плавал, пока дети ковырялись в песке. И даже начало казаться, что теперь он понимает, что такое настоящий отдых. Тело как будто привыкло к воде, такой прозрачной и доброжелательной днем, получалось плыть легко, без судорожного усилия всех мышц сразу. Он понял, как плавать правильно, и лицо само расплывалось в улыбке удовольствия. Остановившись в воде, стоял на цыпочках, задрал подбородок, сдерживался, чтобы не смеяться в голос от почти детской радости, гладил руками морскую воду, и этот день пролетал мимо быстро и без рефлексии.

Обратно возвращались на том же катере, который вел темный азиат. Катер покачивался, пока азиат привязывал

канат к причалу. Вернулись как раз вовремя: ветер начал разгоняться.

Сначала он поддержал жену, пока та поднималась, потом легко поднял на причал сына, немного сонного к вечеру, и почти так же легко – дочку.

– Спасибо, – сказал он азиату, расплачиваясь.

Взял жену за руку и повел на берег. Было хорошо, хотелось сегодня раньше уложить спать детей и остаться вдвоем. Жена, словно угадав эту мысль, улыбнулась и поцеловала его в щеку.

– Моя шляпа! – вскрикнула дочка, вскинув руки, но не успела схватить панамку. Панамка быстро, как краб по песку, проскользила по причалу, подлетела на несколько метров и оказалась в воде. Он прыгнул, не задумываясь, рыбкой, ведь всего час назад море приняло и полюбило его. Но расстояние оказалось не таким близким. В своем воображении он доплыл до цели за несколько секунд, а в действительности волны здесь были неожиданно сильными и темными, и он совсем не приближался к дочкиной панамке. Было тяжело бороться с волнами, глотая соленую воду, еще плыл, но уже знал, что вот-вот сдастся. Это неизбежно – позорно повернуть назад, к причалу и катеру, но теперь и до них было далеко. Азиат стоял на краю, ближе всех, но его фигура ничего не выражала. Жена прижимала детей к себе, а волны становились все выше.

– Кидай круг! – крикнул он азиату, почувствовав, что утонет чуть раньше, чем доплывет. Но тот, похоже, совершенно не понимал по-русски и вообще не понимал, как можно настолько плохо плавать.

– Пусть кинет круг! Спасите!

Но вот азиат понял, в чем дело, замахнулся и как-то совсем недоверчиво, вяло, швырнул ему спасательный круг.

Когда он вылез, то только и смог выдать:

– I'm sorry to have troubled you.

Вряд ли получилось сказать это с иронией. Он обернулся заглянуть в пропасть, из которой выбрался несколько секунд назад. Панамки отсюда уже не было видно, только неприветливое мрачное море. Жена и дочь молчали, пока они всей семьей выходили на берег, а сын спросил:

– Папа, почему ты не утонул?

С мокрых шорт капало сначала на причал, потом на песок.

И он заметил, что небо здесь впервые стало совсем серым, оно как будто висело очень низко над головой и готово было упасть в любую секунду.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

1

Муж нашей классной сказал:

– Вот ваше пиво, мужики.

Он держался за багажник своей тойоты и казался немного смущенным. Не знал, что сказать, поэтому и назвал нас так панибратски. Хотя чего ему смущаться, выглядел он крутым, даже не ожидал, что у Татьяны Михайловны такой муж.

– Спасибо, – ответил я и взял две упаковки по шесть пластиковых бутылок. Свежее пиво, только с пивзавода. Оставшиеся две упаковки взял Миша. Стоял очень приятный июньский вечер, свежий и тихий, и я в этом галстуке и с пивом испытал предчувствие настоящей жизни. Или это было предчувствие пьянки.

– Хорошего выпускного, – пожелал муж Татьяны Михайловны.

– Я скоро поднимусь, мальчишки, – сказала Татьяна Михайловна.

С крыльца я видел, как она отряхивает и без того чистую кожанку своего мужа – девочка, пытающаяся казаться мамашей, – и целует его в щеку на прощание. Нашей классной было лет двадцать пять, но выглядела она как наша ровесница. Она нравилась мне внешне, и я иногда празднично думал о ней как о своей возможной девушке. Но мне очень не нравилось, как она преподавала психологию. Мы прошли тысячу тестов по профориентации, но она ни разу не дала внятного ответа, кем я могу стать в жизни. Треугольники и круги, лидерство и творчество: я сначала искренне пытался поверить в то, что в этом есть какой-то смысл, что мне дадут подсказку, но прямые вопросы загоняли Татьяну Михайловну в тупик. Казалось, она

не может справиться со своим предметом. Сейчас я простил ее, увидев с мужем. Что она могла знать о моем будущем? Молоденькая учительница, которой достались взрослые озабоченные дети. Все психологические тесты равнялись ее пустому жесту, этой попытке отряхнуть чистую куртку мужа, чтобы заполнить смущение перед бессмысленностью грядущего.

– Он назвал нас мужиками, потому что считает детьми! – вдруг сказал я Мише. Эта противоречивая мысль на минуту взволновала меня, я принял ее за откровение.

Миша ухмыльнулся:

– По двадцать литров пива детям в руки.

– По восемнадцать, – поправил я. – Ты не понял. Я говорю о том, как разнятся тут смысл и форма.

– Подожди с философией. Дай горло промочить, – ответил Миша.

Мы поднялись на второй этаж школы. За окном было видно газон и клумбы, в фойе расставили парты. Скатерти, салаты, посуда. Один мой одноклассник сидел рядом с музыкальным центром, торжественно держа бокал вина в одной руке и пульт в другой. Настя Матвеева надела синее платье. Сидела со своей мамашей. В день последнего экзамена мы целовались в засос, и она дала мне обещание, что на выпускной все будет. Как героиня какого-нибудь «Американского пирога». Сердце у меня снова забилося. Мишины родители на даче, и Настя позволит мне трахнуть ее. Я уже целых десять минут не думал об этом, но теперь снова попал в капкан, нужно отвлекаться. Наконец-то мы окончили школу и теперь выходим на свободу, подумал я театрально. Не чувствовал я важности момента. Папа сказал мне сегодня утром, что есть люди, которые всю жизнь тоскуют по школе, и что он надеется, я не окажусь одним из них. Я ответил, что не намерен тосковать по своему унылому отрочеству и что у меня есть определенные планы. Настоящие ли это планы, я толком не понимал: стать рэпером, поэтом и прозаиком. Не очень убедительное

будущее, писаное пердежом на тумане. Учителей и родителей сегодня было гораздо больше, чем выпускников. Нас всего восемь, самый маленький выпуск за всю историю школы. Наши одноклассники выбрали колледжи и техникумы, и в старших классах был недобор. Восемь выпускников и Миша, тоже ушедший из нашей школы между десятым и одиннадцатым классами; однако, мы, конечно, его позвали. И человек тридцать учителей и родителей.

Миша спросил:

– Что будем пить?

– Пиво для начала. Подождем, пока фазер уйдет.

Мне не нравилось, что директриса говорила сейчас с моим папой. Ваш сын не такой, как все, мы очень боялись за него. Я прислушивался, чтобы отвлечь их от беседы в случае чего. Не люблю, когда меня обсуждают. Да, осенью он испугал всех нас. Он тогда лежал в больнице, а потом был какой-то странный, мы думали, что он пьет. Я боялась за него, как мама. Что это такое, она флиртует с моим отцом?

Директриса пила вино, улыбалась и говорила о материнских чувствах ко мне. Миша дал мне пиво и что-то спросил. Я что-то ответил.

Директрису клонило не в ту сторону. Переживала, что ваш сын не закончит школу, ла-ла-ла. Но он молодец, закончил, всего одна тройка по математике. Мы предлагали ему идти на золотую медаль. После девятого класса предложили. Вот как? Мой папа ничего об этом не знал. Какая уж ему медаль, он, кажется, стыдится хорошо учиться. Да, он странно повел себя на экзамене, хотя все знали, что он лучше других в математике. Наверное, нервничает, экзамены – это всегда стресс, но он сильный ученик. И в литературе, да, хорошо, что кто-то поступает на филологический факультет. Хорошо, что именно он поступает. Одинокая душа ее встрепенулась, вспомнив, что мой папа филолог так же, как и сама директриса. Муж ее наверняка получил какое-нибудь более полезное образование.

Сейчас она вспомнит, как я единственный выучил стихотворение «На смерть поэта» в девятом классе. Но кто-то спас меня и папу от ее воспоминаний, предложив тост. Папа отвлекся от директрисы. Ученики приглашают учителей на медленный танец! Миша тут же пригласил Татьяну Михайловну, а я – сорокаосьмилетнюю учительницу химии. Я поглядывал на Настю, скупающую над тарелкой, – вместе мы или нет?

Танец закончился. Папа напомнил мне, что завтра мы едем на свадьбу моей сестры и что в полдень я должен быть дома, трезвый, чистый и собранный. Он ушел. А я только этого и ждал.

– Миша, пойдём! – сказал я.

Я также подозвал Настю Матвееву и одноклассника. Тайком прошли в кабинет с табличкой «Психолог». Здесь лежали наши вещи, среди которых была припрятана водка. Пока Миша наливал в пластиковые стаканчики, я поцеловал Настю. Все было в силе.

2

Сначала у меня не было рук, ног и туловища. Мы накурились. Я целовал Настю, не чувствуя своего тела. Были только мы – то есть наши большие губы. Еще был враждебный смех, который усиливался, стоило обратить на него внимание. Это Миша и Тимофей ржали на кухне, и им подвизгивала одна из моих одноклассниц. Они все ухахатывались, их накрыло, а меня это пугало. Мне хотелось отмахнуться от их смеха, он очень мешал, так что хотелось выключить звук, оставить только ощущение губ. «Чтобы были одни сплошные губы», – сказал Маяковский, и опять назойливый смех, неужели я еще девственник, не мешайте мне, у меня нет рук, «одни сплошные губы», «целовать, целовать, целовать». Если бы я не врал, что у меня уже был секс, все бы получилось.

Было бы неплохо, если бы Тимофей разоблачил меня с высоты своего опыта. За два года блядства в университете он же мог научиться отличать девственника от начинающего ловеласа, за которого я себя выдавал.

Тимофей сказал бы мне:

– Почему ты этого так стесняешься? Все мы через это прошли. Не сразу начало получаться. Все еще будет.

И я бы раскрылся, стал относиться к своей девственности проще. Все получится, время придет. Но Тимофей сейчас ни при чем, пусть подавится своим смехом на кухне. Я – здесь. У меня появились руки, и этим рукам было позволено дотронуться до Насти. Можно было трогать, но нельзя было снимать платье, можно было целовать губы, но нельзя было прикасаться к тайне. Мою одежду тоже нельзя было снимать, и я до сих пор кувыркался тут в белой рубашке, как пьяный чиновник. Стоило дойти до молнии на платье, и Настя говорила «нельзя» и отбрасывала меня к началу лабиринта, к нерешительным поцелуям. Я привязывал нитку и шел коридорами, целовал плечи и уши, пробирался к ее глазам и губам. Нужно было найти комбинацию, несколько рычагов, но множество позиций, если не угадываешь, опять оказываешься у порога, если делаешь все правильно, целуешься уже по-настоящему. Губы вспухли и размазались по лицу, пока я блуждал в потемках. Контур комнаты и наших тел растаяли, тьма залила все формы, но и смех стих. Я уже не надеялся на что-то, но вдруг двери распахнулись, и утро упало на простыни. Полоска рассвета освещала голую Настю, и мне был дан зеленый свет. Я не верил глазам. Я еле стянул рубашку, потому что не было возможности растегнуть все пуговицы моими неумелыми руками новорожденного. Но, когда я снял штаны, понял, что ничего не выйдет.

– Что такое?– спросила она.

– Ничего.

Ничего. Просто с моим организмом происходило что-то странное. У меня не было эрекции, но при этом я отчетливо

чувствовал, как семя протекает в трусы. Никакого удовольствия в этом не было. Уши мои горели, я оказался шарлатаном на этом празднике, а Настя тем временем даже попыталась проявить инициативу. Она дотронулась до моих трусов, намекая, что можно снять их, не ведая, что за ними ее не ожидает ничего хорошего. Я аккуратно оттолкнул ее руки, положил их на кровать, а сам наклонился к месту, в которое стремился попасть всю свою сознательную жизнь. Что-то нужно было сделать. Перед глазами плясали разноцветные пятна и зигзаги в броуновском движении, голову как будто накачали воздухом, и я ворочал лицом, пытаясь поймать все эти яркие точки и линии, пока не отключился, уткнувшись носом Насте между ног. Она трогала мою голову и звала издали. Но меня не было.

Я вышел на кухню. Миша сидел тут один, как царь, спал, положив голову на свои руки. Я немного прибрался на столе, помыл стаканы и вытряхнул окурки из пепельницы. Старался занять себя и надеялся разбудить Мишу. Закурил и глотнул выдохшегося пива. Миша открыл один глаз и несколько секунд наблюдал за мной.

– Оставь мне, – сказал он.

Я протянул сигарету. Он затаился и тут же вернул ее обратно. Расправил плечи и, промотав на сверхбыстрой скорости вечер и ночь, спросил:

– И как?

– Отлизал, – ответил я. – Лучше бы ты не курил со мной.

– Кунилингус, – сказал Миша и засмеялся.

Мы не раз шутили по этому поводу, и на этот раз я все преподнес как шутку. Тем, что я сделал такое, я нарушил серьезное гоп-табу и пока не знал, стоит ли делиться опытом. Я даже не мог понять, как я сам его оцениваю. Нужно было подумать об этом, оставшись одному.

– А где Тимофей? – спросил я.

Миша пожал плечами.

- Ушел прямо в ночь.
- Наверное, даже прихватил подружку?

3

На свадьбу к сестре ехали на маршрутке. Папа, мачеха, я и мой сводный брат. Я весь был наполнен пустотой, но спать не хотелось.

В салоне было душно, на въезде в центральный район много машин, люди ехали на дачи, и маршрутка еле двигалась в этом потоке. Что дальше? Нужно как-то сказать Насте Матвеевой, что этот прокол ничего не значит, и в следующий раз все получится, и что я хочу, чтобы мы с ней встречались. С утра я проводил ее домой (что там провожать, они живут с Мишей в соседних подъездах), но не смог даже и слова выдать. Молча обнялись и простояли несколько минут.

В ЗАГС приехали как раз вовремя. Жених выглядел растерянным и трезвым. Сестра была в платье и с животом. Нервничали, их радость не казалась искренней. Они расписались и обменялись кольцами. Я впервые в жизни попал на свадьбу, но мне казалось, что все остальные ничем не отличаются от этой. Попытался представить себя и Настю на месте молодоженов. Наверное, Настя нормальная девушка, мечтает увидеть себя в свадебном платье. Хочет, чтобы на свадьбе гостей развлекал тамада, и стол был украшен множеством блюд. Гостей рассадили по машинам и повезли в дом свекрови. Я сел где-то с краю стола, ближе к пластиковой бутылке пива «Балтика медовое». Не хотелось ни с кем разговаривать. Папа дал мне несколько купюр, чтобы я, как другие гости, согласно традиции, положил их в трехлитровую банку. Подарок для молодых, их первый совместный капитал. Я так и сделал, и мне хлопали, как будто я сам заработал эти деньги во имя будущего счастья сестры.

ПОДРОБНОСТИ ОДИНОЧЕСТВА

– три –

Сонный, встал, проводил жену до двери и рассеянно поцеловал в губы.

– Пока, пупсик, – сказала она, – я люблю тебя.

– Пока, – ответил я.

Закрыл за ней дверь и остался один. Звуки работающего холодильника, еле уловимые перемещения соседей сверху, отголоски улицы – подчеркивали многозначительную тишину и важность минут, часов, суток, которые я проведу в одиночестве.

Чуть постоял в коридоре, прислушиваясь к этой многозначительности, и снова лег в постель.

– Жены не будет три дня, – сказал я себе, предельно тщательно проговаривая в уме каждое слово, – за это время нужно все решить.

Хотелось отключиться и проснуться с ясной головой и планом, куда жить, но сон не шел. Тогда я решил начинать день. Ополоснул лицо холодной водой, почистил зубы и язык. Стоял перед зеркалом – я не был похож на пупсика, скорее на уставшую и преждевременно стареющую обезьяну с больной душой. Настроил температуру воды, переключил на душ, забрался в ванну и задвинул занавеску. Так можно было стоять сколько угодно. В этом закрытом мирке.

– Три дня, – произносил я снова и снова, намыливаясь и смывая с себя пену, прогревая свои мышцы и кости теплой водой, – три дня, три дня, ее не будет три дня.

Жена оставила мне пятьсот рублей. Я говорил, что ничего не надо оставлять – продукты дома были. Сам я даже не собирался выходить все это время. Собирался сесть

и слушать себя. Или лучше лечь, закрыть глаза – и ждать, когда мне станет ясно: я люблю ее или больше не люблю. Только закроется дверь, и я призову помощь зала и помощь космоса, все взвешу и во всем разберусь.

Что-то произошло.

Сломался, последнее время я лежал с ней рядом ночи напролет и смотрел в потолок. Шестеренки работали, поршень не давал сбоев, но либидо и, может, душа – с ними было не так. Может быть, причина в том, что я не работал уже третий месяц. Вроде находил подходящую вакансию, записывался на собеседование, но меня не брали. Прочитывали в моих глазах, что я о них думаю.

Корпоративные фашисты, думал я. Мне бы только залипнуть на нижней ступеньке карьерной лестницы, думал я, поднабраться сил и восстановить баланс, а потом снова очнуться и бросить вас, пидорасов, при первой возможности.

Но все же и чувствовал, что мне нужно влиться в систему ненадолго. Чтобы почувствовать себя человеком хотя бы настолько, чтобы снова сойтись – как раньше – со своей женой. Только не сходясь с женщинами близко можно оставаться животным и не испытывать чувства вины. А когда ты с одной женщиной, и нет работы и нет желания скорее вернуться домой с работы – то нет и уверенности в себе, читай, нет мужества.

Но дело не только в этом.

Жена лежала рядом ночами. Что это за человек? Теплая, нежная, преданная – спала. Днем она любила меня, зарабатывала деньги, отдаленно планировала родить ребенка (размножиться) и впадала в мгновенное отчаяние при мысли, что я уйду. А ночью спала, обнимая меня во сне, пока я смотрел в угол темноты и хотел исчезнуть. Зачем же мы друг другу, если все это случайность? Я должен встать и уйти и жить как-то дальше, не мешая тебе, ничего не будет, думал я, молодость прошла.

Куража не будет, я не смогу поцеловать собственную жену, не смогу поцеловать взасос, не смогу поцеловать, как можно целовать только единственную желанную женщину.

Ладно, сейчас уже нужно было выбраться из дома и подумать ногами. Я взял деньги, пятьсот рублей, прошелся из комнаты в кухню, зачем-то заглянул в холодильник. Привычка заглядывать в холодильник: перед уходом и когда вернусь. Просто заглядываю и не думаю. Что-то там вижу или чего-то не вижу, как робот, тут же, как правило, закрываю без всяких выводов. «А чего я там ищу?» Да может, я и есть робот, и бываю счастлив только во время тяжелой работы? Это так, просто у меня какой-то сбой программы, что начальники кажутся мне мудаками.

В холодильнике была водка. Отметил это зачем-то – подозрительно подчеркнул, хотя и как будто самым дальним внутренним голосом. Я уже довольно давно бросил пить. Бутылка осталась от гостей, приходивших неделю назад. Сам я теперь на вечеринках пил только пиво «Бавария Малът» с содержанием алкоголя ноль целых ноль десятых.

Я прошелся до метро, пытаюсь вдохнуть раннюю весну и эту капель, перешел Широкую улицу и повернул обратно к дому – только по другой стороне.

Можно было зайти в кинотеатр, там убить часть времени и денег, но одному смотреть кино в темном зале чужих людей казалось жутким. Да и не так я люблю кино. Последнее время я не читал, не смотрел, только все копался в мусоре, сортировал его, но порядок в голове навести не удавалось. Ну и готовил ужин, жена приходила с работы, рассказывала, как прошел день, и мы ели.

Я зашел в магазин «Патэрсон». Может, фруктов купить – не знал, чего хочу. Прошелся через несколько отделов, так, с корзинкой. Сердце мое замерло – я автоматически боковым зрением следил за охранниками. Я теперь, как правило,

воровал продукты, покупая только то, что подешевле и занимает достаточно места на ленте перед кассой: в основном крупы, хлеб и питьевую воду. То, что дороже: грибы, салат из спаржи, соевый соус, орехи, хороший сок, хороший чай, мед – потихоньку распихивал по отделам сумки и карманам, гуляя по залу. Так я поступал, потому что почти семнадцать из двадцати четырех тысяч зарплаты жены уходили на оплату квартиры.

Наверное, можно было бы прожить и без воровства, если грамотно все продумывать. Ведь пропитание двух вегетарианцев обходится дешевле, чем пропитание двух трупоедов. Но мне не хотелось, чтобы жена чувствовала разницу в этом плане между теми месяцами, когда я работал, и новыми временами, когда я безуспешно пытался работу найти. Хотя она как будто была готова посадить меня на шею и ждать столько времени, сколько мне понадобится.

Мое внимание привлекла акция: вермут «Чинзано» – 199 рублей бутылка. И я вдруг резко решил, что напьюсь. То есть решение это назревало с тех пор, как я увидел водку в холодильнике, а теперь я его осознал и распробовал. Мне нужно немного отравиться, я слишком долго пытался стать чистым и здоровым, настолько долго, что перегнул палку.

Как все просто – взять и напиться.

Две бутылки я положил в корзину, прошел до отдела с салатами. Выбрал себе винегрет – уже упакованный, 300 грамм за 36 рублей. Потом до отдела с крупами – упаковку геркулеса за 10.90. Винегрет и геркулес мне нужны не были, просто редко я решался что-то украсть, ничего не купив. Потом ушел в бытовую химию и переложил бутылки вермута в сумку. Огляделся – меня никто не пас. Можно было идти к кассам.

Выбрал самую маленькую очередь. Когда освободилось место, положил на ленту винегрет и геркулес. Впереди меня человек расплатился. Кассирша провела мой товар –

и я уже собирался платить за малое и уносить большое, но вдруг у меня защекотало в животе, так стало невыносимо, даже давление в голову дало от напряжения.

«Я же собираюсь воровать бухло!» – мысль, вспышка отворачивания к самому себе.

И я раскрыл сумку, чтобы вытащить две бутылки. Касирша вылупилась на меня, но ничего не сказала. Сосчитала штрихкоды с вермута, а я протянул пятисотку.

– Пакет надо? – спросила она.

– Не надо, спасибо, – сказал я, засовывая бутылки обратно в сумку. Бутылки, потом винегрет и геркулес.

Она тщательно осмотрела купюру под ультрафиолетом детектора и выдала мне сдачу: 56 рублей N копеек, которые я отдал первому пьянице, собиравшему себе на анестезию возле магазина.

Как только зашел в квартиру, не разуваясь, я достал бутылку и сделал несколько глотков.

Все произошло, как я и ожидал. Как будто не было этого года. Как будто я бросил пить только вчера. Яд легко прошел внутрь и сразу расположился в моем теле: «Я дома».

– два –

Проснулся совершенно разбитым, помятым, отравленным. Похмелье было неожиданно сильное – желудок ныл, предупреждая о неминуемом поносе. Я сходил на кухню, выпил воды и снова лег.

До вчерашнего дня я не пил примерно год. Вегетарианцем был месяцев десять – тут я взял пример с жены. Из них шесть месяцев веганом – тут я пошел дальше нее.

Помнится, раньше я почти не болел с похмелья, если пить один день. Как сейчас я чувствовал себя только после трех-четырех дней куража. Значит, вот как ложится

алкоголь на веганство: плохо ложится. Сейчас я валялся, то ныряя в потемки, то выныривая обратно и вглядываясь в резко переломанный вчерашний день.

Так, сначала я пил чинзано с соком, потом стал добавлять в коктейль водку. Потом сок закончился, и я стал мешать новый коктейль: чинзано, водка и вода из фильтра, а потом уже просто чинзано и водка, пятьдесят на пятьдесят. Целый день выпивал, что-то ел, сидя за компьютером.

К ночи я был пьян как ноль. Нашел сигареты, когда-то оставленные гостями, курил, слушал музыку и барахтался на волнах интернета, как бухая рыбина.

Я и забыл, какое обостренное чувство одиночества дает отравление алкоголем. Просыпаешься утром – кусок оголенного провода, выброшенный на задворки жизни. Просто невозможно быть одному. Эрекция и желание быть любимым – жалобный стон, который хочется заглушить первыми попавшимися объятиями.

Мне просто срочно нужно с кем-то поцеловаться.

Я решил, что постараюсь провести с кем-то время. Выйти, не знаю, прогуляться с какой-нибудь девушкой и попробовать ее поцеловать. А все мысли о жене старательно задвигал. Как-то неожиданно легко я переключился в иной режим существования, и хотя я знал, что так происходит только потому, что организм отравлен, меня меньше волновала моральная сторона, чем необходимость получить дозу алкоголя и плотской любви. Как если бы резко развернулся и пошел вместо стороны «А» в сторону «минус А».

Сел за ноутбук – он так и остался невыключенным после моей пьянки в стиле «интернет-бар Креведко».

Ладно, проверил почту, проверил новые сообщения на сайте «ВКонтакте». Ничего интересного не пришло.

Тогда я вбил свое имя на яндекс-поиске по блогам. Я так постоянно делал – надеялся, что вдруг кто-то напишет обо мне в своем блоге, но, как правило, никто ничего не писал. Кроме одного неясного поста на твиттере. Собственно, я уже месяц почти каждое утро натыкался на этот пост. Единственный пост, героем которого, возможно, был я.

Девушка писала, что не видела меня (моего полного тезку?) с сентября. И после добавляла: «глупая Лина». Это все.

У меня было подозрение, что это могла быть знакомая, с которой мы вместе работали летом в магазине одежды, – Галя. Я решил, что, может, это она так вот исковеркала свое имя – убрала первый слог из имени «Галина», – чтобы кавалеры кругом сходили с ума, вертелись подле нее и произносили нежно эротичное «Лина». Галя мне казалась одной из тех девушек, которые любят всю эту ерунду, интересных людей, быть в центре внимания, слушать комплименты. «Лина» – она могла бы додуматься до такого идиотизма. У меня лично была ассоциация лишь с одной порноактрисой, и не очень, на мой взгляд, хорошей.

Ну да, скорее всего, это была она, Галя. Первое время мы переписывались на «вКонтакте», когда она уволилась (студентка, устраивалась только на лето, я же отработал в этом магазине до зимы), а потом от нее больше не было вестей, и я удалил ее из «друзей». Я всегда так делаю, если перестаю с кем-то общаться, не хочу, чтобы «друзья» в сумме переваливали за полтинник.

Я основательно посидел на унитазах, принял душ, вздрочнув по ходу, выпил две чашки зеленого чая и позавтракал овощной смесью «Хортекс». В целом полегчало, но желание срочно оказаться в объятиях женщины не оставляло меня. Я бессмысленно переходил со страницы на страницу в интернете и прикидывал способы снова напиться. Хотелось пойти в гости.

В ICQ сначала и поговорить было не с кем. Я иногда открывал список контактов, проглядывал его и убеждался, что никто, с кем бы я, возможно, захотел провести сегодня время, еще не проснулся.

Но вдруг обратил внимание: tytyulechka в сети. Это была моя старая знакомая по институту – Инна. Симпатичная девушка, хотя и немного блядь, я не знал, чем она занималась сейчас и где жила. Мы не виделись с тех пор, как я уехал в Москву. Иногда она мне напоминала о своем существовании, кинув какую-нибудь бесполезную ссылку или поздравление с дебильным праздником.

Да, было, в институте я как-то пытался приударить за ней, но ничего из этого не вышло – она меня не захотела.

«Привет. Как сама?»

Скоро я узнал, что Инна тоже живет в Москве уже несколько месяцев. Это на меня резко подействовало, и я стал нести какую-то совершеннейшую пургу. Что часто думал о ней, что дико желал ее раньше, что желаю до сих пор. В общем, у меня почти сразу поднялся член и помутнел рассудок от возможности секса прямо сегодня, и от того, что я Инне печатал, и еще больше от того, что при этом себе воображал. Она сначала была немного отстранена: «Полегче-полегче», но потом подтаяла. Я даже сказал, что был влюблен в нее, и, возможно, сейчас это чувство не умерло. Она отказывала мне раньше, потому что я казался ей слишком умным, ответила она. Это ее в мужчинах отталкивало, ей нужны были самцы, быки-осеменители, которым философские вопросы не мешают ставить пистоны.

«ДА ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ТОЛЬКО ПОМОГАЮТ МНЕ!»

Хотя до этого момента никто ни разу не упрекал меня за излишек ума.

Все годы учебы я внутренне дымился, думая о ней, и никакой тебе взаимности, – нажимал я. Ладно, чтобы дать мне

остыть, она спросила, чем я занимаюсь. Я сказал, что почти ничем. О женитьбе, само собой, рассказывать не стал, но зачем-то рассказал ей, что умею воровать продукты и даже шмотки, поэтому получается сводить концы с концами. И это ее, похоже, сильно заинтересовало.

«Вот это заводит», – написала она.

Готово, решил я. Дело в шляпе.

И сказал, что я с радостью научу ее этой игре. Нас ждут страстные и авантюрные времена, полные сексуальных приключений, полушутит я. Она этого хотела, это ее заводит, отвечала Инна.

Какая дура, ликовал я, стуча по клавишам.

«Ты сегодня работаешь? Когда я могу приехать к тебе?»

Наверное, от меня или хотя бы от моего члена можно было прикурить в этот момент.

«Я сейчас по делам не в Москве, давай встретимся в понедельник», – ответила она.

У меня моментально все опало. Инна нужна была мне строго сегодня. Я почувствовал себя полным идиотом, представляя, как это выглядело со стороны. Целый час истекал слюной, сидя за клавиатурой, и дымился, как больной старикан под действием волшебной таблетки, предвкушающий последний и самый главный трах в его никчемной жизни.

Гори в аду, tytyulechka, чертова дурища, подумал я и выключил ICQ не попрощавшись.

Я лежал на диване и листал список контактов, записанных в сотовом телефоне. Даже и не подозревал, но оказалось, что у меня сохранен номер Гали (Лины?). Проверил баланс – денег хватало как раз на одну смс. Написал ей на латинице, чтобы уместить текст в тело одного сообщения:

«Eto ty napisala pro menya post ot imeni Lina? U tebya choto est' ko mne?»

Пока ждал ответа, успел выпить чай и еще раз почистить зубы. Ответила она нескоро – наверное, спала или училась.

Но ответ пришел:

«Да, я. Чтоб тебя не обидеть, скажу, ты достаточно красив, чтоб иногда вспоминать тебя».

Мне понравилось, что она ставит знаки препинания в смс. Хотя, ничего особенного, она вроде училась на иностранных языках. То есть прежде чем начать учить английскому, немецкому и французскому, должно быть, их проверяют на знание русского языка. Я собирался написать ей смс с интернета, но сайт МТС не загружался, и я отправил просьбу перезвонить. «Скинул бомжа».

Она позвонила сразу.

– Может, тогда погуляем по какому-нибудь торговому центру? – спросил я сразу, без всяких приветствий.

– Торговому центру? – уточнила Галя, чтобы получить маленький запас времени. Ну да, она привыкла, когда спрашивают: «Как дела, красотка?!» А потом говорят: «И правда, это же глупость, невозможная глупость, ошибка, что мы не виделись с самого сентября!»

– Ну да. По торговому центру, чтобы поднять мне настроение.

Потом все-таки сдался и сказал, то что она хотела.

– Да, мне нужна одна небольшая красотка по типу тебя в компанию.

Договорились встретиться в ТЦ «Европейский» в три часа дня.

Я побрился и не сразу решил, что мне надеть. Шмоток у меня было довольно много, раньше часто покупал, а когда работал в модном магазине одежды, там выдавали форму раз в два месяца. То есть я получил комплект дважды. Плюс мы с женой немного наворовали. Мы делали просто, так же, наверное, как делают все остальные. Когда я стоял на примерочной, то что-то подготавливал к приходу жены: джинсы или блузку для нее, кардиган, например, для себя, –

разбипировывал – ломал защиту от кражи. Эти биперы ломаются очень просто, если научиться. А жена выносила. Она очень милая и честная девушка – никто бы ее никогда не заподозрил в таких делах. Если я оставался на поставку товара в ночную смену – брал трусы и носки для себя и нее. Женское прятал по карманам, мужское надевал на себя. Двое трусов и по два носка на каждой ноге – возвращаюсь домой после тяжелой рабочей ночи. Сумки, естественно, нам, сотрудникам низшего порядка, на выходе проверяли менеджеры и охранники. Но в штаны и карманы никто не лез.

Я надел узкие черные джинсы и красную рубашку в крупную клетку. Дальше – бежевое пальто с капюшоном и белые кеды. Если долго не торчать на улице – и в кедах нормально. Мне показалось, что этот комплект одежды оптимальный, чтобы Галя со мной сегодня поцеловалась. Мысли вертелись только вокруг ее губ, она была симпатичная, да, немного похожая на еврейку и симпатичная девушка. Я уже чувствовал, как будет приятно ее поцеловать. Выходить еще было рано, но я был уже одет. Поэтому я открыл окно, чтобы не было жарко, и расхаживал из кухни в комнату, трогая себя за губы и даже целуя свои пальцы, как будто это Галя.

Нужно было взять с собой немного жвачки. У нас на кухонной полке валялась краденая пластиковая коробочка на много дней. Я отсыпал несколько подушек в салфетку, завернул, сложил в карман и решил выйти немного раньше времени.

В коридоре я еще раз посмотрелся в зеркало: в этой одежде выглядел очень хорошо, даже несмотря на похмелье.

На станции Медведково никогда не было милиции. Пост есть, само собой, но ментов нет. Через турникеты перепрыгивает тут обычно человек в минуту в людное время и человек в пять минут в спокойное. Постоянно раздаются вялые

свистки старой птицы из операторской будки, но это никого не волнует. Даже интонация у этого свиста уже унылая, по которой ясно, что свистят, чтобы соблюсти глупое правило, от которого нет никакого толку. Вот и я перепрыгнул, как уже перепрыгивал тысячу раз. Вернее сказать, не перепрыгиваю, а просто опираюсь руками, отталкиваю и проношу тело быстрее, чем успевает сработать турникет. Он клацает уже за мной, полусонный свисток, и я иду на эскалатор.

В поезде я выбрал саундтрек к поездке. Поставил в плеере группу My Own Private Alaska – безумное скримо под медленное пианино. Вокалист вопил, как будто его жарят на самой модной сковородке: «Дай фо ми!», «Кам ту ми май литл принцес!» и многое другое, что я не смог разобрать. Мне эта подача плюс отчаянное стильное пианино нравились. Но от такого крика в наушниках, шума и скорости поезда меня быстро укачало. Видимо, еще давление поднялось, так что ближе к Проспекту Мира пришлось выключить плеер. Уже целый год я не носил с собой таблеток от давления, на год я забыл о них: с тех пор как бросил пить, давление меня не тревожило. Я еле перешел на кольцевую линию и уговаривал свой организм потерпеть до станции Киевская. В глазах потемнело, похмелье вернулось, и я уже жалел, что выбрался из дома. Чертов самец, говорил я себе. Бедный мальчик, пососаться ему захотелось. Доехал, вышел, но время тянулось очень медленно, эскалаторы на Киевской очень длинные, скорее наверх, но там небольшая группа ментов – сейчас-то они заинтересуются, что это за торчок в пальто, – но нет, мне удалось выйти на улицу.

– Розы, покупай розы! – накинулся на меня хачик в кожанке, как будто я был ему что-то должен. Я обошел его, глубоко вдыхая воздух и уворачиваясь от идущих навстречу прохожих, отпустило.

Мы забились встретиться у главного входа в «Европейский», только я понятия не имел, который вход тут главный.

Никогда не задумывался на этот счет. Каждый в принципе подходил и не подходил под такое определение. Я подумал было, что главный тот, что ближе к центру площадки между центром и вокзалом, но это был не вход номер один. Можно было обратиться, например, к охраннику, но меня тарасило, и простой диалог типа «простите, не подскажете» сейчас был мне не по зубам. Поэтому я уже начал обходить здание, чтобы проверить все входы и еще немного проветриться, когда получил смс.

«Извини, опоздаю на полчаса. Будь внутри, я тебе позво-
ню».

И у меня совсем пропало желание целоваться с Галей.

Конечно. Как я сразу не догадался, что она опоздает. А я уже рассчитывал, что она купит мне таблетки андипала и минералку без газа, чтобы мне полегчало. Зашел в торговый центр, плыл мимо витрин, стараясь глубоко и медленно дышать, чтобы успокоить свой организм. Я бы плюнул на эту встречу, уехал, но в метро мне сейчас точно стало бы еще хуже.

Мы поцеловались в щеку.

– Хорошо выглядишь, – сказала она.

– Здравствуй, Галя, – ответил я строго, – я тут чуть не умер от похмелья.

Она оглядывала мой прикид, явно была рада меня видеть, и я немного остыл. Не захотел ругаться.

– Ты же не пьешь, – напомнила она.

– Вчера вот попробовал. И сегодня тоже попробую, – и невольно заметил:

– Ты поменяла прическу?

Галя дотронулась до своих волос. Ей было приятно.

– Пойдем куда-нибудь, где можно сесть, – сказала она.

Мы пошли по этажу.

– Только у меня нет денег, – на всякий случай уточнил я.

Ну, она так и поняла, когда я скинул просьбу перезвонить. Так я больше не работаю в «Топшопе»? Уволился еще в декабре, с тех пор живу абы как. Ничего, у нее есть немного денег. Хотя теперь у нее почти не осталось учеников (да, она подрабатывает репетиторством), родители ей пока еще посылают. Я сказал, что написал ей из-за этого поста. Что сегодня проснулся, мне очень хотелось целоваться, и тут я наткнулся на ее пост. Очень захотелось увидеться.

– А, я давно его написала, – как бы оправдываясь, сказала.

– Но я с тех пор хуже не стал, – попробовал я.

– Нет, не стал.

А моя девушка, что с ней? – вспомнила она. Я не стал говорить, что мы уже успели расписаться. Выбрал другую часть правды:

– Не знаю, что у нас с ней. Не могу понять. Конец всему или, может, только начало.

Нужно было отсюда выбираться. Мне здесь уже надоело. Я сказал ей, что уже успел посетить несколько магазинов и думал даже украсть что-нибудь, но из-за самочувствия не решился. Она предложила доехать до Улицы 1905 года. Сесть в кафе и ждать ее приятеля, который в нее безнадежно влюблен. «Не знаю, выдержи ли я новое знакомство», – сказал я. «Да ладно, – говорит она, – нормальный парень, Толя, подождать его, потом выпить». Ладно, станцию или две на метро я еще выдержу, если потом мне сулит бухло. Мы пошли к выходу. Я незаметно от Гали развернул салфетку, достал одну жвачку и сунул себе в рот.

– Галя, я надеюсь, ты захочешь со мной сегодня пососаться.

– Фу, слово какое. Со школы его терпеть не могла, – сказала она и как-то тронула меня за рукав. – Только не называй меня Галей.

Я чувствовал, что можно попробовать прямо сейчас, и, скорее всего, она ответит на поцелуй. Но напора мне хватило только на разговор. Действовать я еще не мог.

Сначала сели в «Кофе-хаусе». Я попросил Гаю заказать мне две бутылки пива и не знал, куда деть себя, пока она делала заказ. Руки мои дрожали.

– С непривычки, – оправдывался я, – не знаю, что такое. Трясет меня.

Себе она заказала чай с сэндвичем или каким-то бутербродом. И все пыталась заставить меня откусить. Я напомнил ей, что не ем такое.

– Пока никто не видит, – подначивала она.

Я не понимал, серьезно она хочет мне это скормить или считает это остроумной издевкой. «Съешь хотя бы кусок салата», – настаивала она. «Этот салат соприкасался с трупом!» – отказывался я.

К приходу приятеля Гали я уже освежился и словил первую ступень куража. Галя успела рассказать мне про двух своих кавалеров. Я понял только, что она охотно водит их за нос, а спит ли с ними – не понял.

Нет, Толя, которого мы ждали, не один из них.

Вот он пришел и уселся на стул, глядя на мир прикрытыми глазами. Он тоже был пьян или прикидывался, что был пьян.

Галя представила нас друг другу

– Я сегодня сдал гос и выпил коньяка, – дал знать он.

– Так люблю, когда Толя пьяный, – сказала Галя.

– Тогда я буду его называть строго Онотолей. Какая оценка-то?

Онотолей оживился и стал рассказывать, как сдавал экзамен. Наверное, он все-таки был пьян. Я отошел в туалет, уселся на унитаз и почувствовал, что голова немного кружится. Мне вдруг захотелось домой. Хотелось быть дома, когда жена позвонит. Вдруг почувствовал, что соскучился.

Я вышел и сказал, что иду домой.

Но через полчаса сидел в каком-то дорогом баре. Меня поили пивом, двести рублей кружка, Онотолей и сам его пил, а Галя пила шампанское. Уже второй бокал сделал ее пьяной. Она смотрела то на меня – я сидел рядом с ней, – то на него – он сидел напротив. И часто хихикала по ходу разговора ни о чем.

Когда Онотолей вышел в туалет, я решил проверить, правда ли Галя пьяна. Она выглядела растерянно и одиноко. Решил проверить, чего от нее можно добиться. И я первый и последний раз назвал ее так, как она хотела:

– Лина, ты в порядке?

И взяв за подбородок, повернул ее лицо к себе. Она сама меня поцеловала, как-то тревожно и просительно. Может, именно такой поцелуй Онотолея сделал Рабом Любви. А я как бы вышел из своей головы, отстранился и ни о чем не думал. Для меня этот поцелуй ничего не значил, даже никакого электрического заряда в паху не возникло, хотя и было приятно.

Онотолей вернулся, и я сам пошел отлить. Заодно умылся холодной водой и подумал: «Хватит». Нужно было уходить домой. Какое-то время я просто стоял в туалете перед зеркалом и раскачивался на ногах – с пятки на носок. Просто хотелось немного растянуть момент, в котором я один. И тут позвонила жена.

– Привет, – сказал я.

Она извинилась, что не позвонила раньше. Гуляла с мамой, сказала она, ходили по магазинам. Ничего страшного, я так и подумал, что она проводит время с мамой. Чем я занят? А меня юная парочка, малолетки, ха-ха, типа тебя, двадцать один год, позвали прогуляться. Вот сидим сейчас в заведении.

Я использовал слово «общаемся».

Что я пью спиртное, говорить не стал. Она ни разу не видела меня пьяным. Мы познакомились, как раз когда я уже

бросил. Мы почти сразу стали жить вместе – жена (тогда еще не жена) как раз искала соседку, и тут в ее жизни случился я. Потом я почувствовал, что мало одного отказа от алкоголя, и отказался от мяса. Я легко на это решился, глядя на нее. Сначала млекопитающие, потом курица и рыба. Потом отказался от молочного и яиц.

Первое время мне казалось, что ум стал яснее, что я лучше различаю звуки и запахи, что ближе к пониманию смысла существования.

А осенью я предложил ей расписаться. Для меня это было как скромный дар друг другу. То есть даже если мы расстанемся и уже не будем вместе, какая-то часть одного останется второму навсегда.

Наверное, это была ошибка, ведь я знал, что в ста процентах случаев отношения портятся, как только люди становятся «мужем и женой».

– Ты не разлюбил меня?

– Нет, не разлюбил.

Попрощались, и я поплыл через бар, слишком дорогой для меня, бар с гардеробом и камином, со взрослыми людьми и юными дурами/дураками-красавцами.

Онотолей с Галей озадаченно разглядывали счет. Думали, что это будет промежуточный счет, но Галино шампанское оказалось слишком дорогим, чтобы продолжать тут сидеть. У Онотолей не хватало денег расплатиться, поэтому Галя расплатилась по карточке с условием, что дальше в этот вечер будет башлять он.

– Поехали в «Место». Мне там дают в кредит, – предложил Онотолей.

Я уточнил, идет ли речь о магазине одежды? Да, там же есть бар, пояснили они, прямо в магазине.

– Чувак, пойдём. Угощу вас сидром.

И я пошел.

«Место» закрывалось через двадцать минут после нашего прихода. Но тут еще пока были люди – несколько вялых модников примеряли одежду или просто проводили время. Мы сели в баре, и помимо нас здесь были только два парня с шахматами и чаем. Онотолей взял в кредит 3 маленьких бутылки напитка «Сидр». Мы медленно пили и решали, куда теперь пойти.

Я думал, было, позвать их к себе, но удержался. Шло к тому, что Галя может захотеть, чтобы я ее трахнул. Либо все это игрушки, конечно, но рисковать не хотелось. Хоть после звонка жены я решил ничего такого не делать, но все же отдавал себе отчет, что алкоголь мог это сделать и за меня. А если тому и суждено произойти – точно не в квартире, за которую жена платит почти всю свою зарплату.

Я быстро допил и решил померить кофту, толстовку, рубашку, несколько шмоток вообще, пока они делают звонки и устраивают нам вписку на ночь.

Одна толстовка мне понравилась. Я никогда прежде не позволял себе воровать одежду в таких магазинах. Одно дело, сети магазинов, другое дело отдельные небольшие точки, существующие сами по себе. «Место», например, «Кархарт» или многочисленные скейтшопы без всяких ворот на входе и без защиты, украсть в которых было бы проще простого. Но я прежде не переступал через сочувствие к хипстерам, скейтерам и юным глупым стилистам, работающим тут продавцами, – наверняка им приходилось расставаться с ощутимой частью зарплаты из-за воров.

Хотя шмотки мне тут нравились.

Одна толстовка смотрелась очень хорошо. Простая толстовка с принтом спереди: зеленая бутылка со спящей счастливой амебой внутри. Я померил эту вещь в первую

очередь, потом померил остальное. Потом неожиданно для самого себя опять надел полюбившуюся толстовку поверх собственной рубашки, сверху надел свое пальто и застегнулся. Выглянул из примерочной – не палят ли меня продавцы. Собственно, я даже не понял, один тут продавец или два продавца. Там в общей сложности было четыре человека возле кассы, и кто из них тут работает, а кто просто чалится, было не ясно. Они увлеченно трепались, и им, похоже, было плевать, вынеси я хоть полмагазина. Как я понял, разговор шел о музыке. Наверное, обсуждали последний альбом группы Foals, а может, и того хуже – группы Interpol. Говорили о музыке или планировали поход в клуб «Солянка».

Я повесил вещи на плечиках приблизительно туда, где их взял. И между вещами – одни пустые плечики. Зашел в туалет помочиться и вернулся к нашему столику. Мои сегодняшние спутники как раз только допили сидр и нащупали способ закончить вечер.

– Едем к Тане, – сказала Галя, вставая и начиная застегивать куртку.

– Хорошо, – ответил я, – мы сможем там остаться на ночь? И я смогу?

Потому что под пальто у меня была краденая толстовка, я ощущал себя кем-то вроде актера в сериале. Актер, который не может достоверно прочитать свой текст.

– А у нее завтра выходной?

– Суббота и воскресенье выходные, да. А насчет тебя я пока ничего не сказала.

– Я попробую ей понравиться, – сказал я, подавая Гале сумку.

Пока мы шли к метро, я сунул руку себе за шиворот и выдернул этикетку, чтобы не терла шею. В свете фонаря разглядел, что вещь стоила две тысячи девятьсот рублей. Зачем я это сделал и куда я иду с этими людьми? – спросил я у себя. Но это был неубедительный, наигранный драматизм.

Через турникет я прошел вплотную за Галей, и когда мы встали на платформе, я расстегнул пальто и показал им обновку.

– Блять, ты украл толстовку! – сказал Онотолей.

Галя наоборот обрадовалась и сказала:

– Отличная, тебе идет.

– Чувак, давай ты ее вернешь.

И они принялись тянуть меня в разные стороны. Поезд как раз подъехал, двери открылись.

И Галя говорила:

– Она ему идет! – и тянула в поезд.

А Онотолей наоборот:

– Там нельзя красть! – и тянул на выход.

Но он все-таки поддался нам, и мы все успели запрыгнуть в вагон.

– Чувак, так нельзя, – говорил Онотолей, качал головой и добавлял: – Они ведь мне в кредит дают.

Чтобы он не волновался, я сказал:

– Ладно, я верну ее.

Пока мы ехали, он еще раз сто переспросил меня, точно ли я ее верну, и только на сто двадцатом «да!» успокоился.

Таня мне сразу понравилась. Это я запомнил отчетливо. Еще смутно запомнил, как мы заходили в супермаркет перед тем, как пойти к ней. Что Онотолей купил там вина на последние деньги, а я украл две бутылки шампанского. И что потом мы пили у Тани на кухне. Таня была скромная и приятная и больше наблюдала, чем говорила. Она была на два года старше меня, и этим она мне тоже сразу понравилась. Ей было двадцать шесть лет.

А потом Галя вывела меня покурить на лестницу и сказала:

– Поцелуй меня.

А я говорил, что не могу ее поцеловать, потому что мне понравилась Таня. Галя настаивала и просила, чтобы я ее

поцеловал. Она на меня смотрела, как капризная кукла, это меня и восхищало, и смешило, но на поцелуй я не соглашался. Как-то я чувствовал, что, если поцелую Галю, мне не достанется никто – ни Галя, ни Таня. Предлагал ей целоваться с Онотолеем, который якобы влюблен в нее, но Галя отвечала:

– Ты красивее, чем Толя, и я хочу целоваться с тобой.

И теперь уж она точно не прикидывалась, что пьяна, и я был пьян, в этом тоже не было сомнений. Но в итоге она меня уговорила на несколько поцелуев в щечку. Я выдал эти поцелуи в режиме «отеческая нежность». А потом мы вернулись на кухню, ели спагетти с фасолью, и Галя обнималась с Онотолеем, и он был рад этому, хотя вроде и понимал, что это все дешевый фарс. Еще был какой-то разговор о вегетарианстве. Таня сказала, что она давно исключила мясо млекопитающих и курицу из своего рациона, но иногда ест рыбу. Тут все и решилось. Сомнений не осталось: мы переспим.

Да, с одной стороны рыбу можно и оставить. Но с другой стороны, это все равно убийство, сказал я. Ведь я тоже сначала хотел оставить рыбу. Потом хотел оставить молочное. Но потом понял, что легче прочертить четкую линию, чем соглашаться на компромиссы.

(Четкая линия, вдруг подумал я. Четкая грань, стрейт эйдж. И вспомнил, как в шутку жена рисовала мне кресты отказа на руках, а я разыгрывал супергероя – истребителя алкашей и развратников.)

Галя и Онотолей были сторонниками мнения, что убивать рыбу – меньшее зло, чем убивать корову. А я говорил, что разницы нет. Рыба тупая, это, конечно, да. Но ведь и младенцы тупые. Но мы же не едим младенцев? Но младенцы могут вырасти умными. Но ведь могут и остаться тупыми, может лучше сожрать их сразу? Или давайте будем жрать

работяг, давайте питаться гастарбайтерами? Они ведь не намного умнее рыбы? Но гастарбайтеров есть определенно никто не хотел. Я что-то доказывал, снова словил кураж. Вообще-то, я особо никогда не думал о животных. Я стал вегетарианцем, а позже веганом, только чтобы хоть как-то организовать себя.

– один –

Мы с Таней проснулись рано и готовили салат. Я был более-менее в форме, допил оставшиеся полтора стакана вина и помыл овощи: китайскую капусту, маленькие помидоры, сельдерей. Почистил две головки чеснока. Таня разрубила помидорки пополам, порезала сельдерей, а листья китайской капусты разорвала руками. Добавила зелени, нарезала кубиками черный хлеб и поджарила его на оливковом масле, а я выдавил на сковороду чеснок. Мы все это перемешали, и салат был готов. Я себе сразу отложил порцию, а остальное Таня посыпала тертым сыром. Несколько раз мы поцеловались, пока готовили. Она нерешительно – как будто птичка, не знаю, канарейка, которую кормит малознакомый человек – целовалась со мной.

До этого мы спали в обнимку. Уснули поверх одеяла и в одежде, но я помню, что много целовались сквозь сон, нежно, не вчасос.

А теперь мы сидели на просторной кухне в пластиковых креслах. Квартира с высоким потолком, бывшая коммуналка, в ней, помимо Таниной, было еще три комнаты. Две из них сдавались студентам, которые уехали на выходные, а одна была закрыта на ключ. Хозяева, сдававшие эту квартиру, использовали закрытую комнату как кладовку.

День был солнечный, и хорошо было завтракать на кухне в тишине. Мы открыли форточку, чтобы дышать свежим

воздухом. Тане было прохладно, и я отдал ей украденную вчера толстовку. Она надела толстовку и уютно подогнула под себя ноги.

– Давай я подарю тебе ее, – сказал я.

Сначала она протянула «не-э-эт», но я сказал, что так будет лучше, потому что толстовка вчера мне досталась совсем случайно, и я рад, что мы оказались у Тани. Она сходила в ванную, посмотрелась в зеркало и согласилась. Я худой, ношу размер S, и вещь была ей не слишком велика.

Мы выпили мате, и я попросился в душ.

У меня всегда были в сумке с собой маленькая зубная щетка и паста марки «Силко». Я привык их носить, когда часто оставался работать в ночную смену. Перед тем как уехать из магазина рано утром, я всегда чистил зубы. Однако гель для душа я с собой не носил. У Тани же в ванной комнате я нашел только «Палмолив». А я, хоть и стал веганом не из жалости к животным, все-таки старался использовать что-то более этичное. Не пользовался продукцией компании «Проктр & Гэмбл», в том числе гелями «Палмолив» или зубной пастой «Колгейт». Истории о том, как кроликам отрезают веки и капают в глаза гель для душа, проверяя, через какое время они ослепнут, не шокировали меня, но вызывали некоторое отвращение. Мы с женой пользовались продукцией «Нивеа», что было в этом плане проще всего.

Поэтому я почистил зубы и решил просто помыться водой без геля. Я не особо потлив, скорее наоборот, так что это было не страшно. Но я часто принимал душ, не чтобы смыть грязь, а чтобы расслабиться и смыть лишние мысли.

Над ванной висел газовый нагреватель, и я немного испугался шума, когда включил горячую воду. Залез в ванную и попробовал ни о чем не думать. Вода текла и текла, я просто отключился и поливал себя: пусть все происходит само собой, пусть все будет, как будет.

Так прошло полчаса или даже больше.

Я насухо вытерся Таниным полотенцем, оделся и почувствовал, как мне комфортно в этой квартире. Решил, что останусь здесь этой ночью. Выключил телефон и убрал его в сумку.

Таня дала нам денег. И, пока мы с Онотолеем шли за водкой и соком, он рассказал, что Галя занялась с ним петтингом и позволила кончить ей на живот. Для него это было очень важно. В этом было больше смысла, чем если бы, например, они занялись вагинальным сексом, используя презерватив.

– Это так нежно, – говорил он. – Кончить на живот девушке, которую любишь.

Я соглашался, да, это нежно.

– Ты делаешь так? – спрашивал он.

Я говорил, что делаю так всегда. Его это радовало как ребенка, и я вдруг с испугом осознал, что он мне симпатичен. Хотя я обычно сразу откидываю тех, кто часто использует слово «чувак».

Мы купили ноль пять водки и два литра сока и вернулись к Тане. Галя не пила, она была немного рассержена и растрепана, а Таня выпила совсем немного и дальше отказалась. Но мы с Онотолеем быстро прикончили выпивку: пили бодрящие коктейли, но не опьянели, а только справились.

И пока мы выпивали, я часто отрывался, чтобы поцеловать Таню и заглянуть к ней в глаза. Голубые глаза в солнечный день.

Я просил разрешения остаться у нее на ночь, но она отвечала:

– Нельзя.

Но это было неправдой. Потому что, когда Галя и Онотолей были готовы, Галя спросила у меня:

– Ты идешь?

Я ответил:

– Нет, я остаюсь.

И Таня ничего не возразила. Только развела руками. В дверях поцеловал в щеку Галю, пожал руку Онотолею и вдруг накинулся на него, как герой Джейсона Мьюза на героя Кевина Смита, изображая собаку, трахающую ногу хозяину, и воскликнул:

– Отец, это любовь!

Галя увела смеющегося Онотолея, а я остался с Таней.

Мы много целовались и разговаривали. Я спросил, сколько у нее было парней. Она подумала, посчитала и ответила, что у нее было семь парней и одна девушка. Один раз у нее была связь с девушкой. А сколько у меня было девушек? Я точно не помнил, но совсем недавно я считал в блокноте. Я достал из сумки синий блокнот, который всегда ношу с собой и показал ей. На днях я как раз считал. Получилось двадцать один.

У меня были записаны порядковые номера и фамилии (если я не знал фамилию – просто имя). Но я объяснил, что это я считал не из каких-то гнусных соображений, а просто недавно общался с другом, поэтом, а он хотел придумать себе литературный псевдоним, потому что у него фамилия Кузнецов. Вот мы и решили позаимствовать фамилию у какой-нибудь моей или его любовницы. Но так ничего подходящего и не нашли.

– А чем ему не нравится Кузнецов? – удивилась Таня.

Я объяснил, что в мире, наверное, несколько тысяч поэтов с такой фамилией. Поэтому, если хочешь быть поэтом или тем более артистом, нужна редкая фамилия.

– Ну да, точно, – согласилась она.

Я убрал блокнот и зачем-то пересказал ей фабулу одной линии эстонского фильма «Осенний бал». Фильм мне не

очень понравился, но очень понравилась именно эта история.

Зрелый мужчина распутного образа жизни работает швейцаром в ресторане. Так вот, этот швейцар приходит на работу, его напарник, швейцар-два, ведет себя как идиот. Швейцар говорит, что идет обедать. Выбирает из гардероба какой-то пиджак, оставленный гостями, и пристраивается к банкету. А банкет по поводу какого-то научного или культурного (не помню) мероприятия. Тут к Швейцару подходит умная тетя и спрашивает его мнения по какому-то умному поводу. Швейцар говорит, что не знает, ведь он просто пришел пообедать. Она внимательно изучает швейцара, и в следующей сцене просыпается у него дома в холостяцком бардаке. Швейцар спрашивает, кто она по гороскопу? Овен, отвечает умная тетя. Потом швейцар берет блокнот и пишет туда что-то. Тете кажется, что он великий поэт. Швейцар отвечает, что он просто швейцар. Как это? Я швейцар, да, говорит он равнодушно. Она собирается и уходит. У него в блокноте написано: «211 – Мария – овен».

Примерно так.

Но потом швейцар влюбляется. В ресторан приходит женщина со своим богатым муженьком, они ссорятся, она выходит к гардеробу и плачет на плече у нашего швейцара. И они тоже просыпаются вместе. Но на этот раз он счастлив проснуться с женщиной, он готовит ей яичницу, они завтракают и много смеются. Идут гулять, садятся где-то в парке целуются и разговаривают. И вдруг он говорит, что не собирается всю жизнь быть швейцаром. Что у него есть кое-какие планы, чтобы подняться. Женщина тут же скучнеет, говорит, что перезвонит ему и уходит.

Далее – сцена в ресторане. Швейцар выталкивает на улицу пьяницу. Ему говорят, чтобы был повежливее с этим пьяницей – потому что это не просто пьяница, а известный режиссер. Но швейцар злится еще сильнее и на улице

начинает бить режиссера, потом, чуть отдышавшись, спрашивает, что этот режиссер ставит. Тот отвечает, хриплый и избитый: «комедии положений». Комедии положений, повторяет швейцар и продолжает бить режиссера.

Я зачем-то рассказал все это и заткнулся. День уже неизбежно превращался в вечер.

И вдруг Таня спросила:

– У тебя же кто-то есть?

– Да, есть, – сказал я и пожал плечами.

Она сказала:

– Почему нельзя встретить человека, у которого никого нет?

Я не знал, что ответить, и мы опять стали целоваться. Я раздел ее целиком, снял свою толстовку и амебу, которую выпила бутылка, ее футболку, домашнюю юбку и плапочки.

– Нельзя, – сказала на всякий случай, чтобы снять с себя часть ответственности.

Но лежала передо мной совсем голая, как будто маленькая, и смирившаяся с тем, что у нее случится еще один мужчина. Я всегда удивлялся этому моменту и немного боялся его.

Когда происходит «плюс один».

Я начал расстегивать пуговицы на своей рубашке и вдруг замер в нерешительности.

– У тебя есть презерватив? – нашел я что спросить, лишь чтобы немного оттянуть точку, после которой возврата не будет.

Она указала мне на полку.

– Только они там давно лежат. Может уже не годные.

Я оторвал один презерватив «Дюрекс». Не знаю, тестируются ли они на животных. Про дюрекс мне ничего не было известно.

Я знал, только что не тестируются «Лайф стайлс».

И пока я надевал презерватив, пока целовал Таню и гладил, я вспоминал, как мы с женой однажды ночью обошли несколько круглосуточных супермаркетов, пока нашли «Лайф стайлс». Сейчас же я пытался сбить прицел внутренней кинокамеры, чтобы жена не попадала в объектив, пытался думать о том, как день сменяется ночью, о весне и о звездном небе. Не думать о том, что за пределами этой комнаты. Только комната, обои, кровать, фрагмент города, который видно в окно, и его звуки.

Когда все закончилось, я встал, стянул презерватив и вытерся влажной салфеткой «365 дней». Таня лежала на спине с закрытыми глазами – а я лег рядом на живот и уткнулся лицом в подушку. Мне было хорошо и невыносимо. Через минуту я почувствовал, как Таня изучает меня, беззащитно лежащего, руками и губами.

– Это кто? Гуманоид?

Я рассмеялся в наволочку от неожиданности.

Таня разглядывала татуировку. У меня на левой лопатке – счастливый красный человечек с белой улыбкой. Он поднимал правую руку с оттопыренным вверх большим пальцем.

– А что тут написано? «Ты об..»?

И мелкая надпись:

«Ты обречен».

Чуть больше чем полтора года назад, в конце лета, я работал на финском заливе строителем-подсобником. Я жил в Петербурге на выходных, а на всю рабочую неделю ездил на объект – недалеко от города Зеленогорска. У меня только закончился трехлетний роман, все выходные я пил, а в будни работал, как негр, чтобы ни о чем не думать. Один раз рано утром в понедельник я ждал электричку «Петербург – Зеленогорск» и увидел вывеску аптеки сети «Фармакор».

Этот же человек, что теперь был на моей спине, он был логотипом Фармакора, только колпак медика на голове и этот большой палец – «Класс!» – был перебинтован, улыбался мне с вывески.

Я тут же усилием воображения снял с человечка колпак, разбинтовал палец и наложил надпись. Деньги за работу я получал каждую неделю – и на первых же выходных сделал себе такую татуировку.

Я резко повернулся к Тане и с напором поцеловал ее. Полминуты спустя я проник в нее, не надевая презерватива.

В Википедии пишут, что по самым скромным подсчетам один миллиард людей в мире болеет хламидиозом, а в России им болеют в три раза чаще, чем гонореей. Широкое распространение связано, прежде всего, с часто бессимптомным течением болезни. Я дважды лечился от хламидий антибиотиками. Оба раза инфекция проявлялась одинаково – жжение при мочеиспускании примерно на третью неделю после сексуальной связи.

ВИЧ при незащищенном контакте вводящему партнеру передается в пяти случаях из десяти тысяч. То есть вероятность заражения ноль целых пять сотых процента для мужчины при вагинальном сексе.

Я кончил Тане на живот и сказал, что мне кажется, я влюбился в нее. Она попросила добавить ее имя и фамилию в мой блокнот. Теперь моя жена была не последней в списке.

– НОЛЬ –

Утром я выбрался на улицу. Видимо, всю ночь шел снег, и до метро пришлось пробираться чуть ли не через сугробы. Идти было недолго, но я все равно промерз. Неожиданное

похолодание, чувство вины, и просто трясло от похмелья, страха жить дальше и страха умереть. Все эти подробности одиночества, стыд за то, что я чувствовал, думал, говорил и делал в эти три дня куража, сжигал меня изнутри. Жена, возможно, уже была дома и тогда наверняка волновалась, и раз за разом набирала мой номер, но я не решался включить телефон. Что ждет нас дома? И думать не хотелось, как я вернусь и все ей расскажу. Я сразу вырублю ее на пороге или буду долго разминаться, вываливать по чуть-чуть и только вечером доберусь до главного.

Было воскресенье, и людей в метро заходило не так много, чтобы пройти через турникеты незамеченным. Я все равно собирался пристроиться за кем-нибудь и выбирал подходящего человека, более смиренного или более равнодушного. Но вдруг почувствовал, что не смогу сейчас подойти вплотную к незнакомцу или незнакомке. На станции «Таганская» турникеты нового образца – и если хочешь пройти за кем-то, не заплатив, надо почти прижаться к этому человеку. А сделать такое сейчас было невозможным. Мне бы наоборот на время исчезнуть, залезть в душ и отмыться, пока мир не изменится.

Я вышел на улицу и зашел через двери выхода. Но и здесь тоже долго стоял, как замороженный. Женщина из будки уже заметила меня и лениво наблюдала. Конечно, максимум, что она могла сделать – свистнуть в свисток, но мне сейчас очень не хотелось, чтобы она видела, как я подлезу под ограждением, отделяющим выход от входа. Я стоял минут пять, прежде чем решился это сделать.

Свистка не последовало.

Долгий проезд по эскалатору – ожидание поезда – но, наконец, я зашел в вагон и взялся за поручень. Было несколько свободных мест, но сидеть между людьми я не смог бы. Вот и стоял так, чтобы точно избежать случайного соприкосновения или вопроса: «Вы сейчас выходите?»

На «Курской» двери вагона разъехались, и я увидел компанию ментов: трех мужчин и одну девушку, совсем молодую, почти даже юную. Они о чем-то говорили, пока вдруг кто-то один не крикнул:

– Смотри!

И они всей гоп-капеллой рванули в наш вагон. Я очень испугался.

То есть я испугался автоматически при виде милицейской формы, но когда прозвучало резкое «смотри!», дыхание перехватило, и просто как в страшный сон попал.

Но им нужен был инвалид, а, конечно, не я. Тот только заехал в первую дверь на своем кресле-каталке и с шапкой для купюр. Это был здоровый мужик в камуфляже и без ног.

Трое ментов вмиг настигли и схватили его, но он крепко вцепился в перила.

– Отпусти руки!

Мне было очень страшно, не то что за инвалида, а страшно за себя как за свидетеля беспощадной битвы. Как будто попал в документальный фильм «Дикая природа» и был в относительной безопасности, но только пока жестокие силы меня случайно не заметят. Свиныня, говядина и вечернее пиво превратили этих существ в опасных животных. Наказать инвалида или кинуть палку – для них забава, просто способ размять затекшие конечности, а я хотел забиться в конуру, грызть орехи и держаться подальше от женщин.

Инвалид был силачом и держался крепко.

– Не пойду, – говорил он как ребенок, но громким и сильным голосом, заглушая все остальные звуки метрополитена.

– Пошли! Отпусти руки, мудака! – трое мужиков тянули и не могли оторвать инвалида от шеста, девушка-мент лупила его по рукам, но он еще держался.

Двери не закрывались. Мы никуда не ехали. Но вот ментам удалось вытянуть инвалида из вагона. Мужики держали

его, а девушка-мент – я вдруг заметил, что она красива, – тщательно и зло произнесла:

– Ну все, пиздец тебе теперь.

И двери тут же захлопнулись, как занавес упал. Я был совершенно уверен, что финальная реплика произнесена для меня.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Сегодня ходил за гонораром в издание «Независимая эротическая газета “Еще”».

Улица N, N/N, офис NN. Вскрылся, пока нашел там офисы. Ходил вокруг этого здания, огромного, длинного, буквой Г. И думал, что ж вы мне, блять, не объяснили, где вход. Денег на звонок не было, проклинал все: серьезный писатель должен продавать рассказы по 950 рублей, а потом еще ломать мозг, как эти деньги забрать. На 15-й минуте осенило (собственно, 15 минут занял обход дома). Офисы находятся во дворе – на первых этажах. Нужно просто набрать номер офиса, как номер квартиры, на домофоне.

Оказался прав.

– Да?

– Это газета «Еще»?

– Да.

– Впустите.

На пороге сушенный мужчина в кожаной куртке спросил:

– Вы с кем договорились?

Ответил:

– Я к Ольге.

В общем, атмосфера, как в толстых журналах. Только деньги выдавали не в бухгалтерии – ее, видимо, тут нет. Сама главный редактор выдавала (правда, она откровенно моложе главных редакторов всех до единого толстых журналов – ей около 30). На ней были колготки в сеточку.

Она распахнула скрепленную из листов А4 учетную тетрадь. Расписался напротив своей фамилии. Разметка – один в один журнал «Знамя». Но там почему-то не смущался получать деньги. В «Знамени» вышло 1500 рублей за рассказ. Хотя тот рассказ был в 2 или 2,5 раза длиннее, а публикации и денег ждать пришлось в 12 раз дольше.

Расписываясь, в списке авторов увидел: Кирилл Рябов. Значит, напечатаны в одном номере с хорошим другом. Только Кирилл получит деньги позже по почте. Он сказал, что уже опубликовал в «Еще» «небольшое собрание сочинений».

– Вам дать авторский экземпляр?

Дать. Видимо, показалось, что она сказала в единственном числе: получил 2 пестрых и одновременно тусклых газеты, запечатанных в полиэтилен. И свои 950 рублей.

В «Знамени» же теперь не дают бесплатных авторских экземпляров.

Проводила меня до дверей:

– Обязательно пишите еще.

На улице, не распечатывая, посмотрел газету. True. Думал, что таких не выпускают лет 15. Неужели на них еще кто-то дробит? Наверное, просто собирают истинные коллекционеры. Не стал распаковывать на улице, хотя и было любопытно.

Распаковал дома после ужина, приблизительно через два с половиной часа.

Тираж 22 000 экз. Многовато, если это для эстетов-ценителей. Точно. Вспомнил, как держал подобное издание в руках в больнице 9 лет назад. Называлось «Клубничка».

Нашел свой рассказ. Возможно, зря забыл придумать псевдоним. Название почему-то – «Душный оргазм». Что ж, редакторам виднее. Все равно не скрыть, что это высокая литература, и на нее не подроочишь. Перечитывать не стал, хотя заметно, что есть незначительные правки помимо заглавия. Текст Кирилла почему-то не нашел. Может, печатается под псевдонимом. Не захотелось все прочитывать, пытаюсь угадать его стиль.

Распакованный экземпляр будет лежать в туалете.

Запакованный нужно подарить, если найдется достойный этого человек.

Книги издательства «Ил-music» как правило можно купить в магазинах:

- «Фаланстер», «Ходасевич», «Циолковский» (Москва);
- «Все свободны», «Факел», «Марки и закладки» (Санкт-Петербург);
- «Смена» (Казань).

По почте вы можете заказать книги через сообщество реп-группы «макулатура» на «вконтакте»:

- <https://vk.com/makulaturabra>

НИ ОКЕАНОВ, НИ МОРЕЙ

Е. Алехин, 2012

Ил-music, 2016

корректор – Аглая Топорова

выпускающий редактор – Настя Козакевич

оформление обложки – Вова Седых

фото на обложке – Анна Яушева

верстка – Chonyatsky